

ISSN 2409-3793

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя D. ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

Выходзіць два разы ў год

2 (54)
2019

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар);
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (нам. галоўнага рэдактара);
д-р экан. навук прафесар Н.У. Макоўская (старшыня рэдакцыйнага савета серыі D);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Эканоміка:

д-р экан. навук прафесар Л.У. Пакуш (Горкі)
д-р экан. навук прафесар С.А. Канстанцінаў (Горкі)
канд. экан. навук дацэнт Т.Ф. Балашова (Магілёў)

Сацыялогія:

д-р сацыял. навук прафесар Ю.М. Бубнаў (Магілёў)
д-р сацыял. навук прафесар Н.М. Беляковіч (Мінск)
д-р сацыял. навук дацэнт М.Я. Ліхачоў (Магілёў)
канд. сацыял. навук дацэнт С.М. Ліхачова (Магілёў)

Право:

д-р юрыд. навук прафесар В.М. Бібіла (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар А.Г. Цікавенка (Мінск)
канд. юрыд. навук дацэнт Л.Ф. Лазуціна (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А.І. Пліско (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А.Ф. Свіб (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс "Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова" ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

ГНАТЮК С. Н., ПЕКЕРТ Н. А. Конкурентоспособность рабочей силы на рынке труда в современной экономике	4
ДЕДИНЕЦ В. В. Инновационная среда предприятия	9
ЛАРКИНА Ю. В. Подходы к обеспечению эффективности учреждений физической культуры и спорта	17
КЛИМОВА Л. А. Оценка конкурентоспособности предприятия на внешнем рынке	22
ВОРОНЕЦКАЯ Л. Г. Перспективы и приоритеты государственной политики на рынке труда научных работников Беларуси	31
ДОВЫДЕНКО О. Г. Формирование экономической культуры студентов неэкономических специальностей	41
ПОСТАЛОВСКИЙ А. В. Социология дестабилизации: теоретико-методологические аспекты.....	47
ТИШКЕВИЧ М. Я. Социальный капитал в современном трансформирующемся обществе	56
БЕЛЬСКИЙ А. М. Виртуальная репрезентация повседневности молодыми пользователями визуальной социальной сети: социологический анализ	62
БАЗЫЛЕНКО А. В. Об актуальных подходах к изучению феномена “молодежь” ...	71
ВОРОНЕНКО А. И. Эмиль Дюркгейм как основоположник социологии образования	80
БУРАКОВ В. Н. Выселение граждан из жилых помещений государственного жилищного фонда	86
БУШКЕВИЧ Н. С. Особенности проведения осмотра места происшествия по делам о хулиганстве, совершенном группой лиц	93
АНИСИМОВ А. П. Концепция “кооперативного федерализма” и ее влияние на практику охраны окружающей среды зарубежных стран	100
ГРИБОВСКИЙ А. А. Проблемы нормативного правового регулирования гражданского оборота токена.....	108
ДАНЬКОВА И. В., ВЫСКРЕБЦЕВ А. И. Актуальные вопросы договорного режима имущества супругов в Республике Беларусь.....	118
ГОНЧАРОВ В. В. Общественный контроль как средство противодействия коррупции в органах государственного управления в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ).....	124
ВНУЧЕНКОВА А. Ю. Законодательство, регулирующее пребывание иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь.....	133
РЫЖАНКОВ А. Ю. Истоки установления ответственности за халатность на землях Беларуси в XI–XVI вв.	141
БУСЕЛ А. А. Субъектный состав договора транспортного страхования грузов.....	151
СВИБ А. Ф., КАБЗОВА Н. В. Проблемные аспекты правового регулирования трансферных отношений в сфере спорта	157

ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

УДК 330.131

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА РЫНКЕ ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

С. Н. Гнатюк

кандидат экономических наук, доцент

Н. А. Пекерт

старший преподаватель

Белорусско-Российский университет (Могилев)

В статье рассматривается роль образования в обеспечении конкурентоспособности рабочей силы. Основная доля бюджетных средств вкладывается в дошкольное и общее среднее образование. Рассмотрены тенденции развития дошкольного и общего среднего образования в Могилевской области. Сделан вывод, что обеспечение конкурентоспособности человека требует разработки и реализации системы мер, обеспечивающих инвестиции в человеческий капитал.

Ключевые слова: конкурентоспособность, рабочая сила, человеческий капитал, рынок труда, образование.

Введение

Система трудовых отношений в Беларуси в конце XX – начале XXI в. претерпела существенные изменения под воздействием формирования и развития элементов рыночного механизма, создания условий для перехода на постиндустриальную стадию производства, цифровизации экономики, охвата всех сфер деятельности человека, в том числе в трудовой, элементами “экономики знаний”.

Понятие “конкурентоспособность” применяют к рабочей силе вследствие расширения сферы реализации рыночных отношений, так как в экономические отношения купли-продажи вовлекаются не только товары, услуги, технологии, знания, но и люди, обладающие профессиональными умениями и навыками.

Формирование и развитие экономики знаний изменяет характер общественного производства. Оно становится информационно-емким, приобретает сетевой и глобальный характер, в том числе и в сфере трудовых отношений, на рынке труда. Информация, знания являются ключевыми факторами развития производства, а интеллектуальные, творческие способности человека – ведущей производительной силой современной экономики.

В рыночной экономике механизм конкуренции универсален, имеет принудительный характер, заставляет работника углублять и расширять свои конкурентные преимущества. Конкурентоспособность работника понимается как совокупность качеств, дающая преимущества их владельцу в системе трудовых отношений по сравнению с другими участниками рынка труда. Качества, которыми обладает определенный работник и которые оказываются предпочтительнее, чем у конкурентов, являются его конкурентными преимуществами. Качество работника на постиндустриальной стадии развития экономики определяется его способностью создавать интеллектуальные ценности, приносить предприятию максимальный доход при минимуме затрат вещественного капитала.

© Гнатюк С. Н., 2019

© Пекерт Н. А., 2019

Основная часть

Так как возможности устойчивого социально-экономического развития связаны с экономикой знаний, то конкурентоспособность работника зависит, прежде всего, от его интеллектуальных способностей. В силу этого основную роль в обеспечении конкурентных преимуществ играет система образования, что должно учитываться при формировании механизма государственного регулирования данной сферы и проявляться в:

- институциональном обеспечении равных стартовых возможностей в конкуренции человеческих ресурсов через доступность и развитие качественной системы основного образования;
- стимулировании вложений в человеческий капитал государственных инвестиций и создание условий для роста частных инвестиций в обеспечение конкурентоспособности человека на рынке труда;
- оптимизации соотношения источников воспроизводства человеческого капитала (факторных доходов и социальных трансфертов) как основы конкурентоспособности человеческих ресурсов.

Государство играет важную роль в обеспечении конкурентоспособности человека на рынке труда посредством использования принудительных (обязательное образование в объеме средней школы) и стимулирующих мер, создавая благоприятные условия для развития потенциала человека, содействуя росту знаний, развитию творческих способностей, формированию навыков совершенствования возможностей человеческого капитала.

В Беларуси формируется социально ориентированная рыночная экономика, которая предполагает усиленное внимание к социальным аспектам. В республике расходы на образование, как одну из ведущих сфер обеспечения конкурентоспособности человека на рынке труда, устойчиво растут. Однако в ВВП страны удельный вес расходов на образование в последние годы не достигает уровня соответствующего требованиям устойчивого развития экономики (5–6% ВВП). В странах, развивающихся по модели социально ориентированной экономики, расходы на образование составляют от 7,2% (Финляндия) до 7,7% ВВП (Швеция) [1, с. 5].

Расходы на образование в Могилевской области в последние годы увеличиваются как в абсолютных, так и относительных показателях (таблица).

**Расходы консолидированного бюджета на образование
в Могилевской области**

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ВРП, млн руб. (2010–2015 гг. – млрд руб.)	13526,2	21886,4	40158,9	49508,8	58039,8	63987,6	6743,8	7539,8
Расходы консолидированного бюджета, млн руб. (2010–2015 гг. – млрд руб.)	3164,7	5213,1	9879,1	12924,5	14622,0	14356,2	1558,5	1627,0
Расходы консолидированного бюджета на образование, млн руб. (2010–2015 гг. – млрд руб.)	825,8	1481,2	2714,3	3486,2	3907,8	4238,9	480,3	511,6
В процентах к общим расходам бюджета	26,1	28,4	27,5	27,0	26,7	29,5	30,8	31,4
В процентах к ВРП	6,1	6,8	6,8	7,0	6,7	6,6	7,1	6,8
Расходы на: дошкольное образование	167,8	328,1	605,0	796,2	960,7	1001,7	114,6	125,5

Окончание таблицы

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
в процентах к расходам бюджета на образование	20,3	22,2	22,3	22,8	24,6	23,6	23,9	24,5
общее среднее образование	472,9	830,5	1500,6	1864,9	2043,0	2264,4	250,8	266,0
в процентах к расходам бюджета на образование	57,3	56,1	55,3	53,5	52,3	53,4	52,2	52,0
Дополнительное образование детей и молодежи	54,5	109,9	199,4	255,0	278,6	317,5	35,4	37,4
в процентах к расходам бюджета на образование	6,6	7,4	7,3	7,3	7,1	7,5	7,4	7,3

Источник: рассчитано по: [2; 3]

Доля расходов на образование в ВРП области в 2017 г. составила 6,8% (2010 г. – 6,1%). Прирост расходов на образование в области за этот период составил 5,3 п.п. Доля расходов на дошкольное образование за данный период возросла с 20,3% до 24,5%, а на общее среднее образование сократилась с 57,3% до 52%. Удельный вес расходов на дополнительное образование детей и молодежи увеличился на 0,7 п.п.

Формирование конкурентоспособности рабочей силы начинается еще в дошкольном возрасте, так как на этой стадии обеспечивается разностороннее развитие личности ребенка в соответствии с его индивидуальными способностями и потребностями. Дошкольное образование обеспечивается развитием многофункциональной сети дошкольных учреждений, внедрением новых форм организации в соответствии с запросами родителей. Обеспеченность детей учреждениями дошкольного образования в республике является одной из самых высоких среди стран СНГ. Охват детей учреждениями дошкольного образования в возрасте 1–5 лет по республике составляет 75,8%, по Могилевской области – 76,4%, в городах и поселках городского типа – 82,7%, в сельских населенных пунктах области – 49,9% [2].

В городской местности Могилевской области в 2017 г. насчитывалось 259 учреждений дошкольного образования (54% от всех дошкольных учреждений области), которые посещали 38,6 тыс. детей. Процесс воспитания и обучения обеспечивали 4,8 тыс. педагогических работников. В сельской местности области в 2017 г. функционировало 223 дошкольных учреждений образования, которые посещало 5,7 тыс. детей. За последние годы количество дошкольных учреждений в сельской местности сократилось на 48 единиц, что аналогично тенденциям по республике и области. Это связано с уменьшением численности сельского населения, рождаемости и, соответственно, детей дошкольного возраста. В сельской местности все дети обеспечены местами в дошкольных учреждениях и заполняемость составляет 96 детей на 100 мест. Рост рождаемости в городах привел к нехватке мест в дошкольных учреждениях в городской местности области: 106 детей на 100 мест [2; 3].

Общее среднее образование с точки зрения обеспечения конкурентоспособности рабочей силы направлено на подготовку ребенка к полноценной жизни в обществе, овладение основами наук, навыками умственного и физического труда, началу трудовой деятельности и продолжению образования.

Число учреждений общего среднего образования в городах и поселках городского типа Могилевской области увеличилось в 2017 г. по сравнению с 2010 со 160 до 177 (на 10,6%), так как численность учащихся выросла с 87,0 тыс. до 92,9 тыс. (на 6,8%). В сельской местности за этот период наблюдается сокращение количества школ с 290

до 207 (на 29%), хотя в целом по республике оно составило 15%. Это вызвано резким сокращением количества детей школьного возраста (на 24%), проживающих на сельских населенных пунктах. Закрытие школ в малонаселенных деревнях происходило в том числе и в целях оптимизации сети учреждений общего среднего образования и расходов районных управлений образования на содержание школ.

В связи с сокращением количества школ и учеников в области сократилась численность учителей с 15,4 тыс. в 2010 г. до 13,2 тыс. в 2017 г. (на 14,3%), в сельских населенных пунктах – с 5,7 тыс. до 4,1 тыс. (на 28%). Но так как количество школ в сельской местности сократилось на 29%, а численность учащихся – на 24%, то количество учеников на одного преподавателя практически не изменилось и составляет в среднем 4 ученика, в то время как по области и республике – 8 [2; 3].

Таким образом, можно констатировать, что по количественным показателям условия развития дошкольного и общего среднего образования в городской и сельской местностях имеют примерно одинаковый уровень, преодолены различия в материально-техническом обеспечении учреждений образования. Вместе с тем развитие человеческого потенциала и обеспечение конкурентоспособности рабочей силы на данной стадии развития ребенка имеет большие резервы, особенно в виде дополнительного образования детей. Общий коэффициент охвата населения начальным образованием в соответствии с МСКО 1 (дошкольное образование) в Беларуси составляет 98,5%. В большинстве развитых стран он более 100%: в Германии и Франции составляет 105%, Англии – 108,5%, а в Швеции – 123%. По показателю общий коэффициент охвата населения средним образованием (МСКО 2 и 3), соответствующий общему среднему образованию в Беларуси, различия еще больше: Беларусь – 102,9%, Англия – 127,8%, Дания – 130,8%, Швеция – 140,5%, Бельгия – 166,8% [1, с. 11–13]. Это обусловлено развитием дополнительного образования детей, стремлением создать базу для дальнейшего успешного обучения как в школьном возрасте, так и на протяжении всей сознательной жизни.

В силу увеличения роли человека как фактора устойчивого развития требуется разработка и реализация специальной системы мер, способствующих росту инвестиций в человеческий капитал. Управление процессом развития человеческого капитала, развития конкурентоспособности рабочей силы должно осуществляться по двум направлениям:

- формирование и развитие человеческого капитала, конкурентоспособности работников, занятых в экономике, которое должно охватывать как занятое население, так и лиц младше трудоспособного возраста. Формирование способностей, потенциала трудовых ресурсов следует рассматривать как основную форму деятельности государственных и других субъектов региона, направленную на создание условий для процесса воспроизводства и обеспечения конкурентоспособности рабочей силы. Усилия местных органов власти необходимо направить на совершенствование системы образования, начиная с дошкольного образования, на создание и развитие процесса непрерывного образования с тем, чтобы она в полной мере соответствовала потребностям постиндустриальной экономики и устойчивому развитию страны;

- рациональное использование рабочей силы. Целью этого направления является обеспечение рациональной занятости, развитие и совершенствование профессионально-квалификационного уровня работников в соответствии с требованиями экономики региона, наполнение содержательного характера трудовой деятельности. Деятельность местных органов власти должна быть направлена на создание условия для эффективного использования человеческого капитала посредством политики в сфере труда и занятости, инвестиционной, инновационной и структурной политики, под-

держку самозанятости населения, инвестиционных проектов, результатом реализации которых будет создание новых рабочих мест.

Заключение

Таким образом, в условиях перехода на стадию постиндустриального развития, роста объема информации и диверсификации ее форм и носителей возрастает роль функциональной грамотности, которая должна формироваться на стадиях дошкольного и общего среднего образования, и которая означает, что человек может осуществлять любые виды деятельности, в которых грамотность необходима для эффективного функционирования, позволяет ему использовать приобретенные знания для собственного развития или для развития его сообщества. Поэтому необходимо совершенствование системы образования на протяжении всей сознательной жизни человека, что требует совершенствования системы управления человеческим капиталом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Система образования Республики Беларусь в цифрах. – Минск : Учреждение “Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь”, 2018. – С. 64.
2. Регионы Республики Беларусь, 2018 (том 1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_10915/ – Дата доступа: 24.03.2019.
3. Официальный портал Могилевского областного исполнительного комитета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mogilev-region.gov.by/category/byudzhet/konsolidirovanny-byudzhet-mogilevskoy-oblasti>. – Дата доступа: 24.03.2019.

Поступила в редакцию 03.04.2019.

Контакты: viclav@tut.by (Гнатюк Сергей Николаевич)

Hnatsiuk S., Pekert N. WORKFORCE COMPETITIVENESS IN LABOUR MARKET IN MODERN ECONOMY.

The article examines the role of education in ensuring the workforce competitiveness. The main share of the budget is invested in preschool and general secondary education. The tendencies of the development of preschool and general secondary education in the Mogilev region are considered. It is concluded that the competitiveness of a person requires the development and implementation of the system of measures ensuring investment in human capital.

Keywords: competitiveness, workforce, human capital, labour market, education.

УДК 338.49

ИННОВАЦИОННАЯ СРЕДА ПРЕДПРИЯТИЯ

В. В. Дединец

заместитель генерального директора

ОАО “Лента” по внешнеэкономической деятельности (Могилев)

В статье уточнено определение внешней и внутренней инновационной среды предприятия, выделены основные компоненты инновационной среды и их влияние на внедрение инноваций. Рассматривается важность формирования внешней и внутренней инновационной политики. Определена роль создания инновационного климата при внедрении инноваций на предприятии.

Ключевые слова: инновации, инновационная среда, внешняя среда предприятия, внутренняя среда предприятия, организационный климат, инновационная политика.

Введение

Среди множества тенденций развития современного общества можно выделить четыре, во многом являющихся определяющими:

1) возрастающая интеллектуализация основных факторов производства [1], когда внедрение достижений научно-технического прогресса обеспечивает качественные изменения в средствах и предметах труда, технологиях производства [2, с. 48];

2) постоянно увеличивающаяся скорость освоения в производстве результатов научных исследований, получение на этой основе новых (усовершенствованных) благ, предоставляемых потребителям;

3) возрастающее влияние человеческого капитала, включающего разнообразные компетенции, здоровье, среду проживания и трудовой деятельности, на экономическое и общественное развитие [3; 4];

4) смещение ориентации развития общества со стремления повышать уровень жизни людей к стремлению улучшать ее качество [5].

Как справедливо отмечено в [6], современная экономика немыслима без активного внедрения в производство наукоемких, информационных технологий, освоения новых видов сырья, повышения общеобразовательного уровня и профессиональных компетенций сотрудников. Все это справедливо и для текстильной индустрии, развитие которой неразрывно связано с инновациями [7].

Основная часть

Со времен Й. Шумпетера в научной и научно-практической литературе предложено достаточно много подходов к пониманию сущности инноваций. Анализируя многие из них, В.Л. Венский [1, с. 69] отмечает, что наиболее существенными признаками инноваций являются: 1) новизна, 2) широкая область возникновения, 3) ориентация на прогрессивное развитие. Далее он дает следующее определение инноваций. Это “создаваемые, осваиваемые новые или усовершенствованные технологии, виды продукции или услуг, а также решения производственного, организационного, экономического, социального, финансового, юридического, коммерческого или иного характера, обеспечивающие в результате их внедрения и последующего практического применения положительный эффект для субъектов экономической деятельности”. Данное определение, несмотря на его громоздкость, вполне можно принять за основу, лишь изменив “субъектов экономической деятельности” на “субъектов социально-

экономической деятельности”, т. к. инновациям подвержены не только экономические, но и социальные сферы человеческой деятельности.

Схожее определение инноваций дается и в [8], где под инновацией понимаются “новшества в производственной, коммерческой, финансовой, управленческой, научной и других сферах, качественные изменения, которые обеспечивают общественный прогресс, повышение уровня эффективности производства”. Там же отмечается, что в основе инноваций лежит “непрерывный процесс поиска и реализации нововведений, позволяющих увеличить степень удовлетворения потребностей общества”.

В [9] не дается авторского определения инноваций, что, вероятнее всего, правильно, поскольку придумать нечто принципиально новое в этом плане уже невозможно, а “перестановка слов” нецелесообразна. Вместе с тем там отмечается, что:

1) несмотря на многочисленность определений инновации, их “общим содержанием звеном является связь инновации с изменениями, новыми идеями, технологиями и решениями” [9, с. 114];

2) поскольку инновации – многообразное явление, то это объясняет и множество определений и множество выделенных в литературе видов инноваций.

Здесь необходимо отметить, что:

1) если первоначально понятие “инновация” в большей степени применялось к технико-технологическим и продуктовым новшествам, то сегодня данная категория распространяется и на нововведения в сферах управления, бизнес-процессов и социального развития субъектов хозяйствования;

2) инновации позволяют предприятиям переходить от продуктовой (индустриальной) экономики к экономике клиенто- или сервисноориентированной [10]. Основные различия между ними представлены в таблице.

Таблица 1 – Сравнение сервисной и индустриальной экономики

Параметр сравнения	Индустриальная экономика	Сервисная экономика
Нацеленность деятельности предприятия	Максимизация прибыли за счет наращивания выпуска товарной продукции	Максимизация собственной стоимости за счет повышения полезности производимых изделий и услуг, более полного удовлетворения запросов клиентов
Основные черты менеджмента	Высокий уровень централизации и механистичности структур управления	Низкий уровень централизации и высокий уровень органичности структур управления
Взаимоотношения с покупателями	Стремление навязать произведенный товар, “клиент должен купить”	Стремление завязать диалог и проконсультировать, “клиент должен захотеть купить”
Взаимоотношения с персоналом	Преобладание административных методов воздействия, ориентация на наказание	Преобладание поощрительных методов воздействия, обучение и развитие

Примечание: авторская разработка на основе [10]

Успешность инновационной деятельности на предприятии во многом определяется существующей инновационной средой. Введение данной категории в экономическую науку в 80-х гг. прошлого столетия связано с именем классика неомарксизма Мануэля Кастельса [11]. Он рассматривал инновационную среду:

– во-первых, как совокупность отношений производства и управления, основанную на социальной организации, культуре труда и инструментальных целях, направленную на создание новых знаний, продуктов, производственных и управленческих процессов. При этом инновационная среда должна быть способна генерировать позитивные синер-

гетические эффекты, т. е. добавленная стоимость должна получаться не как результат простой суммы факторов производства, а как следствие их взаимодействия;

– во-вторых, как совокупность существующих в регионе условий, способствующих производству новых идей и продуктов, созданию новых производств и появлению новых рынков.

Таким образом, по отношению к организации можно говорить о внутренней и внешней инновационной среде. Этой точки зрения придерживаются многие авторы [12; 13; 14; 15].

В [12] к основным компонентам внешней среды относят социальную, экономическую, политическую и технологическую сферы. В [13] эти сферы рассматриваются более подробно с выделением следующих элементов: общее состояние экономики; научно-технический прогресс; демографическая ситуация, законодательство и органы государственного регулирования; поставщики сырья, материалов и комплектующих изделий, различных видов энергии и оборудования; потребители продукции; существующие и потенциальные конкуренты; различного рода посредники. В [15] к элементам внешней инновационной среды организации отнесены все рыночные институциональные структуры, содействующие инновационному развитию, но ничего не сказано о тех, которые этому препятствуют. В [14] внешняя среда понимается как технико-экономические предпосылки инновационного развития. При этом подчеркивается, что на внешние факторы организация влиять не может, но может либо смягчить (если они неблагоприятные), либо усилить их воздействие.

Таким образом, можно утверждать, что, во-первых, во внешней инновационной среде организации можно выделить экономическую, технологическую, политическую и социальную среду. Каждая из них включает в себя множество элементов (компонент), некоторые из которых могут одновременно принадлежать разным средам. Во-вторых, для организации важно состояние этой среды в тех регионах (странах), где она осуществляет свою деятельность, т. е. производит и реализует свою продукцию (услуги). Именно в привязке к этим регионам в данной статье рассматривается внешняя инновационная среда.

Основными компонентами внешней экономической инновационной среды организации являются:

1) потребители производимой продукции (услуг), предъявляющие требования не только к ее цене и качеству, но и к ее инновационности, отличию от предшествующих аналогов;

2) конкуренты, производящие аналогичную продукцию и товары-субституты;

3) партнеры по бизнесу, среди которых можно выделить:

– поставщиков сырья, материалов и комплектующих, продукция которых должна соответствовать предъявляемым требованиям качества;

– организации, выполняющие определенные работы на условиях аутсорсинга;

– банковские и финансовые организации, способные, либо не способные обеспечить предприятие необходимыми инвестициями;

4) демографическая ситуация, основной составляющей которой является наличие рабочей силы, способной создавать инновационную продукцию с требуемым уровнем качества и производительностью;

5) общая экономическая ситуация (спад или подъем экономики);

6) существующее законодательство (прежде всего налоговое), поощряющее или нет производство инновационной продукции.

Технологическая внешняя инновационная среда – это созданные в результате научно-технического прогресса, анализа текущих и будущих потребностей потребителей знания в отношении изделий (услуг), их дизайна и технологии изготовления.

Политическая внешняя инновационная среда предприятия включает в себя:

- внешне- и внутривнутриполитическую ситуацию;
- законодательство, регулирующее инновационное развитие и деятельность инновационных организаций;
- непосредственные действия органов государственного управления, которые могут как способствовать, так и препятствовать инновационной деятельности, которая всегда связана с рисками.

Внешняя социальная инновационная среда включает в себя следующие основные элементы:

- преобладающая ментальность общества, существующее в обществе отношение к инновациям и изменениям. В отношении белорусского общества это достаточно хорошо представлено в [16];
- существующая социальная инфраструктура;
- преобладающие уровень и профиль образования населения.

Гораздо больше разночтений в литературе существует в отношении сути и составных элементов внутренней инновационной среды организации. Так в [12] под ней понимаются существующие в организации отношения и связи, образуемые состоянием элементов организации, влияющих на ее деятельность в инновационной сфере. В [14] утверждается, и с этим можно согласиться, что трактовать термин “инновационная среда” нужно по-разному в зависимости от того, какая организация-субъект инновационной деятельности рассматривается:

- непосредственный создатель новшества (научная организация, вуз, ученый-изобретатель);
- субъект инновационной инфраструктуры (информационный посредник, технопарк, выставка, ярмарка);
- орган государственного управления, действующий в рамках целевой программы инновационного развития;
- предприятие, производящее инновационную продукцию на основе новых технологий.

Однако здесь же утверждается, что в самом общем виде внутренняя инновационная среда понимается как совокупность ресурсов организации, которые она может задействовать в инновационном процессе, т. е. они ей подконтрольны. В [15] к элементам внутренней инновационной среды отнесены все компоненты инновационного потенциала организации, способные генерировать новшества и осуществлять их коммерциализацию, т. е. инновационная среда в той или иной степени отождествляется с инновационным потенциалом предприятия (см., например, [7; 17; 18]).

Более подробно, правда, без какой-либо классификации, элементы внутренней инновационной среды организации представлены в [13], где к ним отнесены:

- наукоемкость производства и наличие в организации исследовательских и опытно-конструкторских подразделений, экспериментальных производств;
- уровень добавленной стоимости, получаемой предприятием;
- длительность производственного цикла и цикла обращения;
- тип производства;
- энергоемкость, фондоемкость и технический уровень производства;
- уровень качества продукции;
- уровень износа основных фондов и оборудования;
- уровень квалификации работников;
- жизненные установки, ценности и традиции, которые существуют в организации и влияют на отношение работников к самой организации, труду и производимому продукту.

Обобщая и дополняя приведенные подходы к пониманию сути и составу внутренней инновационной среды организации, можно выделить ее основу, которой является инновационная политика предприятия, и две группы элементов, которые будут рассмотрены ниже.

Как справедливо отмечено в [19], инновационная политика “выступает как в роли конкретных процедур и регламентов, обязательных к исполнению всеми сотрудниками предприятия, так и системой внутренних норм и правил, ценностей сотрудников”. При этом выделяется внешняя и внутренняя инновационная политика. Внешняя инновационная политика – это “общая линия поведения предприятия на рынке”, которая определяется целями его владельцев, потребностями рынка и возможностями предприятия, в том числе его системы управления. Внутренняя инновационная политика – это инструмент настраивания поведения персонала на инновационное развитие предприятия, что непосредственно определяется существующей на предприятии организационной культурой и изменениями, происходящими в системе управления.

В первую группу элементов инновационной среды организации входят те, которые легко различимы и измеримы. К ним относятся:

- наличие в организации подразделений, специализирующихся на создании и внедрении технических, технологических и продуктовых инноваций;
- уровень износа и скорость обновления оборудования;
- уровень качества продукции и скорость обновления ее ассортимента;
- уровень используемых технологий в соотношении с господствующими в отрасли;
- уровень квалификации и обучаемости работников предприятия;
- наличие финансовых ресурсов, которые предприятие может использовать для своего инновационного обновления.

Вторую группу составляют элементы, которые не лежат на поверхности, их достаточно сложно измерять и поэтому, по убеждениям авторов [20], они, как правило, скрыты от внимания руководителей. К их числу относятся:

- коллективные жизненные ценности и базовые представления основной части работников, в которых отражаются отношение людей к предприятию, своему труду, к друг другу и руководству. При этом, как утверждается в [20], следует различать ценности действительные и декларируемые, т. к. совпадают они далеко не всегда, особенно учитывая характеристики ментальности нашего населения, названные в [16];
- желания работников участвовать в инновационной деятельности, которая, как отмечено в [21], требует обязательного изменения существующих на предприятии ценностей, правил и норм поведения, принципов организации жизнедеятельности;
- существующие на предприятии взаимоотношения между руководством и рядовыми работниками. Если топ-менеджмент направляет всю свою энергию на построение авторитарной империи и создает внутрифирменную конкуренцию, в которой слабо выражен или полностью отсутствует дух единства, то люди будут участвовать в инновационной деятельности только “от и до” для того, чтобы избежать возможного наказания. Если, напротив, топ-менеджмент формирует в организации командную сплоченность и общие цели, то работники будут заинтересованы в участии во внедрении инноваций [20];
- организационный климат, способствующий зарождению и реализации инновационных идей. Как отмечено в [22], наличие такого климата гораздо важнее “пунктуального вмешательства в инновационный процесс”.

Здесь уместно вспомнить Дональда Кирпатрика [23], который выделял пять видов организационного климата (запрещающий, обескураживающий, нейтральный, поддерживающий, требующий), способствующего или препятствующего внедрению

в организации новых знаний и навыков, приобретенных работниками в ходе какого-либо обучения.

Сложность создания климата, способствующего зарождению и внедрению инноваций, заключается в том, что в инновационных процессах участвуют люди и подразделения, занимающиеся тремя разными видами деятельности: создающие новшества, внедряющие их в конкретное производство, продающие инновационную продукцию. Как утверждал П. Линдхолм: “Для внедрения инноваций в промышленное производство, важно стимулировать всех участников производственной цепочки: и тех, кто создает инновации, и тех, кто воплощает их в жизнь” [24]. Однако если для создания и коммерциализации инноваций нужны низкая степень централизации управления и отсутствие бюрократических барьеров, то при непосредственном внедрении инноваций управление должно быть достаточно жестким [22].

Помимо этого, в инновационной деятельности участвуют так называемые обеспечивающие подразделения (бухгалтерия, кадровая служба и т. д.) и само руководство предприятия. Это неизбежно приводит к существованию на предприятии как минимум пяти видов субкультур:

- подразделений, в которых создаются новшества;
- подразделений, в которых внедряются новшества;
- подразделений, занимающихся коммерциализацией инновационной продукции;
- обеспечивающих подразделений;
- топ-менеджмента предприятия.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что знание состояния внешней инновационной среды, тенденций развития ее основных компонентов, позволяет менеджменту предприятий определять правильный курс развития внутренней инновационной среды, способной генерировать новшества и их коммерциализацию.

Формирование внешней и внутренней инновационной политики, вовлечение персонала в инновационную деятельность, нахождение между ними определенного баланса, способствующего инновационному развитию, сегодня является одной из важнейших задач, стоящих перед руководством предприятий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Венский, В. Л.** Инновации: сущность, содержание и классификация / В. Л. Венский // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2008. – № 2. – С. 67–71.
2. **Степанов, А. А.** Знания, информация и творчество как стратегический ресурс развития в инновационной экономике / А. А. Степанов, М. В. Савина // Вестник Академии. – 2013. – № 1. – С. 47–51.
3. **Майорова, Н. В.** Инновационная экономика: новые требования к организации образования / Н. В. Майорова // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управлени. – 2013. – № 4. – С. 49–55.
4. **Носкова, К. А.** Многоуровневая модель формирования человеческого капитала / К. А. Носкова // Экономика и менеджмент инновационных технологий, 2014, № 10. – [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/10/6067/> – Дата доступа: 19.11.2016.
5. **Зонова, О. В.** Механизм управления качеством трудовой жизни работников предприятий угольной промышленности Кузбаса / О. В. Зонова, О. Б. Шевелева // Вестник ВГУ. – 2012. – № 2. – С. 87–94.

6. **Солдатов, В. В.** Инновационный текстильный кластер как основное направление развития текстильной промышленности / В. В. Солдатов, И. В. Некрасова // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2016. – № 3(47). – С. 154–157.
7. **Ловкова, Е. С.** Проблемы активизации инновационной деятельности в текстильной промышленности / Е. С. Ловкова, Т. В. Старикова, Н. В. Сироткина // Технологии текстильной промышленности. – 2016. – № 5(365). – С. 22–25.
8. **Таратухин, Д. С.** Воспроизводственная структура инновационного развития / Д. С. Таратухин // Terra economicus. – 2012. – Т. 10, № 1, ч. 3. – С. 12–15.
9. **Петрова, Ю. И.** Сущность и значение инноваций / Ю. И. Петрова, М.С. Фомина // Вестник Академии. – 2014. – № 1. – С. 113–117.
10. **Андреева, О. В.** Роль интегрированных систем менеджмента в обеспечении инновационно-инвестиционной модели развития крупных отраслевых корпораций / О. В. Андреева // Terra economicus. – 2012. – Т. 10, № 3, ч. 3. – С. 43–46.
11. **Кастельс, М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
12. **Шаповалова, О. Н.** Инновационная среда организации / О. Н. Шаповалова, С. С. Малхасьян // Инновационные технологии в образовании и науке : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 мая 2017 г.) : в 2 т. / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : ЦНС “Интерактив плюс”, 2017. – Т. 2. – С. 180–181.
13. Управление инновационной средой фирмы // Единый центр дистанционного образования. Экономика и развитие предприятия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kylbakov.ru/page74/page75/index.html>. – Дата доступа: 24.01.2018.
14. **Томилини, Я. В.** Процесс формирования инновационной среды организации / Я. В. Томилини // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-2. – С. 335–339.
15. Инновационная экономика : энциклопедический словарь-справочник. – М. : МАКС Пресс, 2012. – 542 с.
16. **Рудый, К.** Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. Рудый. – Минск : Издательский дом “Звезда”, 2017. – 368 с.
17. Инновационный потенциал предприятия: структура и оценка // Studme.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/15801117/ekonomika/innovatsionnyy_potentsial_predpriyatiya_struktura_otsenka. – Дата доступа: 06.04.2018.
18. **Мясникова, О. В.** Инновационный потенциал предприятий и факторы его активизации / О. В. Мясникова, А. Л. Кадошко // Инновационные образовательные технологии. – 2013. – № 1(33). – С. 69–75.
19. **Окатов, Ю.** Инновационный тип развития современного промышленного предприятия / Ю. Окатов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2012. – № 1. – С. 138–145.
20. **Синяков, Е. В.** Колесо инноваций / Е. В. Синяков, Д. Ю. Хомутский, Н. В. Лежнева. – М. : Полиграфические мастерские, 2012. – 216 с.
21. **Гулей, И. А.** Формирование и развитие организационной культуры в инновационной среде / И. А. Гулей // Cyberleninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-i-razvitie-organizatsionnoy-kultury-v-innovatsionnoy-srede>. – Дата доступа: 24.01.2018.
22. **Трубицына, Н. О.** Инновации и организационная культура на предприятии / Н. О. Трубицына // EKportal. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ekportal.ru/page-id-751.html>. – Дата доступа: 26.01.2018.
23. Оценка эффективности обучения. Модель Дональда Киркпатрик. // HR-Portal Сообщество и Публикации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/osenka-effektivnosti-obucheniya-model-donalda-kirkpatrik>. – Дата доступа: 18.10.2017.
24. Интервью с Питером Линдхолмом // Опора-кредит. Все о предпринимательстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opora-credit.ru/news/leaders/detail.php?ID=17429>. – Дата доступа: 22.07. 2017.

Поступила в редакцию 07.06.2019.

Контакты: +375(29) 623-00-45 (Дединец Виталий Валентинович)

Dedinets V. ENTERPRISE INNOVATIVE ENVIRONMENT.

The definition of enterprise external and internal innovative environment is specified, the main components of innovative environment and their influence on the introduction of innovations are distinguished. The importance of the formation of external and internal innovative policy is considered. The role of innovative climate accompanying the introduction of innovations is defined.

Keywords: innovations, innovative environment, external environment of enterprise, internal environment of enterprise, organizational climate, innovative policy.

УДК 005.7

ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Ю. В. Ларкина

магистр экономических наук, аспирант

Белорусский государственный экономический университет

Рассматриваются различные подходы к обеспечению эффективности учреждений физической культуры и спорта. Выявлена особая актуальность подходов, призванных усовершенствовать культурную и коммуникационную составляющие практической деятельности учреждений физической культуры и спорта.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, учреждение, эффективность, организация деятельности, управление.

Введение

В Республике Беларусь, являющейся спортивной державой, уделяется пристальное внимание развитию физической культуры и спорта. Проводится целенаправленная работа по повышению эффективности физкультурно-оздоровительных и спортивных занятий во всех сферах жизнедеятельности.

Перед учреждениями физической культуры и спорта стоит важная задача реализации государственной политики физического и духовного оздоровления народа.

Основная часть

Потребностям и принципам устойчивого развития современного общества соответствует тип гармоничной и всесторонне развитой, физически здоровой, образованной и духовной личности, ведущей активный образ жизни. Именно поэтому развитие физической культуры и спорта является одним из приоритетов государственной политики Республики Беларусь, важным фактором формирования здорового образа жизни человека и совершенствования человеческого капитала.

В настоящее время главной целью развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь является подъем уровня массовости физкультурно-спортивного движения в стране, повышение эффективности физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы и обеспечение социально гарантированных минимальных потребностей населения в услугах отрасли.

Ключевая роль в реализации государственной политики развития физической культуры и спорта, наряду с органами законодательной и исполнительной власти, отводится учреждениям физической культуры и спорта, от грамотной организационной деятельности которых зависит в конечном итоге личная заинтересованность и вовлеченность граждан в процесс физического и духовного совершенствования.

Существуют различные подходы к повышению эффективности учреждений физической культуры и спорта.

Одним из направлений является **повышение эффективности эксплуатации спортивной инфраструктуры.**

Проблема обусловлена, с одной стороны, значительной долей износа действующего спортивного фонда: спортивные объекты часто не соответствуют функциональному назначению и правилам безопасности проведения занятий, нуждаются в ремонте, зависимы от сезонных факторов (например, от подачи горячей воды городскими теплосетями), что усложняет, либо делает невозможным открытие ряда спортивных отделений на базе таких объектов.

С другой стороны, имеется проблема низкой загрузки новых многофункциональных спортивных сооружений – 32–41% от потенциальной мощности, что связывается с нерациональным использованием материальных и кадровых резервов [1].

Таким образом, высокая эффективность эксплуатации спортивной инфраструктуры предполагает как создание спортивного объекта с высокими техническими и качественными характеристиками, так и обеспечение соответствия показателей эксплуатации объекта его проектным нормативам путем совершенствования системы управления данным сооружением.

Осуществление комплексного эффекта возможно при условии проектирования и строительства спортивных объектов с современной и инновационной материально-технической базой, а также эксплуатации их таким образом, чтобы в течение дня в любой сезон объект был заполнен занимающимися спортом.

С апреля 2018 г. в Республике Беларусь введена ежеквартальная отчетность об эффективности физкультурно-спортивных сооружений, включающая сведения о времени эксплуатации сооружения, количестве человеко-посещений за отчетный период, загрузке сооружения в процентах, количестве нерабочих дней сооружения.

Разработана методика оценки социально-экономической эффективности функционирования спортивных объектов, включающая в себя как количественные, так и качественные (основанные на восприятии потребителя) характеристики [2].

Анализ эффективности эксплуатации спортивного комплекса при одновременном развитии приносящей доход деятельности призваны вывести убыточные спортивные сооружения на самоокупаемость или обеспечить необходимый уровень прибыльности.

Низкая загруженность спортивных комплексов связывается с недостаточно эффективным **использованием рыночных инструментов**.

Отмечается слабая развитость физкультурно-оздоровительных услуг, неосведомленность населения об оказываемых спортивных услугах, неактуальная информация на электронных ресурсах учреждений либо полное отсутствие таких ресурсов.

Мероприятиями, призванными привлечь дополнительные ресурсы в спортивное учреждение, являются: организация различных видов предпринимательской деятельности (спектра платных физкультурно-оздоровительных, сезонных и сопутствующих услуг), гибкая ценовая политика, задействование свободных площадей либо предоставление их в аренду, активное использование возможностей цифровых технологий в маркетинге, аналитике и коммуникации, организация направленной работы по связям с общественностью.

Развитие предпринимательской деятельности учреждением физической культуры и спорта призвано осуществить комплексный положительный экономический эффект в виде высвобождения ресурсов бюджета, увеличения налоговых поступлений от новых видов деятельности в местные и республиканский бюджеты, развития социально-значимых услуг и создания новых рабочих мест, создания условий для активного отдыха и досуга населения, повышения уровня здоровья, обеспечения высокого уровня мотивации подготовки спортсменов высшего спортивного мастерства, поднятия престижа государства в международном сообществе [3].

Услуги, связанные с общим закаливанием организма и повышением психической устойчивости индивидуума, ряд ученых рассматривает как социальные. Рекомендуется открытие некоммерческих центров здоровья с ассортиментом оздоровительных услуг в каждом микрорайоне города. Такие центры особенно важны для малообеспеченного населения, способного благодаря направленной социальной политике в перспективе перейти из малообеспеченного слоя в средний класс, имеющий устойчивые доходы, достаточные для удовлетворения широкого круга материальных и социальных потребностей [4].

Деятельность учреждения физической культуры и спорта включает и экономическую, и спортивную составляющие, которые тесно взаимосвязаны и неразрывны. Экономическая составляющая предполагает коммерческое использование физкультурно-спортивных сооружений с целью извлечения прибыли. С другой стороны, их основная деятельность направлена на развитие физкультурно-спортивного движения, нацелена на подготовку спортсменов и спортивного резерва, т. е. на социальный эффект.

Разработаны **методики аналитической работы**, основанной на принципе сегментирования функциональных зон физкультурно-спортивного сооружения исходя из назначения на зоны основной деятельности, дополнительные и вспомогательные (технические) зоны [5].

Н.О. Богаревич предложена методика оценки эффективности финансового обеспечения спортивной организации на основе метода экстраполяции, суть которого заключается в распространении прошлых и настоящих тенденций, закономерностей на будущее развитие объекта прогнозирования. Методика позволяет ориентировочно определить общие доходы спортивной организации в будущем, если ее развитие будет осуществляться с той же скоростью, что и ранее [6].

Можно сделать вывод, о целесообразности применения спортивными учреждениями наряду с традиционными аналитическими методиками современных разработок в области анализа, поскольку возможность максимизации ресурсов в значительной степени зависит от эффективной системы управления и учета.

В современном мире организация подвергается испытанию всякий раз, когда потребитель взаимодействует с ее сотрудниками, продуктами или процессами. Отзывы мгновенно распространяются в мировую сеть и формируют репутацию организации.

Интернет является исследовательским инструментом – потребитель требует целостности и прозрачности от организации, с которой собирается иметь дело, желает знать за что она выступает, а не только о ее товарах. Любые нововведения также благодаря Интернету легко имитируются конкурентами.

Поэтому перед руководством организации стоит необходимость создания долгосрочного преимущества. Таким преимуществом может стать **внутриорганизационная культура и культура взаимодействия с внешней средой**.

Путь культурного и коммуникационного совершенствования рассматривается фактором повышения эффективности как на уровне отдельного звена (тренера, управленца), так и на уровне всей системы функционирования спортивной организации.

Основу профессионального труда работников физической культуры и спорта составляет тренерско-преподавательская деятельность. Результат труда тренера (достижения воспитанников) осязаем и специально оплачивается, что может стать причиной прагматического подхода тренера к своим воспитанникам, его стремления добиваться от них работы на пределе физических и психических возможностей.

С нравственной точки зрения тренеру важно обладать моральной чистоплотностью, осознавать ответственность за формируемую личность спортсмена и стремиться находить компромисс между стремлением к победе и безопасностью (физической и морально-психологической) учебно-тренировочного процесса [7, с. 111].

В целях оптимизации коммуникационного процесса тренер должен владеть нормами устного и письменного литературного языка: правилами грамматики, произношения, ударения, словоупотребления, добиваться правильности, точности, чистоты и логичности речи [8].

В управлении организацией физической культуры и спорта предложено учитывать принцип оптимальности, базирующийся на знании закономерностей общественных изменений, понимании и практическом применении всех форм коммуникации (тексто-речевой, образно-ассоциативной, знаково-символической, моторно-двигательной), осознании собственной позиции в иерархии управления и осведомленности о социальной природе и специфике управляемого объекта и сферы деятельности [9].

Фактором повышения эффективности физкультурно-спортивной организации рассматривается культура корпоративного построения и логистизации физкультурно-спортивной деятельности.

Термин “корпорация” означает объединение ради достижения (в результате использования корпоративной собственности) синергетического эффекта, позволяющего освободиться от управленческих стереотипов, развить творческое мышление и способность решать широкий круг задач за счет реализации потенциала физкультурно-спортивной организации [10].

В современном понимании спорта как комплексного явления социальной, экономической и культурной жизни общества, подходы, призванные усовершенствовать культурную и коммуникационную составляющие практической деятельности действующих учреждений физической культуры и спорта особенно актуальны.

Заключение

В современных условиях учреждения физической культуры и спорта нуждаются в эффективных инструментах, обеспечивающих реализацию как экономических, так и социокультурных задач.

Таковыми инструментами рассматриваются совершенствование эксплуатации спортивной инфраструктуры, применение в политике хозяйствования рыночных механизмов, совершенствование методики аналитической работы, культурное и коммуникационное совершенствование.

Развитие внутриорганизационной культуры и культуры взаимодействия с внешней средой не только отвечает требованиям современного общества, но и призвано поддерживать долговременное конкурентное преимущество.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Спорт. Сооружения. Специалисты [Электронный ресурс] / Белстройцентр, 2012. – Режим доступа: <http://bsc.by/story/sport-sooruzheniya-specialisty/> – Дата доступа: 15.12.2017.
2. **Карнейчик, В. В.** Методика оценки социально-экономической эффективности функционирования спортивных объектов / В. В. Карнейчик // *Экономическая наука сегодня*. – 2017. – № 6. – С. 209.
3. **Ларкина, Ю. В.** Предпринимательство в организациях физической культуры и спорта / Ю. В. Ларкина // *Предпринимательство в Беларуси: опыт становления и перспективы развития* : сб. материалов VIII Республиканской науч.-практ. конф., Минск, 26 фев. 2016 г. / УО “Институт предпринимательской деятельности”. – 2016. – С. 67–70.
4. **Наумов, П. М.** Современные подходы к оказанию рекреационно-оздоровительных услуг в санаторно-курортных и внекурортных учреждениях / П. М. Наумов // *Теория и практика физической культуры*. – 2012. – № 2. – С. 31.
5. **Лавриненко, А. Р.** Экономический анализ физкультурно-спортивных сооружений: проблемы и направления развития / А. Р. Лавриненко // *Вестник Полоцкого государственного университета*. – 2012. – № 6. – С. 63–72.

6. **Богаревич, Н. О.** Анализ финансового обеспечения спортивной организации / Н. О. Богаревич // Бухгалтерский учет и анализ. – 2015. – № 2. – С. 33–40.
7. **Бондаренко, М. П.** Роль социально-трудовых отношений в развитии физической культуры, спорта и туризма (на примере гор. Волгограда и Волгоградской области) : монография / ФГБОУ ВПО «ВГАФК». – Волгоград, 2012. – 179 с.
8. **Скрипкина, Т. В.** Актуальность формирования культуры общения у будущих специалистов в области физической культуры и спорта / Т. В. Скрипкина // Теория и практика физической культуры. – 2012. – № 4. – С. 22–24.
9. **Ковылин, М. М.** Управление в сфере физической культуры и спорта: от философского эссе к научно-практической концепции / М. М. Ковылин // Теория и практика физической культуры. – 2012. – № 7. – С. 23–28.
10. **Попова, А. А.** Культура корпоративного построения и логистизации физкультурно-спортивной деятельности / А. А. Попова // Теория и практика физической культуры. – 2014. – № 6. – С. 62–64.

Поступила в редакцию 05.02.2019 г.

Контакты: cunashir@gmail.com (Ларкина Юлия Владимировна)

Larkina Y. APPROACHES TO IMPROVE EFFICIENCY OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS INSTITUTIONS.

The approaches to improve the efficiency of physical culture and sports institutions are viewed. Special relevance of the approaches to facilitate cultural and communication components of the activities of physical culture and sports institutions is defined.

Keywords: physical culture and sport, institution, efficiency, organization of activities, management.

УДК 339.137.2

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ВНЕШНЕМ РЫНКЕ

Л. А. Климова

старший преподаватель

Белорусско-Российский университет (Могилев)

В данной статье рассматриваются ключевые факторы конкурентоспособности современной организации в рыночных условиях, на основании которых предложена авторская методика оценки конкурентоспособности предприятия, позволяющая осуществить качественный анализ конкурентных позиций.

Ключевые слова: конкурентоспособность, методы оценки конкурентоспособности, внешний рынок, швейное предприятие, перспективы торговли, эффективность работы, потенциал.

Введение

В период активизации процессов глобализации, интеграции, увеличения роли информационных технологий, наличия жесткой конкуренции одним из основных критериев устойчивого развития для предприятия стал рост конкурентоспособности на внешнем рынке.

Термин “конкурентоспособность предприятия” имеет множество трактовок различными авторами. Исследование научной литературы позволило выделить три основных подхода, которые описывают данное понятие: определения, базирующиеся на характеристике внутренней и внешней деятельности фирмы, без упоминания товара (Л.М. Калашникова, М.В. Маракулин, С.Г. Светульников, П.С. Завьялов и др.); базирующиеся только на товарной составляющей конкурентоспособности (М.Г. Миронов, Р.А. Фатхутдинов, З.А. Васильева, И.Л. Дулисова и др.); сочетающие товар и производственную деятельность субъекта (Л.В. Донцова, Ю.Б. Рубин, В.В. Шустов, И.В. Сергеев и др.) [1, с. 209]. В рамках данной статьи под конкурентоспособностью предприятия подразумевается способность предприятия постоянно поддерживать свое превосходство и наращивать конкурентные преимущества в условиях рыночной среды.

В состоянии экономической неустойчивости рыночной среды вопрос оценки конкурентоспособности предприятий стоит особо остро. На сегодняшний день единая установленная методика оценки конкурентоспособности предприятия отсутствует. Существующие подходы пригодны к применению не для всех субъектов хозяйствования, присутствующих на однотипном рынке, а для одного-двух предприятий [2, с. 149]:

- один подход к оценке конкурентоспособности предприятия учитывает резервы в использовании факторов производства (Р.А. Фатхутдинов, А.Ю. Юданов);
- другой – стоимость определенных факторов производства в конкретной рыночной среде (А.Г. Бурда, В.В. Кочетов, Ю.К. Перский);
- третий – эффективность реализации потенциала предприятия (И.Б. Гурков, П.Н. Завлина, А.К. Казанцева, Л.Э. Миндали);
- четвертый – эффективность производственно-сбытовой деятельности (Е. Млоток, Т. Нильсон);

– пятый – усилия в области повышения качества товаров (В.М. Мишин, А.В. Гличев) и т. д.

Наличие множества подходов к оценке конкурентоспособности предприятия определяет необходимость разработки авторской методики оценки с учетом специфики работы субъекта хозяйствования.

Основная часть

Оценку конкурентоспособности предприятия на внешнем рынке следует производить исходя из анализа перспектив торговли, оценки эффективности работы предприятия на внешнем рынке и существующего потенциала конкурентоспособности субъекта хозяйствования. Оценка перспектив торговли в свою очередь включает в себя анализ поведения зарубежных потребителей и исследования конкурентных преимуществ (рисунок).

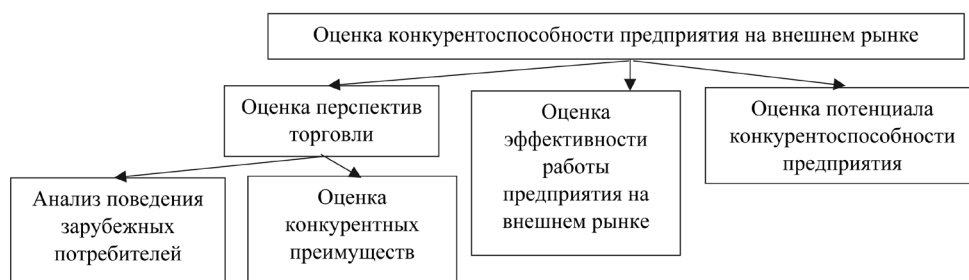

Схема оценки конкурентоспособности предприятия на внешнем рынке

Согласно авторской методике проведем оценку конкурентоспособности ЗАО ОПТФ “Світанак” на зарубежном рынке. Предприятие представляет швейную отрасль легкой промышленности Республики Беларусь и выступает одним из основных отечественных производителей верхней детской одежды. Большинство экспортных отгрузок ЗАО ОПТФ “Світанак” производится в страны СНГ. Основной рынок сбыта сосредоточен в Российской Федерации, поэтому исследование работы предприятия именно на этом рынке будет положено в основу.

Оценку перспектив торговли ЗАО ОПТФ “Світанак” стоит начать с характеристики российского рынка одежды и анализа поведения потребителей детской верхней одежды.

Механизм торговли одеждой в России за последние годы развивался очень активно. В больших городах большое значение приобрела сетевая торговля ведущих марок. Дорогой сегмент одежды представлен высокими европейскими марками, средний – менее престижными марками из Западной и Восточной Европы и некоторыми российскими представителями, а массовый сегмент – это производители из Азии, Беларуси и России. Существуют также и вещевые рынки с дешевым китайским товаром, которые по-прежнему обеспечивают запросы большого количества покупателей.

По данным аналитического агентства Euromonitor, рынок детской одежды в Российской Федерации в 2017 г. увеличился на 8% и вырос до отметки 300 млрд руб. Снижение показателей рождаемости в отчетном году на 10% неблагоприятно воздействовали на рыночную среду. Прежде всего влияние таких тенденций ощутили предприятия, ориентированные на одежду для беременных женщин и одежду для самых маленьких. Более выигрышные позиции заняли фирмы, производящие одежду для детей старше трех лет. Планируется, что в ближайшую пятилетку среднегодовой

рост рынка детской одежды будет составлять 3% и к 2022 г. увеличится до уровня в 339 млрд рос. руб. [3].

Однако и предыдущие годы (2014–2017 гг.) для рынка детской одежды были непростыми. Валютный кризис, начавшийся в 2014 г., привел к ухудшению экономической обстановки в России, что не могло не отразиться на рынке одежды, который одним из первых почувствовал его влияние.

Аналитики компании PwC, предоставляющей аудиторские и консультационные услуги, провели всестороннее исследование о влиянии кризиса на потребительское поведение. Большое количество респондентов, участвующих в опросе, заявляют, что стали покупать меньше товаров из категории “одежда”. При этом каждый десятый указывает, что за последний год вообще не покупал ничего нового. Важную роль при покупке в данной категории по-прежнему играет бренд, но покупатель все чаще отказывается платить полную цену за любую покупку, ожидая распродажи [4].

По материалам исследований IpsosComcon “Новое Поколение, 2017” родителей с детьми до четырех лет 70% покупателей одежды и обуви при выборе товара ориентировались на базовые функциональные показатели (удобство, натуральность сырья, оптимальная ценовая категория) и эмоциональные аспекты (детские предпочтения, дизайн). Порядка 30% опрошенных родителей принимают решение о покупке на основе узнаваемости бренда и страны производителя [5].

Известное тренд-бюро Trendsqure условно выделяет четыре группы родителей: визионеры, отзывчивые, прагматики и волевые. Общие глубинные ценности покупателей находят прямое отражение в эмоциональных, функциональных, визуальных и коммерческих ожиданиях от бренда и коллекции (таблица 1).

Таблица 1– Результаты исследований тренд-бюро Trendsqure поведения потребителей верхней детской одежды

Группа покупателей	Результаты исследований	Характеристика покупательского поведения
Визионеры	26,4%	Представители покупателей-визионеров обладают собственным авторитетным мнением, их покупательское поведение носит стихийный характер, основанный на чувственном восприятии. Для данной категории потребителей имеет большое значение единая концепция: бренд-продукт-коммуникация. Визионеров интересует истоки бренда, цепочка создания продукта, личность дизайнера или бренд-амбассадора.
Отзывчивые	29,6%	“Отзывчивые” родители придерживаются последних веяний моды. Они раскрепощены, быстро и непринужденно используют актуальные коды фэшн-индустрии. Представителей этого класса заботят экологические, эстетические, исторические и культурные аспекты жизни общества. Они отдадут предпочтение более дорогой вещи, которая прослужит дольше.
Волевые	26,6%	Такие потребители в погоне за тем, чтобы подчеркнуть свой статус и гендерное различие, при покупке ориентируются на авторитеты-личности и бренды. Базируют свой выбор на проверенную последними модными сезонами дизайн-концепцию, подкрепляя аргументами: видела на любимой персоне в социальных сетях, на детях публичных знаменитостей, в известных модных изданиях.
Прагматики	17,4%	Четко осознавая свои желания, представители-“прагматики” приобретают вещи рационально и быстро. Свое внимание зачастую акцентируют на фасоне и качестве товара, значимость личности дизайнера отходит на второй план. Они отдают свое предпочтение доступному в дистрибуции бренду. Готовы платить чуть больше, если все характеристики сочетаются в одной вещи, из года в год будут сохранять лояльность такому бренду и ассортименту.

Таким образом, проведенный анализ поведения потребителей на российском рынке детской верхней одежды показал, что после пережитого валютного кризиса и спада рождаемости (2014–2017 гг.) самым значимым критерием принятия решения о покупке становится ценовой фактор. Покупатели массового сегмента отдают предпочтение удобным моделям, выполненным из натуральных тканей по доступной цене, часто приобретенным на распродаже. Большинство “отзывчивых” российских потребителей базируют свой выбор на продукции “экологичного” производства.

Следующий этап анализа перспектив торговли сводится к оценке конкурентных преимуществ ЗАО ОПТФ “Світанак” на рынке Российской Федерации.

На сегодняшний день на российском рынке верхней детской одежды главными конкурентоспособными игроками выступают компании, которые производят коллекции детской одежды в формате «TotalLook», что позволяет им открывать монобрендовые магазины и осуществлять продажи круглый год.

В 2017 г/ Роскачество проверяло детскую одежду в виде детских костюмов весенне-осеннего сезона крупнейших производителей. Результаты исследований позволили определить основных изготовителей верхней одежды с хорошими оценками качества продукции. Ими стали Crokid, SweetBerry, Shaluny, Reima и Orby. По результатам проверки Роскачества продукция торговой марки Shaluny отличается характеристиками повышенного качества товара. По количеству торговых точек лидирует Orby (101 магазин) и Crokid (70 магазинов). Ведущие позиции по объему рынка заняли Reima (3,6 млрд рос. руб.) и Crokid (3,3 млрд рос. руб.) [3].

Вышеперечисленные производители верхней детской одежды выступают основными конкурентами ЗАО ОПТФ “Світанак” на рынке России.

Для изучения конкурентных преимуществ исследуемого предприятия и его основных конкурентов была произведена оценка показателей, которые позволяют наиболее полно и всесторонне определить конкурентные преимущества продукции предприятий легкой промышленности [6, с. 415–416]: функциональные показатели (соответствие современному образу жизни, внешнему облику человека, возрастным психологическим особенностям), дизайнерские показатели (соответствие силуэта современному стилю и моде, покрою современному стилю и моде, цветового решения современному стилю и моде), эстетические показатели (соответствие фактуры материалов современному стилю и моде, внутренняя отделка, соответствие форм мелких и отделочных деталей современному стилю и моде), эргономические показатели (удобство пользования отдельными элементами, надевания и снятия одежды, масса изделия, теплозащитные функции, степень вентилируемости, защита от внутренней и внешней влаги), эксплуатационные показатели (усадка, устойчивость к растяжению, к действию погоды, к действию химчистки, стирки, глажению), технологичность конструкции (пригодность к химчистке, стирке, глажению, к восстановлению, материалоемкость конструкции, трудоемкость изготовления изделия), показатели экономичности (затраты на конструкторскую подготовку производства, затраты на технологическую подготовку производства, производственные затраты), показатели реализации и эксплуатации (скорость продажи, уровень реализации, степень спроса).

Для оценки конкурентоспособности по выделенным критериям использовался метод экспертных оценок. С учетом присвоенной степени важности каждому из критериев группы показателей конкурентных преимуществ продукции и величины среднего экспертного значения критериев, оцененного по пятибалльной шкале (где 5 – очень сильное проявление фактора, а 1 – очень слабое проявление), вычисляется величина конкурентного преимущества по каждой группе критериев. После для каждого исследуемого хозяйствующего субъекта суммируются все подсчитанные

баллы по группам, которые и определяют величине конкурентных преимуществ. Общая оценка проявления конкурентных преимуществ: 33-40 баллов – отлично; 25-32 баллов – хорошо; 20-24 баллов – удовлетворительно; 19 баллов и менее – неудовлетворительно.

Проведенный анализ показал, что конкурентные преимущества компаний SweetBerry и Orby выражены отлично. Они получили 33,75 и 34,14 баллов соответственно. Конкурентные преимущества ЗАО ОПТФ “Світанак” (30,84 балла), Crokid (32,36 балла), Shaluny (32,65 балла) и Reima (32,82 балла) выражены хорошо. Однако исследуемое предприятие существенно проигрывает своим зарубежным конкурентам по функциональным показателям, технологичности конструкции и показателям экономичности.

Следующий этап определения уровня конкурентоспособности ЗАО ОПТФ “Світанак” на рынке РФ заключается в оценке эффективности работы предприятия на внешнем рынке. Для этого предполагается изучить фактически реализованный уровень конкурентоспособности предприятия по объему проданных профильных товаров, который идентифицируется как средняя доля, занимаемая профильными товарами фирмы на всех зарубежных рынках этих товаров и не только на российском рынке [7, с. 11–12]. Так же рассчитывается фактически реализованный уровень конкурентоспособности предприятия по объему прибыли от реализации. По аналогии с предыдущим расчетом этот показатель идентифицируется как средняя доля прибыли, полученная от продаж профильных товаров предприятия на всех зарубежных рынках этих товаров и на рынке Российской Федерации. Соотношение фактически реализованных уровней конкурентоспособности предприятия по объему проданных товаров и по объему полученной прибыли от реализации позволяет исчислить коэффициенты общей эффективности конкурентных позиций предприятия на всех зарубежных рынках, а также на российском рынке.

Если КЭО и/или КЭ1 больше либо равняется единице, то конкурентоспособность предприятия на всех зарубежных рынках/рынке РФ эффективна, если меньше единицы, то неэффективна.

Представляется вполне очевидным, что в принципе также возможны следующие соотношения между КЭ1 и КЭО: если $КЭ1 < КЭО$, то эффективность конкурентных позиций предприятия на российском рынке понижена; если $КЭ1 > КЭО$, то эффективность конкурентных позиций предприятия на рынке РФ весьма высокая; если $КЭ1 = КЭО$, то это признак равной эффективности конкурентных позиций предприятия на российском рынке и на всех зарубежных рынках.

Практический расчет фактически реализованных уровней конкурентоспособности ЗАО ОПТФ “Світанак” по объему проданных профильных товаров и полученной при этом прибыли в 2017 г. показал, что общая эффективность конкурентных позиций предприятия на всех зарубежных рынках (КЭО) равна 0,57 и на российском рынке (КЭ1) – 0,52.

Поскольку КЭО и КЭ1 < 1 , то конкурентоспособность ЗАО ОПТФ “Світанак” в 2017 г. на всех зарубежных рынках и на российском рынке неэффективна.

Следующий этап оценки конкурентоспособности компании на зарубежном рынке подразумевает оценку потенциала конкурентоспособности предприятия. Согласно авторской методике потенциал конкурентоспособности включает в себя кадровый, производственный, финансовый, маркетинговый и рыночный потенциалы (далее индексы). Каждый из этих потенциалов включает в себя единичные показатели оценки (далее индикаторы). В итоге предполагается рассчитать индекс конкурентоспособности предприятия, который поможет раскрыть степень использования потенциала.

Индекс индикаторов предлагается рассчитывать по формуле 1:

$$I_{ед} = \sum(B_i \times Z_i), \quad (1)$$

где Z_i – значение i -го показателя соответствующего индикатора;

B_i – вес i -го показателя соответствующего индикатора, определяемый экспертным путем (может принимать значения от 1 до 10, причем, сумма весов для расчета одного индикатора должна быть равна 10).

Если значение индикатора играет повышающую роль и экономически оправдано, чтобы он стремился к максимуму, то нормализация значения i -го показателя соответствующего индикатора проводится по формуле 2:

$$Z_i = X_i / X_{max}. \quad (2)$$

Если значение индикатора играет понижающую роль в частном индексе и экономически оправдано, чтобы он стремился к минимуму, то нормализация значения i -го показателя соответствующего индикатора проводится по формуле 3:

$$Z_i = X_{min} / X_i, \quad (3)$$

где i – порядковый номер индикатора;

X_i – значение показателя i -го индикатора;

X_{max} , X_{min} – максимальное и минимальное значение показателя индикатора.

Индекс группы индикаторов определяется по формуле 4:

$$I_{групп} = \sum(I_{ед}). \quad (4)$$

Индекс потенциала конкурентоспособности рассчитывается по формуле 5:

$$I = \sum(I_{групп}). \quad (5)$$

Расчет индекса потенциала конкурентоспособности ЗАО ОПТФ “Світанак” на начало и конец 2017 г. представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Оценка индекса потенциала конкурентоспособности ЗАО ОПТФ “Світанак” в 2017 г.

Наименование группового показателя	Наименование единичного показателя	Вес, B_i	Значение единичного показателя		Среднее значение на зарубежном рынке	Значение индикатора, Z_i		Индекс индикаторов, $I_{ед}$	
			нач. года	кон. года		нач. года	кон. года	нач. года	кон. года
Кадровый потенциал	Коэффициент квалификации	3	0,77	0,71	0,52	0,73	0,68	2,20	2,03
	Коэффициент опытности работников	3	0,65	0,75	0,68	0,91	0,96	2,72	2,87
	Коэффициент выработки продукции на 1 работника	4	1,08	1,18	1,07	0,91	0,99	3,63	3,96
Сумма весовых показателей		10	-	-	-	-	-	-	-

Окончание таблицы 2

Наименование группового показателя	Наименование единичного показателя	Вес, B_i	Значение единичного показателя		Среднее значение на зарубежном рынке	Значение индикатора, Z_i		Индекс индикаторов, $I_{ед}$	
			нач. года	кон. года		нач. года	кон. года	нач. года	кон. года
Индекс кадрового потенциала								8,54	8,86
Производственный потенциал	Коэффициент фондоотдачи	2	3,01	3,4	2,64	0,78	0,88	1,55	1,75
	Коэффициент физического износа ОПФ	4	0,77	0,91	0,87	0,89	0,96	3,54	3,82
	Коэффициент использования оборудования	4	0,84	0,97	1,03	0,82	0,94	3,26	3,77
Сумма весовых показателей		10	-	-	-	-	-	-	-
Индекс производственного потенциала								8,36	9,35
Финансовый потенциал	Коэффициент обеспеченности собственными средствами	3	1,02	0,93	0,93	1,00	0,91	3,00	2,74
	Коэффициент автономии	3	0,25	0,22	0,21	0,95	0,84	2,86	2,52
	Коэффициент инвестируемых ресурсов	4	1,37	1,37	1,24	0,91	0,91	3,62	3,62
Сумма весовых показателей		10	-	-	-	-	-	-	-
Индекс финансового потенциала								9,48	8,88
Маркетинговый потенциал	Коэффициент узнаваемости	4	0,46	0,44	0,43	0,98	0,93	3,91	3,74
	Коэффициент проникновения знаний	3	0,41	0,44	0,45	0,91	0,98	2,73	2,93
	Коэффициент формирования спроса	3	0,47	0,53	0,51	0,92	0,96	2,76	2,89
Сумма весовых показателей		10	-	-	-	-	-	-	-
Индекс маркетингового потенциала								9,41	9,56
Рыночный потенциал	Коэффициент рыночной доли	4	0,05	0,05	0,04	0,80	0,80	3,20	3,20
	Коэффициент покупательской способности	6	3,09	2,85	2,92	0,98	0,94	5,86	5,67
Сумма весовых показателей		10	-	-	-	-	-	-	-
Индекс рыночного потенциала								9,06	8,87
Индекс потенциала конкурентоспособности								44,85	45,51

Для определения уровня потенциала конкурентоспособности предприятия используется шкала, представленная в таблице 3.

Таблица 3 – Шкала оценки потенциала конкурентоспособности предприятия

Оценочный интервал индекса, пункт	Характер уровня
ниже 20	Недопустимо низкий уровень
от 21 до 40	Низкий уровень
от 41 до 60	Удовлетворительный уровень
от 61 до 80	Хороший уровень
от 81 до 100	Высокий уровень

По данным анализа таблиц 2 и 3 можно сделать вывод о том, что на начало и конец 2017 г. потенциал конкурентоспособности ЗАО ОПТФ “Світанак” на российском рынке находится на удовлетворительном уровне. Стоит отметить, что за отчетный период фирма укрепила свои конкурентные позиции, о чем свидетельствует рост индекса потенциала конкурентоспособности фирмы с 44,85 пункта в начале года до 45,51 пункта.

Заключение

Проведенный анализ показал, что деятельность ЗАО ОПТФ “Світанак” на зарубежных рынках, и в Российской Федерации в том числе, в 2017 г. была не эффективна. При этом потенциал конкурентоспособности предприятия находится на удовлетворительном уровне. На конец 2017 г. исследуемому предприятию укрепить потенциал конкурентоспособности на российском рынке верхней детской одежды помешал спад показателей финансового и рыночного потенциалов. Это произошло из-за ухудшения коэффициента обеспеченности собственными средствами и коэффициента автономии предприятия, а также из-за снижения покупательской способности на рынке. Как показал анализ внешних факторов, основным рычагом принятия решения о покупке остается цена. В тоже время российские покупатели заботятся об удобстве, экологичности материалов, а также их волнуют аспекты долговечности и безопасности. Оценка конкурентных преимуществ показала, что ЗАО ОПТФ “Світанак” существенно проигрывает своим основным зарубежным конкурентам по функциональным показателям (соответствие современному образу жизни), технологичности конструкции (высокая трудоемкость изделия) и показателям экономичности (высокие затраты на конструирование и технологическую подготовку производства). Все это обуславливает необходимость разработки мероприятий по повышению конкурентоспособности швейного предприятия на внешнем рынке с учетом существующих конкурентных преимуществ и особенностей потребительского поведения.

На основании вышесказанного ЗАО ОПТФ “Світанак” рекомендуется:

- снизить себестоимость экспортируемой продукции, в том числе затраты на конструирование и производство изделий;
- укрепить финансовый потенциал благодаря увеличению объемов производства и прибыли от экспортной деятельности;
- расширить ассортимент экспортной продукции с учетом модных тенденций рынка детской верхней одежды и экологичности производства.

Таким образом, предложенная авторская методика позволяет комплексно оценить конкурентоспособность предприятия с учетом специфики функционирования на внешнем рынке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Плотицина, Т. М.* Определение конкурентоспособности предприятия / Т. М. Плотицина // Вестник ТГТУ. – 2010. – Т. 16, № 1. – С. 205–211.
2. *Белкин, В. Н.* Теоретические основы конкурентоспособности предприятий / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, Л. Б. Владыкина // Экономика региона. – 2015. – № 1. – С. 144–155.

3. **Письменская, Е.** Рейтинг производителей детской одежды – эксклюзив // FashionUnited. – [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://fashionunited.ru/novostee/beezyes/rejting-proizvoditelej-detskoj-odezhdy-eksklyuziv/2018052221884>. – Дата доступа: 22.05.2018
4. Затяжной спад в экономике: что предпринимают потребители и бизнес в России: отчет PwC. – [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: https://www.pwc.ru/publications/consumer-business-report/e-russias-protracted-recession_rus.pdf. – Дата доступа: 29.09.2018.
5. **Попова, Н.** Тенденции и покупательские предпочтения в индустрии детских товаров 2018 // FashionUnited. – [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://fashionunited.ru/novostee/moda/tendentsii-i-pokupatelskie-predpochteniya-v-industrii-detskikh-tovarov-2018/2017100919388> – Дата доступа: 29.10.2017.
6. **Ковалева, А. Н.** Оценка уровня конкурентоспособности предприятий легкой промышленности / А. Н. Ковалева // Исследования и разработки в области машиностроения, энергетики и управления : материалы XI Международной науч.-техн. конф. студентов, магистрантов и аспирантов [28–29 апреля 2011 г., г. Гомель]. – Гомель, 2011. – С. 414–417.
7. **Селевич, Т. С.** Пути решения проблемы совместимости оценок реальной и потенциальной конкурентоспособности / Т. С. Селевич // Региональная экономика: теория и практика. – 2005. – № 9(24). – С. 8–13.

Поступила в редакцию 06.05.2019 г.

Контакты: misspub@mail.ru (Климова Любовь Анатольевна)

Klimova L. EVALUATING ENTERPRISE COMPETITIVENESS IN EXTERNAL MARKET.

The key factors of the competitiveness of modern organization in the market conditions are considered in the article. The author suggests her own method to assess enterprise competitiveness that will make a qualitative analysis of the competitive position possible.

Keywords: competitiveness, methods for competitiveness assessment, external market, garment enterprise, trade prospects, performance, potential.

УДК 331.5-057.4:351(476)

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА РЫНКЕ ТРУДА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ БЕЛАРУСИ

Л. Г. Воронцовская

магистр управления и экономики
Институт экономики НАН Беларуси

В статье предлагаются направления совершенствования регулирования рынка труда научных работников Беларуси. Первое направление предполагает усиление эксплицитной государственной политики на данном рынке и повышение качества предложения. Второе направление заключается в организации эффективной оплаты труда. Оплату труда необходимо увеличить за счет роста как переменной части заработной платы (для этого предлагается комплексная многокритериальная система оценки труда научных работников для дифференциации оплаты труда в зависимости от результатов), так и постоянной ее части (за счет института эффективного контракта). Дифференциацию эффективных трудовых контрактов предполагается проводить в зависимости от интенсивности труда, должностных обязанностей, сроков, карьерной траектории.

Ключевые слова: рынок труда научных работников Беларуси, государственное регулирование, оплата труда, оценка труда, эффективный контракт, институты.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования государственного регулирования рынка труда научных работников Беларуси. В связи с этим представляется важным определение приоритетов государственной политики на данном рынке с учетом особенностей белорусской институциональной среды, зарубежного опыта и мировых тенденций.

Цель работы: разработать направления совершенствования государственного регулирования рынка труда научных работников Беларуси.

Объектом исследования является рынок труда научных работников Беларуси. Предмет исследования – пути совершенствования государственного регулирования рынка труда научных работников Беларуси.

Выбор объекта и предмета исследования объясняется существованием ряда вызовов для государственного регулирования рынка труда научных работников Беларуси, необходимостью повышения качества институциональной среды данного рынка и эффективности его государственного регулирования, возрастанием роли науки в обеспечении национальной конкурентоспособности.

Основная часть

Совершенствование рынка труда научных работников следует начать с усиления **эксплицитной государственной политики** на данном рынке, что будет выражаться в более явном ее характере, отражении в едином документе. Это может быть достигнуто путем разработки отдельной программы: Государственной программы совершенствования рынка труда научных работников Беларуси. В таблице 1 представлен список предлагаемых нами задач и соответствующих им мероприятий, направленных на совершенствование рынка труда научных работников.

© Воронцовская Л. Г., 2019

Таблица 1 – Мероприятия Государственной программы совершенствования рынка труда научных работников Беларуси

Задачи	Мероприятия
1. Обеспечение финансирования науки на достаточном уровне, развитие научной инфраструктуры	1.1) обеспечение уровня общих расходов на НИОКР в размере 2,5% от ВВП, в том числе за счет привлечения частных расходов;
	1.2) обеспечение простоты и прозрачности процедуры получения государственных грантов, снижение бюрократической нагрузки при предоставлении отчетности;
	1.3) расширение практики применения конкурсного механизма финансирования НИОКР при различных способах выделения финансов (прямое финансирование, гранты, льготы, субсидии и др.);
	1.4) применение субсидиарного подхода в финансировании в рамках государственного задания;
	1.5) обеспечение технического оснащения научных лабораторий и рабочих мест научных работников на высоком уровне;
	1.6) обеспечение доступа научных работников к престижным международным научным журналам;
	1.7) обеспечение наличия достаточного количества национальных журналов по всем наукам, входящим в наукометрические базы данных Web of Science и Scopus.
2. Повышение престижа профессии ученого	2.1) указание в паспорте и других документах ученой степени (Ph.D, кандидат наук, доктор наук);
	2.2) включение пропаганды преимуществ профессии ученого в образовательные дисциплины вузов;
	2.3) привлечение склонных к научно-исследовательской деятельности студентов к участию в конференциях, научно-исследовательской работе кафедр;
	2.4) пропаганда науки и профессии ученого в государственных СМИ, направленная на увеличение понимания науки населением и интереса к ней;
	2.5) расширение морального стимулирования ученых (грамоты, государственные награды, размещение на доске почета за достижения в науке).
3. Повышение оплаты труда и материальной защищенности научных работников	3.1) повышение общего уровня оплаты труда в науке;
	3.2) внедрение института эффективного контракта;
	3.3) справедливая оценка труда, оплата труда в зависимости от результатов;
	3.4) повышение стипендий аспирантам и их дифференцированный размер в зависимости от успешности работы над диссертацией;
	3.5) повышение доступности жилья для научных работников.
4. Повышение защищенности ученых старшего поколения	4.1) обеспечение научных работников пенсиями, эквивалентными размеру пенсий государственных служащих;
	4.2) установление особых контрактных отношений с научными работниками пенсионного возраста, создание для них комфортных условий труда;
	4.3) расширение доступа к медицинскому обслуживанию, санаторно-курортному лечению для научных работников пенсионного возраста.
5. Развитие инфраструктуры рынка труда научных работников	5.1) создание базы данных научных работников государства;
	5.2) создание информационной базы о вакантных должностях в сфере науки и потенциальных кандидатах на должность;
	5.3) создание белорусской социальной сети для ученых.
6. Повышение спроса на результаты НИОКР	6.1) принятие ряда нормативно-правовых актов, поощряющих частные расходы на НИОКР (предоставление льгот, субсидий);
	6.2) расширение практики применения списания текущих расходов по НИОКР; налогового и исследовательского кредита; специальных режимов амортизации; льгот в налогообложении прибыли и др.;
	6.3) повышение информированности бизнеса о перечне услуг, оказываемых научно-исследовательскими организациями.

Окончание таблицы 1

Задачи	Мероприятия
7. Защита прав интеллектуальной собственности на результаты НИОКР	7.1) законодательное закрепление передачи государством прав интеллектуальной собственности организациям-исполнителям и ученым на созданные ими разработки [1, с. 36];
	7.2) закрепление имущественных прав научных работников на побочные результаты исследований при выполнении работ по поручению заказчика (работодателя) [1, с. 36];
	7.3) ужесточение санкций за нарушение прав интеллектуальной собственности.
8. Развитие региональных рынков труда научных работников Беларуси	8.1) повышение позиций крупнейших региональных вузов в национальных и международных рейтингах, создание необходимой инфраструктуры при региональных вузах для осуществления НИОКР;
	8.2) реализация специальной жилищной программы, позволяющей молодым ученым, работающим в регионах, улучшить свои жилищные условия.
9. Формирование общего рынка труда научных работников ЕАЭС	9.1) формированию общей нормативно-правовой базы, регулирующей общий рынок труда научных работников стран ЕАЭС;
	9.2) разработка нормативно-правовых актов на уровне интеграционного образования, регулирующего пенсионное обеспечение научных работников;
	9.3) законодательное регулирование обмена аспирантами, прохождения практики аспирантами и распределения выпускников аспирантуры в странах ЕАЭС;
	9.4) проведение унификации защиты диссертаций в ЕАЭС, дальнейшее совершенствование взаимного признания ученых степеней и званий;
	9.5) разработка совместной стратегии повышения оплаты труда научных работников ЕАЭС, сближение уровня оплаты труда во всех странах интеграционного образования;
	9.6) разработка совместной стратегии по взаимовыгодному использованию кадрового научного потенциала ЕАЭС и предотвращению негативных миграционных процессов для какой-либо из стран ЕАЭС;
	9.7) организация мониторинга общего рынка труда научных работников ЕАЭС.
10. Стимулирование международного научного сотрудничества	10.1) предотвращение появления барьеров для временной миграции с целью проведения совместных исследований с учеными из других стран;
	10.2) организация совместных международных форумов, конференций и т.п.;
	10.3) повышение информированности научных работников о международных грантах и научных проектах.

Примечание – Источник: собственная разработка.

Для увеличения оплаты труда научных работников за счет постоянной части заработной платы целесообразно использование неоклассических контрактов вместо более распространенных имплицитных [2, с. 415]. Такая практика постепенно внедряется в зарубежных организациях, осуществляющих НИОКР, и связана с применением эффективного контракта [3, с. 6–10; 4, с. 35].

В Беларуси рекомендуемая *система эффективных контрактов* с научными работниками представлена в таблице 2. Как видно из таблицы, контракт может быть универсальным, охватывающим разные аспекты научной или научно-педагогической деятельности, или же концентрироваться на определенных ее аспектах. Следует отметить, что постоянная часть заработной платы увеличивается как с карьерным ростом, так и с ростом интенсивности труда. Постоянную часть заработной платы рекомендуется привязать к минимальной заработной плате и использовать ее при дифференциации заработной платы научных работников. Нижнюю границу размера заработной платы в науке целесообразно установить в размере 2,5 минимальной заработной платы. Данная рекомендация применима и для бюджетных организаций, осуществляющих НИОКР, если на законодательном уровне им будет разрешено не использовать тарифную сетку. Известно, что в 2018 г. в бюджетной сфере планируется перейти от

тарифной ставки первого разряда к базовой ставке [5]. Тогда целесообразно, чтобы в бюджетных организациях, осуществляющих НИОКР, базовая ставка была привязана к минимальной заработной плате и составляла не менее 2,5 минимальной зарплаты. Такое минимальное значение целесообразно установить для того, чтобы обеспечить достойную оплату труда даже молодым научным работникам, поскольку уже в начале карьеры научный работник обладает существенным интеллектуальным капиталом. Увеличение минимальной заработной платы в науке до 2,5 официальной минимальной заработной платы Беларуси представляется вполне осуществимым с учетом реализации рекомендуемого нами увеличения в 5 раз расходов на НИОКР в % от ВВП.

Предполагается использование бессрочного трудового контракта с самыми высокопроизводительными учеными, представляющими большой интерес для организации. В отличие от пожизненного контракта с почетным профессором, бессрочный контракт с работником, не достигшим пенсионного возраста, означает возможность его прекращения по достижении ученым пенсионного возраста.

Смысл применения утешительного контракта заключается в том, что такой контракт позволяет снизить транзакционные издержки и для научного работника, и для работодателя в результате прекращения трудовых отношений.

Таблица 2 – Дифференциация контрактов и соответствующих им сроков и постоянных частей заработной платы в зависимости от производительности труда, траектории и этапа научной карьеры

Типы трудовых контрактов в зависимости от траектории научной карьеры	Классы интенсивности труда и соответствующие значения постоянной части заработной платы и сроков контракта (где 1 – одна минимальная заработная плата)					Этап научной карьеры, карьерные позиции (должность)
	Невысокая нагрузка, в т. ч. освоение профессии в начале карьеры	Прекращение трудовых отношений (утешительный контракт)	Стандартная нагрузка	Нагрузка выше средней	Интенсивная нагрузка	
1. Универсальный 2. Академический 3. Преподавательский 4. Инженерно-конструкторский 5. Административный	2,5 мин. з.п. / 1-2 года	2,5 мин. з.п. / 1 год	3,0 мин. з.п. / 1-2 года	3,5 мин. з.п. / 2 года	4,0 мин. з.п. / 2 года	Начало карьеры (младший научный сотрудник, лаборант, ассистент и т.п.)
	2,5 мин. з.п. / 1-2 года	2,5 мин. з.п. / 1 год	4,0 мин. з.п. / 2 года	4,5 мин. з.п. / 3-5 лет	5,0 мин. з.п. / 3-5 лет	Средние позиции в карьерной лестнице (научный сотрудник, старший научный сотрудник, преподаватель, старший преподаватель)
	3,0 мин. з.п. / 1-2 года	3,0 мин. з.п. / 1 год	5,0 мин. з.п. / 3-5 лет	5,5 мин. з.п. / 5 лет – бессрочно (кроме руководящих должностей)	6,0 мин. з.п. / 5 лет – бессрочно (кроме руководящих должностей)	Высокие позиции в карьерной лестнице (ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник, руководитель сектора, зав. кафедрой, доцент)
	4,0 мин. з.п. / 1-2 года	4,0 мин. з.п. / 1 год	6,0 мин. з.п. / 3-5 лет	6,5 мин. з.п. / 5 лет – бессрочно (кроме руководящих должностей)	7,0 мин. з.п. / 5 лет – бессрочно (кроме руководящих должностей)	Очень высокие позиции в карьерной лестнице (зав. отделом, зам. директора организации, директор, декан, ректор, профессор)
	3,5 мин. з.п. / бессрочно	3,5 мин. з.п. / до 1 года	5,0 мин. з.п. / бессрочно	5,5 мин. з.п. / бессрочно	6,0 мин. з.п. / бессрочно	Карьера в пенсионном возрасте (почетный профессор)

Примечание – Источник: собственная разработка.

Во всех типах контрактов необходимо прописать обязательные для выполнения минимальные критерии эффективности. Перечень обязательных критериев и минимальные требования для определенного типа контракта целесообразно предоставлять определять на микроуровне.

Мотивационная функция предложенных типов эффективного контракта заключается в возможности повышения постоянной, гарантированной части заработной платы, а также стабильности занятости, связанной с возможностью увеличения срока действия трудового контракта вплоть до перехода на бессрочный контракт.

Для увеличения переменной части заработной платы при росте производительности целесообразно внедрить комплексную многокритериальную систему оценки труда научных работников для дифференциации оплаты труда в зависимости от результатов. Применение данной системы оценки труда приведет к автоматической оптимизации численности научных работников и повышению уровня оплаты их труда только при росте его эффективности и результативности. Это усилит конкуренцию со стороны предложения на рынке труда научных работников и будет способствовать положительному отбору.

Целесообразно в оценке труда научных работников использовать как формальные, так и неформальные критерии. Это позволит провести более объективную оценку. Промежуточные значения рейтинга по каждому критерию выставляются для подсчета суммарного рейтинга научного работника и выведения его итогового рейтинга. Итоговый рейтинг позволит распределить стимулирующие выплаты в соответствии с местом научного работника в рейтинге.

В таблице 3 представлен перечень критериев и правила начисления баллов по каждому критерию.

Таблица 3 – Методика рейтинговой оценки научных работников по формальным и неформальным критериям

Критерии оценки	Методика начисления баллов
1. Ученая (академическая) степень	доктор наук – 10 б.; кандидат наук (Ph.D) – 6 б.; магистр – 2 б.; за получение любой из степеней в текущем году дополнительно начисляется 2 б.
2. Ученое звание	академик – 10 б.; член-корреспондент – 7 б.; профессор – 5 б.; доцент – 3 б.
3. Стаж научной работы	0,1 б. за каждый год стажа; 0,2 б. за каждый год стажа в организации, где научный работник осуществляет трудовую деятельность в настоящее время
4. Ставка работы	0,5 – 0,5 б.; 1 – 1 б.; 1,5 – 1 б.; 2 и более – 0,5 б. примечание: не учитывается внешнее совместительство
5. Наличие собственной научной школы	10 б.
6. Руководство кандидатскими и докторскими диссертациями	3 б. за каждую защищенную докторскую диссертацию; 2 б. за каждую защищенную кандидатскую диссертацию; 1 б. за руководство каждой докторской дис. в настоящее время; 0,6 б. за руководство каждой кандидатской дис. в настоящее время
7. Руководство магистерскими диссертациями	0,1 б. за каждую защищенную магистерскую; 0,1 б. – за руководство магистерской в настоящее время

Продолжение таблицы 3

Критерии оценки	Методика начисления баллов
8. Научные публикации (в т.ч. индексируемые WoS и Scopus)	2 б. за каждую книгу, монографию за весь период без соавторов (в соавторстве – 1 б.); 1 б. за препринт книги (монографии) (в соавторстве – 0,5 б.); дополнительно 0,5 б. за руководство коллективом авторов (издание книги под редакцией оцениваемого научного работника, независимо от времени издания); за период до 3 лет включительно: 0,2 б. за тезисы (0,1 б. – в соавторстве); 0,4 б. за статью (0,2 б. – в соавторстве); за период более 3 лет: 0,1 б. за тезисы (0,05 б. – в соавторстве); 0,2 б. за статью (0,1 б. – в соавторстве); баллы умножаются на 3, если публикация в издании, рекомендованном ВАК; баллы умножаются на 5, если публикация в журнале, индексируемом Web of Science и (или) Scopus
9. Индекс Хирша (без учета самоцитирования)	0 – 0 б.; больше 0, но меньше 3 – 1 б.; от 3 до 7 – 2 б.; от 7 до 10 – 3 б.; от 10 до 16 – 4 б.; от 16 и выше – 5 б.
10. Участие в конференциях, конкурсах научных работ и т.п.	за отчетный год: 0,2 б. за каждое участие в научных мероприятиях без статуса международных; 0,5 б. за участие в международных мероприятиях; при получении наград (1-3 место) баллы умножаются на 3
11. Рецензирование и оппонирование научных работ, проведение научной экспертизы	рецензирование: 0,1 б. за каждую магистерскую работу; 0,2 б. за кандидатскую дис.; 0,3 б. за докторскую дис.; оппонирование: на защите кандидатской дис.: 0,3 б. за каждое мероприятие (работу); на защите докторской дис.: 0,3 б. за каждое мероприятие (работу); экспертиза: 0,2 б. за каждую работу
12. Патентование результатов НИОКР	за весь период: 2 б. за патент зарубежных стран; 1 б. за патент Республики Беларусь; оценка по отдельному патенту умножается на 2, если этот патент получен в течение последних 3 лет
13. Учебные публикации	срок более 5 лет: 0,2 б. за каждый учебник или учебное (учебно-методическое) пособие с грифом Министерства образования или УМО без соавторов (0,1 б. – в соавторстве); 0,1 б. – с иным видом грифа или без грифа без соавторов (0,05 б. – в соавторстве); за последние период от 1 года до 5 лет: 1 б. за публикацию с грифом Министерства образования или УМО без соавторов (0,5 б. – в соавторстве); 0,5 б. – с иным видом грифа или без грифа без соавторов (0,25 б. – в соавторстве); до 1 года: 2 б. за публикацию с грифом Министерства образования или УМО без соавторов (1 б. – в соавторстве); 1 б. – с иным видом грифа или без грифа без соавторов (0,5 б. – в соавторстве); дополнительно начисляется 0,2 б. за руководство коллективом авторов (издание учебника под редакцией оцениваемого научного работника, независимо от времени издания)
14. Руководство научным коллективом	руководство научным коллективом организации (директор, зам. директора, ректор института) – 3 б.; руководство научным коллективом (зав. отделом, декан факультета) – 2 б.; руководство научным коллективом (зав. сектором, зав. кафедрой) – 1 б.
15. Повышение квалификации	2 б. за повышение квалификации в текущем году; 1 б. за каждое повышение квалификации за период от 1 до 5 лет;
16. Участие в общественной жизни организации	за отчетный год: присутствие на мероприятии – 0,1 б.; активное участие: 0,2 б.; организация мероприятия или помощь в организации – 0,3 б. за каждое мероприятие

Окончание таблицы 3

Критерии оценки	Методика начисления баллов
17. Пропаганда научных достижений, освещение деятельности организации в СМИ	за отчетный год: 1 б. за каждый случай освещения научных достижений в национальных СМИ; 2 б. – в зарубежных СМИ
18. Организация и руководство научно-исследовательской работой студентов	за отчетный год: руководство СНИЛ – 1 б.; 0,1 б. за каждые тезисы студентов; 0,2 б. за статью студентов; 0,2 б. за каждого студента, участвующего под руководством оцениваемого научного работника в вузовском конкурсе научных работ; 0,5 за участие студента в республиканских и международных конкурсах и олимпиадах; при получении студентами наград баллы умножаются на 3
19. Гранты, хоздоговорные проекты	президентские стипендии – 3 б.; международные гранты (получение, работа и (или) сдача итоговых материалов в текущем году) – 3 б.; национальные, в т. ч. государственные гранты (получение, работа и (или) сдача итоговых материалов в текущем году) – 2 б.; участие в иных хоздоговорных проектах (работа и (или) сдача итоговых материалов в текущем году) – 2 б.; за руководство научным коллективом при выполнении совместного гранта или проекта дополнительно начисляется 1 б.
20. Выполнение совместных научных проектов и другие формы международного научно-технического сотрудничества	за отчетный год: 1 б. за каждый случай международного научно-технического сотрудничества (совместный доклад на конференции, совместная публикация, совместная работа по гранту и т.п.)
21. Награды (кроме наград за участие в конференциях, конкурсах и т.п.)	президентская или правительственная награда, награды министерств – 5 б.; награды сторонних организаций – 3 б.; грамота организации-работодателя за трудовые достижения – 2 б.
22. Внедрение (участие во внедрении) результатов НИОКР в практическую деятельность в текущем году	1 б. за каждое авторское свидетельство или справку о внедрении результатов НИОКР
23. Качество, уровень и новизна результатов работы над плановой тематикой организации и их своевременное предоставление	за отчетный год: от 1 до 5 баллов, где 5 – наилучшее значение, 1 – наихудшее; баллы выставляются непосредственным руководителем и (или) вышестоящим руководством, затем находится среднее арифметическое выставленных оценок, если их несколько
24. Качество и оперативность выполнения поручений	от 1 до 5 баллов, где 5 – наилучшее значение, 1 – наихудшее; баллы выставляются непосредственным руководителем и (или) вышестоящим руководством, затем находится среднее арифметическое выставленных оценок, если их несколько

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [6, с. 3–11; 7, с. 134; 8, с. 21–31; 9, с. 131, 144].

Из таблицы 3 видно, что специфика начисления баллов за стаж работы дополнительно направлена на стимулирование закрепления научного работника в организации. Более низкий балл за работу на две и более ставки объясняется снижением производительности труда ученых при чрезмерной нагрузке, поэтому это не должно поощряться работодателем. Общественная деятельность научных работников предполагает очень широкий перечень общественных мероприятий, в которых работник принимает непосредственное участие (организация турслета, проведение обучения сотрудников основам гражданской обороны, информационное наполнение стенгазеты и т. п.). Наличие собственной научной школы у работника предполагает, что это научный работник, обладающий очень высокой квалификацией, научный лидер, который лично является основателем научной школы, объединяющей коллектив людей работой над единым

специфическим научным направлением (предметом исследования, парадигмой), а также, что эта школа признается научным сообществом.

Кроме баллов, по каждому критерию выставляется место в рейтинге. Совокупный рейтинг научного работника подсчитывается на основе суммирования всех его рейтингов по каждому критерию. Чем меньше получается результат суммирования, тем выше место ученого в итоговом рейтинге. Такой подход мотивирует проявить себя наилучшим образом по каждому критерию, а не преимущественно по тем, по которым начисляются более высокие баллы.

Целесообразно предоставить свободу организациям, осуществляющим НИОКР, при корректировке критериев в зависимости от специфики их деятельности [9, с. 143]. При низкой заинтересованности внесения изменений в предложенную методику, можно применять ее без корректировок, т. к. она имеет широкий охват в оценке производительности.

Величину премиального фонда организаций, осуществляющих НИОКР, целесообразно увеличить. Доля премии в оплате труда должна быть высокой, чтобы стимулировать производительность. Конкретную величину данного показателя следует определять совместным решением дирекции и совета трудового коллектива [7, с. 135].

Долю отдельно взятого подразделения организации, осуществляющей НИОКР, в премиальном фонде целесообразно определять дирекции с участием руководителей структурных подразделений. Ее следует определять с учетом размера подразделения, сложности выполняемых задач, производительности труда работников, рентабельности подразделения и т. п.

В результате премиальный фонд подразделения организации, осуществляющей НИОКР, будет определяться по формуле 1 [7, с. 135].

$$W_j = \alpha_j W_{\text{НИР}}, \quad (1)$$

где W_j – премиальный фонд j -го подразделения;

α_j – доля j -го подразделения в премиальном фонде, выделенном на стимулирование научных работников;

$W_{\text{НИР}}$ – премиальный фонд всех научных подразделений.

Тогда размер премии отдельно взятого научного работника с учетом разработанной нами методики оценки результативности труда будет определяться по формуле 2.

$$n_{ij} = W_j k_{ij}, \quad (2)$$

где n_{ij} – премия i -го работника j -го подразделения;

W_j – премиальный фонд j -го подразделения;

i – порядковый номер работника j -го подразделения, $i \in [1; m]$;

k_{ij} – коэффициент i -го работника j -го подразделения в зависимости от его рейтинга: от самого высокого места в рейтинге (k_{1j}) до самого низкого (k_{mj}).

При этом для коэффициента k должны соблюдаться следующие условия (формула 3).

$$\begin{cases} k_{1j} + k_{2j} + \dots + k_{mj} = 1; \\ k_{1j} \geq k_{2j} \geq \dots \geq k_{mj}; \\ k_{1j} > k_{mj}, \end{cases} \quad (3)$$

где k_{1j} – коэффициент работника с самым высоким рейтингом, k_{mj} – коэффициент работника с самым низким рейтингом, $k \in [0; 1]$.

Целесообразно предоставить работодателю свободу и в определении размеров коэффициентов в зависимости от места научного работника в рейтинге. Так работодатель сможет выбрать оптимальную степень дифференциации размеров премий, при

которой производительность труда будет достаточно высокой, но при этом дифференциация не приведет к напряженности в коллективе из-за чувства несправедливости вознаграждения.

Заключение

Новизна исследования заключается в следующем. Предложены направления совершенствования государственного регулирования рынка труда научных работников Беларуси. Первое направление предполагает усиление эксплицитной государственной политики на данном рынке, а также повышение качества предложения.

Второе направление совершенствования заключается в организации эффективной оплаты труда научных работников, которую рекомендуется увеличить за счет роста как постоянной, так и переменной части заработной платы.

Использование эффективного контракта направлено на увеличение оплаты труда за счет постоянной части заработной платы. Дифференциацию эффективных трудовых контрактов предполагается проводить в зависимости от интенсивности труда, должностных обязанностей, сроков, карьерной траектории.

Комплексная многокритериальная система оценки труда научных работников для дифференциации оплаты труда в зависимости от результатов предполагает увеличение оплаты труда за счет переменной части заработной платы. Данная система оценки охватывает в полной мере различные аспекты научно-исследовательской деятельности и направлена на повышения мотивации ученых к качественному труду.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2011–2015 годах и меры по обеспечению устойчивого сбалансированного развития экономики на перспективу [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический доклад Института экономики НАН Беларуси – 2016. – 96 с. – Режим доступа: <http://economics.basnet.by/files/SER.pdf>. – Дата доступа: 15.07.2017.
2. **Уильямсон, О. И.** Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, “отношенческая контрактация” / Научное редактирование и вступительная статья В.С. Каткало ; пер. с англ. Ю. Е. Благова, В. С. Каткало, Д. С. Славнова, Ю. В. Федотова, Н. Н. Цытович. – СПб. : Лениздат, CEV Press, 1996. – 702 с.
3. Система эффективного контракта для научно-педагогических работников университета / П. С. Чубик [и др.] // Высшее образование в России. – 2016. – № 8–9. – С. 5–14.
4. **Гершман, М.** Эффективный контракт в науке: параметры модели / М. Гершман, Т. Кузнецова // Форсайт. – 2013. – Т. 7, № 3. – С. 26–36.
5. Тарифную ставку первого разряда в Беларуси планируется заменить базовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/32166110/?frommail=1>. – Дата доступа: 08.01.2018.
6. **Трубилин, А. И.** Методика оценки эффективности работы профессорско-преподавательского состава и кафедры / А. И. Трубилин // Научный журнал КубГАУ, № 93(09). – 2013. – С. 1–14.
7. **Тодосийчук, А.** Оплата труда персонала в бюджетных научных организациях / А. Тодосийчук // Экономика образования. – 2014. – № 4. – С. 130–136.
8. **Васильева, Е. Ю.** Рейтинг преподавателей, факультетов и кафедр в вузе : методическое пособие / Е. Ю. Васильева, О. А. Граничина, С. Ю. Трапицын. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – 159 с.
9. Государственное регулирование институционального развития экономики Беларуси / Т. В. Садовская [и др.] ; под науч. ред. Т. В. Садовской ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларуская навука, 2017. – 299 с.

Поступила в редакцию 29.05.2019 г.

Контакты: Lu7y@mail.ru (Воронецкая Людмила Григорьевна)

Voronetskaya L. PROSPECTS AND PRIORITIES OF STATE POLICY IN LABOUR MARKET FOR SCIENTISTS OF BELARUS.

In the article the directions to improve the regulation of labour market for Belarusian scientists are offered. The first direction aims to strengthen the explicit state policy in this market and to improve the quality of supply. The second direction implies the organization of effective compensation. Compensation needs to be increased due to the growth of a variable part of the salary (a complex multicriteria system of work assessment to differentiate compensation according to the acquired results is offered) and a constant component (considering the institution of effective contract). The differentiation of effective labour contracts is supposed to be carried out depending on the intensity of work, functions, terms, career trajectory.

Keywords: labour market for scientists of Belarus, state regulation, compensation, work assessment, effective contract, institutions.

УДК 330.3

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О. Г. Довыденко

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова.

В данной статье дано определение сущности понятия “экономическая культура студентов”. Дано определение основных подходов к формированию экономической культуры студентов. Приведен анализ литературы и диссертационных исследований по проблеме формирования экономической культуры. Определена содержательная характеристика структурных компонентов экономической культуры, которая позволила выделить критерии и показатели, характеризующие уровень сформированности экономической культуры студентов. В данной статье проводится анализ уровня экономической культуры студентов неэкономических специальностей МГУ имени А.А. Кулешова.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, экономика, знания, экономическая культура, экономическая подготовка, экономическое образование, финансовая грамотность, предпринимательство.

Введение

Определение сущности понятия “экономическая культура студентов” невозможно без рассмотрения понятия “культура”.

“Культура” – сложное, междисциплинарное понятие, является предметом изучения ряда наук: философии, культурологии, социологии, педагогики, этики, эстетики и др.

Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены многообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т. д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей.

В педагогике культура, с одной стороны, рассматривается как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [1, с. 45].

Культура в образовании выступает как его содержательная составляющая, источник знаний о природе, обществе, способах деятельности, эмоционально-волевого и ценностного отношения человека к окружающим людям, труду, общению и т. д. [1, с. 27].

Анализ литературы и исследований в рамках изучаемой проблемы, позволяет говорить о том, что экономическая культура является составной и существенной частью общей культуры [2, с. 74].

Экономическая культура в широком смысле слова – это совокупность созданных обществом материальных и духовных средств производственной деятельности: машины, сооружения, города, дороги и т. д.; экономические знания, умения, навыки, способы и формы общения людей, экономический интеллект.

© Довыденко О. Г., 2019

Экономическая культура общества – система ценностей и мотивов хозяйственной деятельности, уровень и качество экономических знаний, оценок и действий человека, а также содержание традиций и норм, регулирующих экономические отношения и поведение.

Экономическая культура личности – органическое единство сознания и практической деятельности, определяющее творческую направленность экономической активности человека в процессе производства, распределения и потребления.

Важным аспектом для осуществления исследования являлось определение основных подходов к формированию экономической культуры студентов. В качестве методологических оснований формирования экономической культуры будущего специалиста необходимо выделить следующие подходы.

Системный подход, обеспечивающий изучение фактов и явлений в образовании в связи с другими социальными системами и структурирование их компонентов. Реализация данного подхода в педагогическом процессе предполагает рассмотрение его как сложной системы, в которой все компоненты (целевой, содержательный, организационно-деятельностный, оценочно-результативный – в максимальной степени взаимосвязаны и взаимозависимы. Такой подход позволяет выявлять общие системные свойства и качественные характеристики составляющих систему отдельных компонентов.

Личностный подход – выступающий как методологическая ориентация в педагогической деятельности, отражает представления о социальной, деятельностной, творческой сущности человека как личности. Реализация в педагогическом процессе личностного подхода предусматривает опору на естественный процесс саморазвития задатков и творческого потенциала личности, создание для этого необходимых условий.

Деятельностный подход, обеспечивающий такую организацию учебно-познавательной деятельности обучающихся, при которой они являются активными участниками учебного процесса. Данный подход позволяет при подготовке будущих специалистов реализовать важнейший дидактический принцип – принцип единства теории и практики.

Педагогический процесс должен строиться на основе учета ведущего вида деятельности для определенной возрастной группы и организации разнообразных видов деятельности, в которых обучающийся выступает в позиции субъекта познания, общения и отношений. При этом надо учесть, что структурированность деятельности имеет свою психологическую структуру: мотив, цель, действия (операции), условия, средства, результат.

Аксиологический (ценностный) подход – предполагающий ориентацию на общечеловеческие, национальные и профессиональные ценности, ценностную направленность профессиональной деятельности. Он является своеобразным связующим звеном между теорией и практикой, между практическим и абстрактно-теоретическим уровнями познания и отношений к окружающему миру (обществу, природе, культуре, самому себе).

Культурологический подход, обеспечивающий проектирование современного образования на основе моделирования видов культурного опыта. Культура в образовании выступает как его содержательная составляющая, источник знаний о природе, обществе, способах деятельности, эмоционально-волевого и ценностного отношения человека к окружающим людям, труду, общению и т. д.

Данный подход обусловлен объективной связью человека с культурой как системой ценностей. Человек содержит в себе часть культуры. Он не только развивается на основе освоенной им культуры, но и привносит нечто свое, новое, в связи с чем освоение культуры как системы ценностей представляет собой развитие самого человека, становление его как субъекта культуры.

Компетентностный подход, предполагающий (для системы образования) установление нового типа образовательных результатов, не сводимых к различным вариантам взаимодействия теоретических знаний и практических умений, и навыков, а ориентированный на способность и готовность личности к решению разного рода проблем, к деятельности [3, с. 7]. Реализация данного подхода усиливает практическую направленность в подготовке будущих специалистов, способствует более успешной адаптации их в обществе. Компетентностный подход акцентирует внимание на результатах подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности, при этом под результатом понимается не столько усвоенная информация, сколько способность будущего специалиста действовать в различных профессиональных ситуациях, адекватно используя полученные знания и умения. Тем самым реализация данного подхода способствует подготовке конкурентоспособного на рынке труда специалиста.

Анализ литературы и диссертационных исследований показывает, что проблема формирования экономической культуры в большей степени разработана в сфере экономического обучения и воспитания школьников (Н.Д. Адаменко, М.Л. Алферова, А.Ф. Аменд, Р.С. Амандосова, Т.В. Боровикова, Л.П. Кураков, И.А. Мельничук, В.Ф. Мерзляков, В.Л. Попов, Е.В. Савина, И.А. Сасова, М.А. Хроменков, С.Л. Ченер, А.Т. Шпак и др.). Вместе с тем есть ряд работ, авторы которых рассматривают отдельные аспекты формирования экономической культуры студентов: К.А. Балашов, О.А. Любченко, Г.М. Морозова, М.М. Олесова, О.А. Перепелицына, А.А. Сысоева, И.А. Тарасова, Н.В. Чигиринская, Е.В. Шаманская. Вопросам формирования экономических компетенций студентов не экономических профилей посвящены работы К.А. Баранникова, К.И. Старостиной, О.Г. Назаровой, Н.Е. Поповой, А.В. Боранукова, А.Ф. Казаковой.

С учетом анализа иной научной и справочной литературы, мы даем следующее определение экономической культуры студентов. Экономическая культура – это интегративное качество личности, характеризующее степень усвоения личностью экономических знаний, овладения умениями и навыками, сознательно реализуемыми в различных сферах жизнедеятельности, сформированность экономического мышления, потребность личности в саморазвитии и самосовершенствовании с учетом современной социально-экономической ситуации. При этом формирование экономической культуры студентов предполагает имеющийся у них экономический багаж знаний, умений, ценностных отношений, полученный на предыдущих возрастных этапах [4, с. 227].

Основная часть

Формирование экономической культуры студентов, а на ее основе экономического мышления осуществляется, прежде всего, в процессе обучения и воспитания. Именно потенциал этих процессов был использован в формировании экономической культуры студентов неэкономических специальностей университета.

Содержательная характеристика структурных компонентов экономической культуры позволяет выделить критерии и показатели, которые, в свою очередь, дают возможность получить информацию о состоянии сформированности экономической культуры студентов. В качестве критериев определены основные элементы структуры экономической культуры. На основе степени их проявления была определена трехуровневая структура сформированности экономической культуры студентов, включающая низкий, средний, высокий уровни.

Для изучения уровня сформированности экономической культуры студентов неэкономических специальностей был использован ряд методов: анкетирование, беседы, метод “неоконченного предложения”. В опросах участвовали студенты третьего курса

факультета начального и музыкального образования, факультета педагогики и психологии детства, факультета экономики и права (специальность “Правоведение”). Всего в опросе участвовало 120 студентов.

Результаты анкетирования можно представить следующим образом.

Отвечая на вопрос о том, как представляют студенты, что такое экономическая культура (вопрос был представлен в виде неоконченного предложения), мы получили, например, следующие варианты ответов: “...это умение применять полученные знания на деле, умение понятно излагать имеющиеся у тебя знания в этой сфере, если понадобится”; “...это часть общей культуры общества, проявляющаяся в экономических отношениях между людьми”; “... – это общая осведомленность человека о процессах, протекающих в экономической сфере”; “... – знание экономики государства, в котором живет человек, его экономических процессов”; “... – знания в сфере экономики и умения применять их на практике”.

На вопрос о том, “применяете ли Вы экономические знания, полученные в школе в своей жизни” – 28% опрошенных ответили, что иногда применяют их на практике, 14% – не применяют их никогда, а 13% – применяет полученные знания постоянно.

Полученные в университете знания на практике применяют только 20% респондентов.

20% респондентов уверены, что полученных знаний в школе и в университете достаточно для современного человека.

Анализ доходов и расходов финансовых средств в семье проводится у 36% опрошенных студентов, но бюджет расписывается у 22% респондентов.

16% респондентов, считают важным и необходимым для человека вести учет личных денежных средств, планировать свой бюджет; 33% от опрошенных признают это необходимым, и только 7% считают, что в этом нет необходимости.

Среди опрошенных 9% постоянно ведут учет и фиксируют все поступления и расходы, 40% – ведут приблизительный учет, 1% опрошенных не ведет учет, 3% не ведут учет, т. к. не имеют собственных финансов и 2% считают это нецелесообразным.

Протекающие в стране социально-экономические процессы в равной степени интересны и не интересны 23% опрошенных.

Что характерно 43% от опрошенных, считают, что экономические знания сегодня должны носить непрерывный характер и пополняться с учетом изменений социально – экономических процессов в стране.

Вопросами финансовой ситуации в стране и мире постоянно интересуются 3%, довольно часто – 8%, иногда эпизодически – 33%, довольно редко – 13%.

Около половины (48%) опрошенных студентов неэкономических специальностей считают, что полученные, в том числе и дополнительно, знания помогут им преуспеть в жизни.

При этом 18% респондентов готовы нести дополнительные расходы на повышение уровня экономической грамотности, в области финансов, планирования бюджета умения организовать собственный бизнес. 33% респондентов хотели бы получить эти знания в университете, заочно – 19%, очно – 19%, дистанционно – 18%.

36% постоянно думают о деньгах. 31% респондентов готов связать свою будущую жизнь с экономической, предпринимательской деятельностью.

И наконец, 33% считают, что необходимо культивировать экономические ценности в обществе и пропагандировать необходимость финансово-экономических знаний с помощью, рекламы, семинаров и т. д.

32% опрошенных хотели бы получить знания по направлению “финансы”, 18% по направлению “менеджмент”, 3% по бухгалтерскому учету и отчетности, 4% – по экономическому анализу.

Заклучение

Анализ полученных в ходе исследования данных позволяет говорить о преобладании среднего уровня форсированности экономической культуры студентов неэкономических специальностей.

Результаты изучения сформированности экономической культуры студентов неэкономических специальностей должны стать основанием для разработки модели формирования экономической культуры.

В качестве основных компонентов модели формирования экономической культуры студентов неэкономических специальностей можно выделить: целевой, содержательный, организационно-деятельностный, диагностико-результативный.

Целевые ориентиры в процессе формирования экономической культуры студентов неэкономических специальностей определялись с учетом основных положений нормативных и правовых документов: Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., Кодекс Республики Беларусь об образовании, Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2016–2020 гг.; Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2016–2020 гг.

Содержательный компонент модели предполагает отбор, структурирование содержательного наполнения процесса формирования экономической культуры студентов через учебный процесс, воспитательную работу со студентами, дополнительное образование студентов. При отборе содержательного наполнения занятий со студентами учитывались следующие принципиальные положения: учет прежнего экономического опыта и личностных установок студентов, практическая направленность содержания, преемственность при освоении содержания материала, актуализация передаваемых студентам знаний, перспективы их использования в процессе жизнедеятельности.

Организационно-деятельностный компонент отражает организацию деятельности и общения, направленных на формирование экономической культуры студентов.

Организация взаимодействия преподавателей (иных сотрудников университета, по-необходимости, задействованных в этом процессе), студентов, направленного на формирование экономической культуры последних, предполагает использование следующих методов и форм работы: использование разнообразия методов, форм работы: лекция, проблемная лекция, лекция-конференция, практические занятия, мозговой штурм, анализ конкретных ситуаций, упражнения, тренинги карты знаний, а также технологии: игровые. Интерактивные, проблемного обучения, групповых способов обучения.

Диагностико-результативный компонент предполагает оценку и интерпретацию результатов организованного взаимодействия по формированию экономической культуры студентов посредством анкетирования, тестирования, наблюдения, бесед, рефлексивных методик.

В качестве условий, обеспечивающих функционирование данной модели определены:

- своевременное реагирование на требования общества, предъявляемые к будущему специалисту в современной, быстроменяющейся социокультурной ситуации;
- разработка и постоянное обновление содержательного аспекта процесса формирования экономической культуры студентов;
- интеграция экономических дисциплин и иных дисциплин, изучаемых студентами и способствующих их успешному участию в социально-экономической деятельности;
- готовность педагогов (иных заинтересованных лиц) к организации работы по формированию экономической культуры студентов;

- разработка ресурсного обеспечения процесса формирования экономической культуры студентов;
- диагностическое сопровождение процесса формирования экономической культуры студентов;
- сочетание традиционных и инновационных методов, форм, средств, технологий в процессе формирования экономической культуры студентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Коджаспирова, Г. М.** Педагогический словарь : для студ. высших и средних пед. учебных заведений / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – Москва : Издательский центр “Академия”, 2000. – 176 с.
2. **Медянцева, С. Г.** Экономическая культура студентов в условиях рыночной экономики / С. Г. Медянцева, Н. В. Кавкаева // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 4. – С. 74–79.
3. План мероприятий по сотрудничеству в повышении финансовой грамотности обучающихся учреждений образования Республики Беларусь [Электронный ресурс] /. – Режим доступа: [http:// www.nbrb.by](http://www.nbrb.by). – Дата доступа: 22.10.2018.
4. **Зайцева, Л. Г.** Развитие дополнительного образования взрослых – важный аспект деятельности классического университета / Л. Г. Зайцева // Образование взрослых в государствах-участниках СНГ: опыт, приоритеты и перспективы развития : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под ред. К. М. Бондаренко, М. И. Демчука, И. В. Шардыко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – Ч. 1 : (29–30 октября 2009 г.). – С. 227–230.

Поступила в редакцию 28.05.2019 г.

Контакты: 3385258@gmail.com (Довыденко Ольга Геннадьевна)

Dovydenko O. FORMING ECONOMIC CULTURE OF STUDENTS OF NON-ECONOMIC SPECIALTIES.

The article defines the essence of the concept “economic culture of students”. The definition of the main approaches to the formation of students’ economic culture is given. The analysis of literature and dissertations on the problem is provided. The content characteristics of the structural components of economic culture are determined which allows to identify the criteria and indicators characterizing the level of the formation of students’ economic culture. The author analyzes the level of economic culture of those students who do not study Economics as their major at Mogilev A. Kuleshov State University.

Keywords: professional training, economics of knowledge, economic culture, economic education, financial literacy, entrepreneurship.

УДК 316.77 (476)

СОЦИОЛОГИЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. В. Посталовский

кандидат социологических наук,

Центр социально-политических исследований БГУ (Минск)

Анализ содержания современных конфликтов показывает, что дестабилизация общественно-политических систем, усиление радикальности действий сторон конфликта в период политических противостояний, развитие бифуркационных процессов происходят во многом благодаря использованию ресурсу СМИ и социальных медиа. Учитывая указанные тенденции, в социологической теории формируется необходимость образования принципиально нового направления исследования радикальных форм социально-политических трансформаций – социологии дестабилизации. Представленная статья посвящена научно-теоретическому осмыслению феномена дестабилизации с позиций социологической науки.

Ключевые слова: дестабилизация, социология дестабилизации, конфликт, информационное воздействие, революция.

Введение

Нынешние тенденции функционирования современного общества характеризуются активным развитием дигитализационного процесса, предполагающим внедрение информационно-коммуникативных и цифровых технологий в повседневную жизнь человека. Формирующаяся технологизация повседневности индивида трансформирует не только поведенческие установки личности, но и существенно видоизменяет структуру общественных отношений, в том числе и формы разрешения социальных противоречий (социально-политические конфликты). Вместо традиционных предметно-объектных форм внешнего давления (армия, система безопасности, экономика, политические институты, природные ресурсы), применяемого в социально-политических конфликтах, направлением акцентированного негативного информационного воздействия выступают не объекты физического мира, а конкретно сознание личности (ценности, убеждения, культура, поведенческие установки, жизненные стратегии). По мнению основоположника концепции “мягкой силы” Дж. Ная, условное “выкручивание рук” ничем не отличается от “выкручивания мозгов”, а в ряде случаев воздействие “на мозги” представляется более эффективным по сравнению с физическим давлением [1, с. 148]. Соответственно, основное внимание сторон конфликта переключается на сознание и социально значимые личностные ценности. В контексте содержания инструментов акцентированного внешнего давления (воздействия) также происходит переориентирование предметно-объектной сферы. Как уже отмечалось выше, ранее объектом воздействия выступали институты (армия, территория, экономика), то в условиях переформатирования направленности внешнего давления на первый план выходят конкретные технологии активизации дестабилизирующего потенциала, переводящие конфликт из латентной сферы в публичное пространство. Описанные тенденции выступают источником формирования нового направления исследовательского поиска в социогуманитарных науках – социологии дестабилизации. Предметом изучения социологии дестабилизации выступают процессы деструкции социальных систем, обусловленные активным использованием технологий негативного информационно-коммуникативного воздействия.

Основная часть

Учитывая вышесказанное, дестабилизация представляет собой комплекс технологий, направленных на приведение социальной системы в нестабильное состояние, результатом которого выступает коллапс существовавших ранее социальных норм и отношений, приводящий к полному радикальному изменению структуры социальной системы либо трансформирует ее в неупорядоченное конфликтогенное состояние. Говоря о применимости данного понятия в отношении государства, необходимо отметить, что дестабилизация в указанных контекстах – это технология деструкции политической системы и экономического уклада с целью радикального преобразования путем приведения их в нестабильное (конфликтное) состояние. Результатом дестабилизации выступает либо полная радикальная трансформация правящей политической элиты либо системный кризис сложившейся модели управления [2, с. 8]. В медиасреде в качестве формы дестабилизации, согласно положениям Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, выступает деструктивное информационное воздействие, представляющее собой “осуществление информационного влияния на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности государства, нарушения общественной безопасности, принятия и заключения заведомо невыгодных решений и международных договоров, ухудшения отношений с другими государствами, создания социально-политической напряженности, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов, причинения иного ущерба национальной безопасности” [3].

Как показали примеры социально-политических конфликтов последнего десятилетия, произошедших на постсоветском пространстве (“Сиреневая революция” в Молдове 5–12 апреля 2009 г., “Дынная революция” в Киргизии 6 апреля – 15 июня 2010 г., “Евромайдан” в Украине 21 ноября 2013 – 23 февраля 2014, “Бархатная революция” в Армении 13 апреля – 8 мая 2018 г.), активное применение ресурса СМИ и социальных медиа привело к эскалации конфликтогенности в рассматриваемых событиях. По мнению Л.Х. Ибрагимова, именно “с развитием информационно-коммуникативных технологий и становления глобального общества, усилилась роль экзогенных факторов, способных привести к дестабилизации политического режима. Современные коммуникационные технологии позволяют различным внешнеполитическим акторам дестабилизировать политическую ситуацию в необходимом регионе мира посредством искусственной дестабилизации действующей власти” [4, с. 25]. Как отмечает М.С. Ельчанинов, “в период бифуркации действует отчетливая закономерность: чем нестабильнее состояние кризисного общества, тем сильнее суггестивное воздействие СМИ на массовое сознание” [5, с. 75]. Описанные тенденции выступили источником формирования исследовательского поиска к феномену дестабилизации как принципиально новой стадии цикличного функционирования общества в период социально-политических противоречий.

В социологической теории изучение стабильного функционирования социальных систем нашло отражение в работах Н. Лумана [6], Т. Парсонса [7], К. Дэвиса [8] и др. Фундаментальные труды классиков теоретического социологического знания посвящены аспектам достижения линейного равновесия системы, предполагающей социальное благоденствие и интегративный порядок внутренних взаимосвязей системы. При этом представителей системной теории отличало идеалистическое восприятие функционирования общества, которое в их концептуальных трудах выступало в

качестве бесконфликтной модели социума. Данный недостаток системно-стабильной модели, равно как и склонность современного общества к конфликтам, противоречиям и дестабилизациям отмечают в своих трудах Р. Дарендорф [9], Л. Козер [10], Р. Мертон [11], П. Сорокин [12]. Социальная система имеет как явные, так и латентные дисфункции (инвариантная форма дестабилизации) в мертоновской интерпретации, равно как социальные конфликты являются естественным состоянием общества (Л. Козер). Разрешение конфликтной ситуации обязательно приводит к последующей трансформации общественной системы, переходя на новый уровень развития (Р. Дарендорф). Также заслуживают внимания труды специалистов (М.С. Ельчанинов [13], А.И. Пригожин [14], И. Стенгерс [14]) в области синергетики, рассматривающей такие вопросы, как самоорганизация социальных систем, формирование структурного порядка посредством преодоления хаотичного движения сегментов и общетеоретические аспекты стабилизации/дестабилизации системного состояния общества.

Формирование теоретико-методологического инструментария социологии дестабилизации и применения ресурса в СМИ в достижении нестабильного состояния политических систем выступает в качестве научно-теоретического развития концепции революции как радикальной формы трансформации общества. Если революция в классическом содержании выступает закономерным итогом развития исторического процесса и смены общественно-экономических формаций, то дестабилизация представляет собой комплекс организационно-технических мер, в том числе и акцентированного негативного информационного воздействия на сознание и поведенческие установки личности в условиях, когда видимых предпосылок к наступлению революции не существовало. Дестабилизация – это процесс умышленного акцентированного приведения общества в неупорядоченное состояние, результатом которого выступают социально-политические катаклизмы и иные девиации. Как отмечает И.В. Лиханова, “политическая нестабильность (дестабилизация) в отличие от неустойчивости политической системы выражает кризисные ситуации иного порядка, необязательно сопровождающиеся логикой или преобразованием наличной политической системы, а скорее с серьезной перегруппировкой сил (например, правительственный кризис, вызванный внезапно сменой кабинета министров)” “неустойчивость означает, что система при внешних воздействиях переходит в другое состояние” [15, с. 12].

Сама по себе дестабилизация как комплекс технологий, направленных на приведение сложившейся системы общественных отношений в деструктивное состояние, является реализуемой или с наиболее вероятной долей реализации при обязательном наличии дестабилизирующих факторов. Дестабилизирующие факторы – это необходимые условия структурно-содержательного стимулирования латентных форм конфликтности, наличие которых способствует реализации сценария дестабилизации социально-политической обстановки. Дестабилизирующие факторы выступают в качестве латентных форм потенциальной конфликтности. Перевод латентных форм в публичную сферу активизирует дестабилизирующий потенциал и общие процессы социальной напряженности в обществе. Редуцируя вышесказанное, необходимо отметить, что дестабилизирующие факторы – это условные нити, разрыв которых приводит к кризисному состоянию общества [2, с. 8].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве синонима понятия “дестабилизирующие факторы” используется термин “источник угрозы национальной безопасности”. Источник угрозы национальной безопасности представляет собой “фактор или совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы национальной безопасности” [16, с. 4]. В данном случае также подчеркивается наличие необходимых условий для реализа-

ции потенциала дестабилизирующих технологий. Соответствующие условия, в свою очередь, порождают угрозу национальной безопасности, определяемые Концепцией как “потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам Республики Беларусь” [16, с. 4]. Именно соответствующие условия и технологии перевода потенциальных рискогенных направлений в публичную сферу способствуют эскалации конфликтной ситуации в современном обществе. Рассматривая в качестве потенциальных рискогенных направлений информационную сферу, В.А. Арчаков, О.С. Макаров и А.Л. Баньковский подчеркивают, что “...распространение запрещенного, недостоверного, негативного контента в информационном пространстве отрицательно влияет на население, обуславливает риски девальвации жизнесберегающих ценностей и традиционных нравственных ориентиров, снижение темпов образовательного и духовного развития, размывание национальной идентичности, деградацию личности” [17, с. 26].

В условиях импорта технологий дестабилизаций как формы акцентированного негативного воздействия, особую значимость для Республики Беларусь приобретает изучение данного феномена. Географически располагаясь в центре европейского континента, Беларусь находится между крупнейшими геополитическими игроками современной мировой политики (Европейский Союз и Российская Федерация). Начиная с момента распада СССР в 1991 г., государства постсоветского пространства сразу же с момента обретения независимости стали предметом геополитических интересов крупных государств, стремящихся вовлечь бывшие советские республики в сферу своего влияния. На первоначальном этапе в качестве инструментов воздействия на новые постсоветские государства применялись формы экономического, дипломатического, политического давления. В настоящее время формы внешнего давления претерпели содержательные преобразования в пользу информационных войн и иных форм информационно-психологического воздействия.

Немаловажное значение для Беларуси приобретает также общественно-политическая ситуация в Украине. Реализованный комплекс технологий дестабилизации социально-политической обстановки в период “Евромайдана” привел к отчуждению части территории страны и вооруженному конфликту в восточных регионах Донецкой и Луганской областей. Вооруженное противостояние в непризнанных ДНР и ЛНР привело к неконтролируемому потоку беженцев и увеличению числа людей с опытом ведения боевых действий, что, в свою очередь, выступает в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности – фактором дестабилизации социально-политической обстановки.

Рассматривая феномен дестабилизации, необходимо отметить, что точкой бифуркации конфликтогенного процесса выступает наличие определенных условий (факторов), которые посредством применения конкретных технологий переходят из латентного состояния в открытое [2, с. 11]. Результатом данного перехода выступает эскалация конфликтной ситуации. Процесс дестабилизации в данном случае рассматривается в контексте теории “естественного конфликта”. Поскольку конфликты и противоречия присущи любой общественной структуре, соответственно, в основе функционирования любых обществ априори заложены факторы латентной конфликтогенности. Сам по себе феномен латентных (скрытых) факторов потенциальной дестабилизации характерен для абсолютно всех социальных и общественных структур. Любое общество представляет собой совокупность столкновения интересов и убеждений, вопрос лишь в умении разрешать противоречия и минимизировать потенциальные риски для общества. В свою очередь, теоретические модели бесконфликтных социальных систем в настоящее время представляются утопическими и не соответствующие реалиям современного глобализирующегося мира.

Если раньше в период классических революций фактором конфликтности выступала экономическая дифференциация и неравенство социальных классов, то в настоящее время экономика в целом перестала быть детерминизмом революционного процесса. Как отмечает А.С. Панарин, "...самая большая тайна, ныне скрываемая от нас новой господствующей идеологией, состоит в том, что экономические отношения сами по себе не сплачивают людей" [18, с. 190]. Данная тенденция констатируется также в работе П.А. Сорокина, который пишет, что "...при прочих равных условиях в течение тех периодов, когда существующая культура или система социальных отношений, или они обе переживают решительное преобразование, внутренние беспорядки в соответствующих обществах возрастают; когда же культура и система являются прочными и сложившимися, внутренние беспорядки имеют тенденцию к уменьшению и остаются на низком уровне" [11, с. 759–760].

Продолжая данную мысль, П.А. Сорокин отмечает следующее: члены условно неблагополучного общества "могут умирать от голода и все-таки не бунтовать или, во всяком случае, быть менее склонными к бунтам, чем члены вполне благополучного общества, чья система социокультурных ценностей находится в состоянии анархии" [11, с. 760]. Таким образом, необходимо отметить, что для конфликтов, в частности, для революций нового типа вовсе не характерно обязательное наличие экономического неравенства социальных групп. Конфликтogenность может быть детерминирована абсолютно иной группой факторов латентной дестабилизации, в числе которых будут отсутствовать экономические компоненты.

Так, С.П. Хантингтон, осмысливая аспекты функционирования современных обществ, пишет о принципиально новых формах конфликтности – конфликтах национально-культурной идентичности или "столкновения цивилизаций". Конфликты идентичности представляют собой инновационные формы социально-политических конфликтов, которые сменили традиционные социально-экономические противоречия и классовую борьбу эпохи классических революций. Как отмечает С.П. Хантингтон, "деление человечества времен холодной войны позади... Более фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные и цивилизационные – остаются и становятся причиной новых конфликтов" [19, с. 90]. Экономические вопросы в целом продолжают оставаться потенциально уязвимым направлением для реализации комплекса технологий дестабилизации, однако они не являются при этом определяющими, поскольку на первый план выходят ценности, убеждения, культура, нация. Как показали результаты "цветных революций" на постсоветском пространстве в 2003–2018 гг., кризисное состояние экономики далеко не во всех случаях выступало фактором дестабилизации политических режимов. Более того, революции происходили в государствах, характеризующихся относительно стабильным положением в экономической сфере (Грузия-2003, Украина-2004, Киргизстан-2005).

В указанных контекстах в социально-политических концепциях происходит содержательный пересмотр классической теории революции, в частности, уже упоминаемого выше тезиса об обязательной экономической детерминации динамики революционного процесса. Теория дестабилизации политических систем дополнилась тезисом об "эффекте Токвиля" как обязательном атрибуте процесса дестабилизации. Содержанием дефиниции "эффект Токвиля" выступает "преувеличение в массовом сознании требований скорейшего разрыва с негативным прошлым и, как следствие, повышенная неудовлетворенность ходом происходящих перемен" [20, с. 371]. Революционные ожидания в отношении скорейших радикальных перемен трансформируются в общее недовольство действиями новых правящих элит, которые, по мнению участвующего в революции населения, недостаточно эффективно осуществляют раз-

рыв с условно негативным прошлым. Агрессивная политика средств массовой информации в указанный период приводит к естественному завышению уровня ожиданий от новых властей, которое сменяется разочарованием в отношении апологетов революции с последующим формированием среды для возникновения контрреволюции.

Немаловажным структурным компонентом современного конфликта выступает исследование точки его бифуркации – вызванное технологиями дестабилизации критическое состояние сформировавшейся модели социальной системы, перед которой открываются инвариантные направления дальнейшего развития (или свертывания) либо вступление в фазу долговременного кризиса [2, с. 12]. По мнению А.В. Манойло, “существенным фактором, требующим своевременной оценки, является интенсивность протекания конфликта, поскольку даже “кратковременное столкновение политических сил, носящее локальный характер, но имеющее высокий уровень интенсивности, может резко изменить политическую ситуацию” [21, с. 91]. Постановка проблемы определения интенсивности радикального развития конфликта находит также отражение в работе Р. Дарендорфа. “Теперь постановка вопроса теории, – пишет немецкий социолог, – изменяется на более продуктивную: при каких условиях социальные конфликты приобретают более или менее насильственную, более или менее интенсивную форму? Какие факторы могут влиять на интенсивность и насильственность конфликта?” [9, с. 144]. Как отмечает А.Г. Здравомыслов, “...сначала процесс накопления неудовлетворенности идет медленно и подспудно, пока не происходит некоторое событие, которое играет роль своего рода спускового механизма, выводящего наружу это чувство неудовлетворенности” [22, с. 35].

Собственно говоря, обозначенные мнения ученых относительно “точки бифуркации” конфликтной ситуации отражают наличие условного “нечто”, которое способствует эскалации конфликтной ситуации с последующим радикальным разрешением для противоборствующих сторон. Это условное “нечто” выступает структурным компонентом радикальных преобразований, так сказать, “детонатором” взрыва социально-политической обстановки. В данном случае, на наш взгляд, речь идет непосредственно о комплексе технологий дестабилизаций, который придал социально-политическому конфликту необратимый характер, обернувшийся радикальной трансформацией правящих элит и устоявшейся системы социально-экономических отношений [2, с. 13].

Рассматривая вопросы “точки бифуркации” социально-политических противоречий, следствием которой выступают системные преобразования общества, необходимо отметить, что в научной среде также встречаются теории революционного процесса, не рассматривающие наличие условного “нечто” как обязательного атрибута радикальных трансформаций. И.В. Стародубовская и В.А. Мау отмечают, что “революции происходят в тех странах, которые сталкиваются с принципиально новыми, нетипичными для них проблемами, порожденными как процессами внутреннего развития, так и общемировыми глобальными тенденциями. При этом институциональная структура и психологические стереотипы населения этих государств не позволяют гибко приспосабливаться к новым требованиям; и эти встроенные ограничители, препятствующие адаптации, не удается устранить в процессе эволюционного развития” [23, с. 28–29]. В данном случае мы можем наблюдать противоположную вышеназванному “эффекту Токвиля” ситуацию. Стремительно меняющаяся социальная структура и повседневные реалии не позволяют индивиду мгновенно адаптироваться к новым условиям, вследствие чего формируются революционные настроения как форма адаптации и поведенческой реакции на происходящее. Если с “эффектом Токвиля” непосредственно правящий режим и социальная структура в целом неспособны удовлетворить ожидания населения скорейшего разрыва с негативной повседневностью,

то в ситуации, описанной И.В. Стародубровской и В.А. Мау, именно индивиды не могут быстро адаптироваться к изменяющимся реалиям функционирования общества. “Принципиальный фактор устойчивости, – пишут исследователи, – структур и отношений, сложившихся в обществе, – это их адаптивность, способность приспосабливаться к изменяющейся среде” [23, с. 29].

П. Селле, анализируя динамику революционного процесса, подчеркивает, что “основная идея состоит в том, что неожиданный экономический регресс не сопровождается своевременной и соответствующей корректировкой ожиданий. Ожидания продолжают расти, основываясь на предыдущем опыте общественного развития. ... Следовательно, когда разрыв между ожидаемым и реальным уровнями развития достигает определенного предела, вспыхивает революция” [24, с. 371]. Собственно, разрыв между сформированными во многом СМИ и революционным массовым сознанием ожиданиями радикальной трансформации общества и его реальным состоянием в рассматриваемый период приводит к дестабилизации политического режима.

Заключение

Таким образом, в современных условиях развития общества и возрастающего спроса на распространяемую в социальных медиа информацию особое значение приобретают вопросы сохранения стабильности общественно-политических систем как гаранта социального порядка в государстве. Анализ социально-политических конфликтов на постсоветском пространстве (2003–2018 гг.) показывает, что экономическая компонента перестала быть обязательным атрибутом детерминации революционного процесса и иных форм политических катаклизмов. Экономические противоречия сами по себе не являются необходимым условием возникновения конфликтности. В свою очередь, акцентированное негативное информационно-психологическое воздействие способно оказать влияние на сознание и поведенческие установки личности с последующим управлением реакцией индивида на происходящие события. Указанные тенденции сформировали потребность в корректировке направлений исследования радикальных социально-политических трансформаций, выступив источником возникновения социологии дестабилизации – принципиально нового направления в социологической теории.

Помимо кризисного состояния экономики для проявления открытых форм конфликтности достаточно наличия дестабилизирующих факторов, которые посредством ресурса СМИ и иных технологий распространения негативного информационного контента в социальных медиа, приводят к дестабилизации общества. Дестабилизирующими факторами являются необходимые условия структурно-содержательного стимулирования латентных форм конфликтности, наличие которых способствует реализации сценария дестабилизации социально-политической обстановки. Конфликты и различного рода противоречия характерны в настоящее время для любого типа общества, однако для их явного визуального проявления необходимы соответствующие инструменты и технологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Най, С. Д.** Будущее власти: Как стратегия умной силы меняет XXI век / С. Д. Най младший ; пер. с англ. В. Н. Верченко. – М. : АСТ, 2014. – 448 с.
2. **Посталовский, А. В.** Дестабилизирующие факторы современного мира: социологическое измерение / Д. Г. Ротман, А. В. Посталовский, И. И. Бузовский, Д. М. Булынько // Современное белорусское общество: социологическое прочтение. БГУ в Государственной программе научных исследований “Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества на 2016–2020 гг.”. – Минск : БГУ, 2018. – С. 6–31.

3. О Концепции информационной безопасности [Электронный ресурс]: Постановление совета Безопасности республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Официальный Интернет-портал Президента республики Беларусь. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf>. – Дата доступа: 19.03.2019.
4. **Ибрагимов, Л. Х.** Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Л. Х. Ибрагимов. – Москва, 2016. – 28 с.
5. **Ельчанинов, М. С.** Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна / М. С. Ельчанинов. – М. : КомКнига, 2005. – 240 с.
6. **Луман, Н.** Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. – СПб. : Наука, 2007. – 648 с.
7. **Парсонс, Т.** Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; науч. ред. пер. М. С. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
8. **Дэвис, К.** Миф о функциональном анализе как специальном методе в социологии и антропологии / К. Дэвис // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Серия: переводы и рефераты. – М., 1968. – Ч. 2. – С. 212–218
9. **Дарендорф, Р.** Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147
10. **Козер, Л.** Функции социального конфликта / Л. Козер / пер. с англ. О. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. – Москва : Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. – 295 с.
11. **Мертон, Р.** Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.
12. **Сорокин, П. А.** Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вст. статья и комментарии В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
13. **Ельчанинов, М. С.** Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна / М. С. Ельчанинов. – М. : КомКнига, 2005. – 240 с.
14. **Пригожин, И.** Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. англ. – 6-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 296 с.
15. **Лиханова, И. В.** Дестабилизация политического процесса как угроза национальной безопасности России в контексте социальных трансформаций : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / И. В. Лиханова. – Москва, 2010. – 25 с.
16. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь 9 нояб. 2010 г. № 575. – Минск : Белорус. Дом печ., 2011. – 46 с.
17. **Макаров, О. С.** Концепция информационной безопасности Республики Беларусь – взгляд в будущее / А. В. Арчаков, О. С. Макаров, А. Л. Баньковский // Белорусская думка. – 2019. – № 3. – С. 24–31.
18. **Панарин, А. С.** Народ без элиты / А. С. Панарин. – М. : Изд-во Алгоритм, изд-во Эксмо, 2006. – 352 с.
19. **Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2006. – 571, [5] с.
20. **Наумов, А. О.** “Цветные революции” на постсоветском пространстве / А. Ю. Наумова, В. Е. Авдеев, А. О. Наумов. – СПб. : Алетей, 2014. – 164 с.
21. **Манойло, А. В.** Технологии несилового разрешения современных конфликтов / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.
22. **Здравомыслов, А. Г.** Социология конфликта. Выпуск первый. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки / А. Г. Здравомыслов. – Нижний Новгород : Издательство Волго-Вятского кадрового центра, 1994. – 82 с.
23. **Стародубровская, И. В.** Великие революции от Кромвеля до Путина / И. В. Стародубровская, В. А. Мау. – 2-е изд. – М. : Вагриус, 2004. – 512 с.
24. **Селле, П.** J-кривая Дэвиса. Когда происходят революции? / П. Селле // Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / под ред. С. У. Ларсена. – М. : РОССПЭН, 2009. – С. 371–387.

Поступила в редакцию 28.05.2019 г.

Контакты: cspr@bsu.by (Посталовский Александр Владимирович)

Postalovsky A. SOCIOLOGY OF DESTABILIZATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS.

The analysis of modern conflicts proves that the destabilization of social and political systems, radicalization of the conflict sides actions during the time of political opposition, development of bifurcation processes take place mainly due to the use of mass media and social media. Taking into account these tendencies a need to form a new trend in the research of radical forms of social and political transformations – sociology of destabilization – arises. The article deals with the theoretical substantiation of destabilization viewed in the context of sociology.

Keywords: destabilization, sociology of destabilization, conflict, information impact, revolution.

УДК 316.472:32.019.5

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В СОВРЕМЕННОМ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

М. Я. Тишкевич

кандидат социологических наук, доцент

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

В данной статье автор обращается к актуальной проблематике формирования, накопления и реализации социального капитала в современном трансформирующемся обществе. В статье анализируются тенденции формирования и приумножения социального капитала в условиях изменения материально-технических условий труда, сосуществования индустриальных и постиндустриальных условий и форм труда и соответствующих социально-трудовых отношений. Неопределенности и риски современного общества диктуют необходимость поиска и актуализации эффективных ресурсов и форм общественной интеграции, основанной на доверии, общеразделяемых нормах и ценностях, повышения гражданской заинтересованности, системного доверия к институтам государства, социальной безопасности в целом. На основании сравнительного анализа данных социологических исследований в статье выясняются особенности социального капитала в современном трансформирующемся обществе.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, социальные сети, трансформирующееся общество, постиндустриальное общество, гражданское общество, местное управление.

Введение

Объективной потребностью современной информационной цивилизации является поиск и актуализация инновационных ресурсов и технологий, способных обеспечить эффективность общественного развития. Труд, как исторически первичный вид человеческой деятельности, продолжает выполнять свою основную функцию по удовлетворению материальных и духовных потребностей людей, создавая общественно полезный продукт. Карл Маркс пишет: “Труд есть, прежде всего, процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу” [1, с. 189]. Вместе с тем характерной особенностью современного этапа общественного развития является изменение материально-технических условий труда, сосуществование индустриальных и постиндустриальных условий и форм труда, соответствующих социально-трудовых отношений.

Организационные формы труда индустриального общества, объединяющие большие коллективы, сформировали социо-культурные основания индустриального общества. Как справедливо отметил Зигмунд Бауман: «Временные горизонты эры “тяжелой модернити” были долгосрочными» [2, с. 46]. Строгий порядок “конвейерного”, массового производства “растворяет” личность в коллективе, подчиняя индивидуализм правилам “процесса”. Социальная интеграция с трудовым коллективом и обществом обеспечивается закреплением социальных норм и контролем над исполнением обязанностей.

Процессы глобализации в современном мире, технологии информационного общества изменяют характер труда фордистско-кейнсианского типа в сторону индиви-

дуализации, креативности, творчества. Историческая аналогия, приведенная Ульрихом Беком, достаточно точно характеризует современное состояние общества: “Как в XX веке модернизация привела к распаду закостеневшее в сословных устоях аграрное общество, так и теперь она размывает контуры индустриального общества, и последовательное развитие модерна порождает новые общественные конфигурации” [3, с. 5].

«Мы вступаем в фазу развития, совершенно отличную от индустриальной эры. Этому новому общественному порядку давали множество названий, например, постиндустриальное общество, век информации, а также “новая” экономика» – пишет Энтони Гидденс [4, с. 336]. Изменение форм организации производительных сил неизбежно вызывают изменение социальной структуры общества, количественных и качественных параметров социального капитала. Такие формы труда, как фрилансерство, предпринимательство, неполная или частичная занятость, аутсорсинг, аутстаффинг и др., формируют образ и стиль жизни, рожают новую трудовую этику, новые общественные отношения, формируют новый социальный капитал. “Главным источником прибылей – в особенности крупных, причем даже для капитала завтрашнего дня – во все большей мере становятся идеи, а не материальные предметы” [2, с. 49] – пишет Зигмунд Бауман. Для современных трансформационных процессов характерны неопределенности и риски экономического, социального, экологического и иных аспектов, что требует усиления гражданской заинтересованности, повышения системного доверия к институтам государства, персонам власти и управления, социальной безопасности в целом. По мнению Адама Селигмена, «Доверие – это нечто такое, что входит в социальные отношения, когда имеется возможность отклонения от ролей, то, что, возможно, может быть названо “открытыми пространствами” ролей и ролевых ожиданий» [5, с. 21], кроме этого – “...доверие является основой социального капитала, так как позволяет индивидам взаимодействовать за счет ожидания того, что общие нормы разделяются всеми” [6, с. 121]. Необходимость снижения разноплановых неопределенностей и минимизация рисков постиндустриального общества актуализируют проблематику межличностного и институционального доверия, социальной солидарности, ассоциативной деятельности людей, всего того, что исследователи относят к социальному капиталу. Э. Остром пишет: “...социальный капитал – это общее знание, понимание, нормы, правила и ожидания относительно форм взаимодействия, которые группы индивидов привносят в повторяющуюся деятельность” [7, р. 176].

В данном определении подчеркивается “групповое взаимодействие” в процессе “повторяющейся деятельности” воспроизводства и приумножения социального капитала, следовательно, социальный капитал формируется как общественный нематериальный ресурс, складывающийся из добровольного объединения ресурсов индивидуальных, на основе доверия и взаимопонимания в процессе достижения поставленных целей и на основе общеразделяемых норм и ценностей. Представители различных теоретических подходов оперируют различными эмпирическими показателями и индикаторами для измерения социального капитала и определения факторов влияния социального капитала на развитие общества. Социолог С. Шавель, рассматривая структуру неэкономических факторов экономического роста и целостного развития общества, выделяет консенсус, доверие, согласованность ожиданий, иррациональные факторы бессознательного, архетипы, личностные качества (смекалка, предприимчивость, готовность к риску и др.), феномен призвания, аттитюды (установки), паттерны и многие другие факторы [8, с. 15]. По мнению Ричарда Роуза: “Считается возможным измерить долю индивидуального социального капитала путем определения склонности человека к доверию другим людям или путем исчисления количества индивидов, участвующих в добровольных организациях” [9, с. 27].

Эмпирические данные, полученные в ходе реализации международного проекта “Исследование европейских ценностей” показывают, что в Республике Беларусь, количество респондентов, выбравших вариант ответа “большинству людей можно доверять”, составило 45,4%. Это, безусловно, высокое значение показателя, тем не менее, исследователи подчеркивают: “...нельзя сказать, что этот уровень доверия достаточен с точки зрения эффективного функционирования социального капитала в обществе” [6, с. 121].

Наряду с доверием межличностным, персональным, важным эмпирическим показателем состояния и динамики приумножения социального капитала выступает доверие к институтам общества и прежде всего к институтам власти и управления. Уровень доверия населения к институтам власти и управления выступает фактором устойчивости и стабильности государства и общества, демонстрирует удовлетворенность граждан решениями и действиями органов власти. Эмпирические данные, представленные Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь, показывают, что Парламенту, Правительству и местным органам власти доверяют в среднем по 49% жителей республики, не доверяют – в среднем по 39% [10, с.88]. Доверие органам местного управления Гомельской области представлено результатами социологического исследования “Мнение населения Гомельской области о работе органов исполнительной власти”, проведенного автором статьи в составе научного коллектива в 2016 г.

Исследование проводилось по многоступенчатой стратифицированной комбинированной выборке методом интервью (face to face) по месту жительства респондентов, было опрошено 1100 человек, представляющих 16 социальных групп населения Гомельской области. Ошибка репрезентативности не превышает 3%.

В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживают доверия органы местной исполнительной власти? (%)

	Доверяю полностью	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Совсем не доверяю	З/О
1. Областной исполнительный комитет	20,0	45,3	18,1	6,1	10,5
2. Городской исполнительный комитет	14,5	48,7	20,3	6,7	9,8
3. Администрации районов в городе	16,4	37,6	27,7	6,1	12,2
4. Районный исполнительный комитет	16,7	33,5	28,5	8,1	13,2
5. Сельский исполнительный комитет	16,6	32,7	19,0	14,2	17,5

По сумме положительных “доверяю полностью” и “скорее доверяю” и отрицательных “скорее не доверяю” и “совсем не доверяю” ответов респондентов областной исполнительный комитет – 65,3% и 24,2% соответственно. Затруднились ответить 10,5% респондентов. Городской исполнительный комитет – 63,2% и 27,0% соответственно, при 9,8% неопределившихся в той или иной оценке.

Администрациям районов в городе доверяют 54,0% и не доверяют 33,1% при 12,2% неопределившихся с выбором, а райисполкомам – 50,2 % и 36,6% респондентов соответственно, при 13,2% затруднившихся ответить. Сельским исполкомам по сумме положительных “доверяю полностью” и “скорее доверяю” и отрицательных “скорее не доверяю” и “совсем не доверяю” доверяют – 49,3% и 33,2% респондентов соответственно. Не определились с ответом – 17,5%. Инструментальная функция доверия проявляется в расширении официальных каналов и соответствующих возмож-

ностей участия граждан в принятии и реализации управленческих решений, особенно на местном уровне управления и самоуправления. Стимулирование участия граждан в выработке управленческих решений, прежде всего на местном уровне, – это приоритетная задача, которая определена Президентом Республики Беларусь: “Необходимо создавать такие условия, при которых граждане и представители юридических лиц будут тратить минимум времени и сил при обращении в государственные органы и организации, оказывающие услуги, обеспечивающие жизнедеятельность населения, а также активно участвовать в выработке важнейших управленческих решений” [11]. Доверие со стороны населения органам власти и управления оказывает влияние на репутационные характеристики и лежит в основе формирования имиджа институтов власти. Совершенно очевидным представляется тот факт, что правильно сформированный имидж оказывает значительное воздействие на результативность процесса управления на местном уровне. Кроме этого, имидж – это существенный элемент поддержки общественностью проектов, реализуемых органами власти на уровне местного управления и самоуправления. Реализуя свои интересы и потребности в современном обществе, индивид, как правило, полагается на несколько альтернатив выбора.

Информационное общество расширяет такие альтернативы, рационализируя выбор в зависимости от интересов и потребностей человека. Р. Роуз подчеркивает: “Эмпирически ситуативные теории социального капитала предсказывают, что индивид полагается на гетерогенный набор социальных сетей, зависящих от стимулов и ограничений, при которых можно достичь той или иной цели. В условиях разнообразия сетей и их ситуативного использования социальный капитал не может быть ограничен одним контактом и агрегирован в суммарную статистику, характеризующую все общество” [9, с. 27]. Важным эмпирическим показателем состояния социального капитала выступает количество общественных объединений граждан и количественный состав таких объединений. В Республике Беларусь по данным на 2018 год насчитывается 2856 общественных объединений граждан. Направления деятельности общественных объединений охватывают широкий круг интересов и потребностей граждан Республики Беларусь: национальные меньшинства – 111; молодежные – 338; в том числе детские – 27; женские – 32; сторонников природы, памятников истории, культуры – 86; физкультурно-спортивные – 796; творческие – 54; научно-технические – 85; просветительские, культурно-досуговые, воспитательные – 248; благотворительные – 399; инвалидов войны и труда, ветеранов – 94; прочие общественные объединения – 613 [12, с. 35]. Воспроизводство и приумножение социального капитала, таким образом, осуществляется через участие индивидов в ассоциативной деятельности, приобретающей в условиях Республики Беларусь организационные формы.

Заключение

Неравномерность социально-экономического развития в глобальном, национальном, региональном, пространственно-территориальном масштабах, культурные, политические, административные, иные особенности местного развития, неизбежно проявляются в социальных результатах для населения соответствующих территорий. В процессе противоречивых глобальных изменений трансформации подвергаются структура общества, ее отдельные элементы и отношения. Возрастающая разделенность и дистанцирование отношений вызывают неопределенность в социальных взаимодействиях и риски, связанные в том числе с дефицитом межличностного и институционального доверия. Социальный капитал основывается на общеразделяемых ценностях, нормах и доверии, определяется количеством и качеством социальных взаимодействий и включает в себя как неформальные (горизонтальные) связи (сети)

и взаимодействия, так и взаимодействия по вертикали властных отношений, сохраняя и развивая устойчивые формы социального, политического, экономического порядка и равновесия.

Воспроизводство и приумножение социального капитала связывают с прогрессом общества, совершенствованием формальных институтов и развитием гражданского общества. Эмпирический анализ таких ключевых показателей социального капитала как уровень персонального, межличностного и институционального доверия, количество общественных объединений граждан, разноплановость и многоаспектность их деятельности, формы и способы взаимодействий показывают текущее состояние и определяют многовекторность воспроизводства социального капитала. Однако поиск и верификация иных показателей представляется актуальным направлением научных исследований. Можно с уверенностью говорить о том, что общества с развитым социальным капиталом и потенциалом его совершенствования и приумножения имеют более благоприятные перспективы развития на пути прогресса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Маркс, К.** Капитал : в 3 т. / К. Маркс. – М. : ИПЛ. 1969. – Т. 1. – 900 с.
2. **Бауман, З.** Индивидуализированное общество/ З. Бауман ; пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
3. **Бек, У.** Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
4. **Гидденс, Э.** Социология / Э. Гидденс / При участии К. Бердсолл ; пер. с англ. изд. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
5. **Селигмен, А.** Проблема доверия / А. Селигмен / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соколовой. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
6. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, В. В. Правдивца, Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2016. – 219 с.
7. **Ostrom, E.** Social capital: Fad or a fundamental concept? In: Dasgupta, P., Serageldin, I. (Eds.), Social Capital, a Multifaceted Perspective / E. Ostrom // The World Bank, Washington, DC. – 2000. – P. 176.
8. **Шавель, С. А.** Структура неэкономических факторов экономического роста и целостного развития общества/ С. А. Шавель // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2018. – № 4. – С. 15–28.
9. **Роуз, Р.** Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России / Р. Роуз // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 23–37.
10. Республика Беларусь в зеркале социологии : сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск: 2018 – 180 с.
11. О внесении изменений и дополнений в Директиву Президента Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 марта 2015 г., № 135 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
12. Республика Беларусь 2018 : статистический ежегодник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; [редколлегия: И. В. Медведева (председатель) и др.]. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – 490 с.

Поступила в редакцию 14.04.2019 г.

Контакты: tishkevich@gsu.by (Тишкевич Михаил Яковлевич)

Tishkevich M. SOCIAL CAPITAL IN MODERN TRANSFORMING SOCIETY.

The author focuses on the urgent problem of social capital formation and realization in the modern transforming society. The tendencies of forming and improving social capital in the course of changing working conditions are outlined. The uncertainties and risks of the modern society urge the search for effective resources and forms of social integration based on mutual trust, shared norms and values, increased public concern, social security. The comparative analysis of the data provided in different sociological research enables the author to reveal social capital properties in the modern transforming society.

Keywords: social capital, trust, social networks, transforming society, postindustrial society, civil society, local governance.

УДК 316.728

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ МОЛОДЫМИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ ВИЗУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. М. Бельский

магистр социологических наук,
младший научный сотрудник,
Центр социологических и политических исследований,
Белорусский государственный университет

Социологическая реконструкция положений теоретико-методологической технологии исследования визуального контента У. Эко представляется как релевантная модель анализа виртуальной репрезентации актов повседневности пользователями социальных сетей. Адекватность модели продемонстрирована на разборе кейса участия в голосовании на выборах президента РФ пользователями социальной сети Инстаграм из числа молодежи.

Ключевые слова: виртуальная репрезентация, повседневность, социальные сети, гражданская позиция.

Введение

Повседневность современности претерпела ряд существенных трансформаций ввиду ощутимого воздействия на социум технико-технологических преобразований, глобализационных процессов, трансформации потребительских практик и расширенной медиатизации, культивирующей и продвигающей визуальные образы. Развитие информационно-коммуникативных технологий создает условия для практически ничем не неограниченного (кроме фантазии и желания социального субъекта) конструирования повседневности реальной жизни в виртуальном пространстве с формированием нового жизненного стиля, репрезентирующего профанное существование в ярких красках фильтров приложений социальных сетей, разрабатывающих и внедряющих рамки новой виртуальной монотонности.

Широкое использование виртуального пространства для самовыражения, трансляции повседневности в авторском контенте и формирования своей идентичности в ощутимо большей степени характерно для молодежи. Произошел своеобразный поворот в сторону неоспоримой важности виртуальной визуализации реальной повседневности, которая стала элементом стиля жизни и габитуса современного молодого человека, формируя обязательные визуальные практики и рамки. Обозначенный процесс характеризуется стремительной динамикой и обусловленной ею сложностью в его интерпретациях. Он включает в себя весомое противоречие, ведь, с одной стороны, в визуальных образах мы четко ощущаем элементы реальности, но, с другой — череда визуального контента формирует свою иконичность, возможность создавать искусственную виртуальную проекцию в виде мозаики с лоскутами “реальной” реальности и “желаемой”. Такая виртуальная визуальная репрезентация реальности выступает конструктом, который вызывает обоснованный исследовательский интерес в области ее “прочтения” и интерпретации.

В обозначенном направлении проведем анализ виртуальной визуальной репрезентации, используя кейс участия в голосовании на выборах президента России молодежью, а точнее его отражение в профилях их социальных сетей. Вместе с этим такой анализ является еще и одним из вариантов рефлексии того, стал ли такого рода гражданский активизм реальным актом повседневности.

Использование в качестве кейса материала по Российской Федерации видится релевантным ввиду того, что обозначенные процессы протекают со схожими трендами по всему постсоветскому пространству, а это говорит о том, что ключевые выводы вполне адекватны и для белорусских реалий, однако российский дискурс предоставляет более широкий материал для анализа, что повышает устойчивость полученных в ходе исследования результатов.

Основная часть

Молодежь, которую по возрастному критерию можно отнести к “поколению Путина”, во время выборов 18 марта 2018 г. была в явном фокусе всеобщего внимания. Некоторые оппозиционные силы выступали за бойкотирование молодыми людьми участия в выборах, государственные деятели старались привлечь молодежь на избирательные участки. ВЦИОМ предварительно сообщал, что менее 50% жителей РФ возраста 18–24 лет высказывали намерение принять участие в предстоящих на тот момент выборах. Однако в итоге гражданская активность российской молодежи на них показала рост [1]. Она не сравнима с традиционно высокой активностью избирателей старших возрастных групп, однако молодежь точно не подтвердила сформированный стереотип “аполитичного поколения”, которое желает находиться в стороне от политических процессов.

Именно поэтому видится интересным рассмотреть виртуальную репрезентацию участия в голосовании на выборах президента России молодыми пользователями в социальной сети. Исследование будет основано на переосмыслении методологии анализа визуального контента У. Эко. Для анализа визуальной репрезентации отобрана социальная сеть Инстаграм. Согласно данным исследования, проведенного в 2017 г. на основе данных Facebook Ads Д. и А. Салюковыми о пользователях Инстаграм в РФ, сервисом активно пользуются около 10% россиян, т. е. 14,4 млн чел. (ранее руководство сети называло цифру в 20 млн) из всего населения в 146,5 млн. Аудитория в возрасте 18–34 лет составляет почти 67% всех пользователей российского Инстаграм [2]. В данной социальной сети пользователи размещают фотографии, которые репрезентируют их повседневность и тем самым конструируют свою виртуальную идентичность, находящуюся в определенном соответствии с реальной (стоит отметить возможность значительного влияния пользователя на уровень такого соответствия).

Интерфейс программного продукта позволяет осуществить поиск фотографий необходимой тематики при помощи фильтрации всего массива фотоизображений с применением хэштегирования. Заслуживает внимание то, что, к большому сожалению, крупные события общественно-политической жизни постсоветского пространства только в самое последнее время стали маркироваться официальными хэштегами с четкой их локализацией и привязкой к дате. Вместе с этим сама социальная сеть не позволяет отфильтровать контент по дате и половозрастной структуре пользователей, что усложняет анализ, однако не исключает его возможность.

Среди множества хэштегов по выбранной проблематике для анализа был отобран наиболее релевантный согласно логике исследователя – #18марта2018. По данному хэштегу было обнаружено 11 012 публикаций. Из анализа были исключены информационные и рекламные посты, которые не иллюстрируют повседневность пользователей, а также ряд событий, не относящийся к заданной теме. После этого был осуществлен анализ остав-

шегося массива визуальной информации с целью поиска наиболее распространенных репрезентаций. Это позволило выделить четыре наиболее типичные визуальные репрезентации участия в выборах президента России пользователями социальной сети: 1) изображение избирательного бюллетеня (без отметок в абсолютном большинстве случаев) с писчими принадлежностями, паспортом, рукой автора (может отсутствовать один из элементов); 2) изображение в антураже избирательного участка (официальное лого выборов или избирательная урна и т. д.) ребенка автора или совместное фото с ребенком в полный рост; 3) изображение автора и (или) компании (партнер/друг) в антураже избирательного участка (официальное лого выборов или избирательная урна и т. д.) в формате селфи; 4) изображение автора и (или) компании (партнер/друг) по пути на избирательный участок.

Далее работа с изображениями происходила в рамках семиотического анализа, т. е. нас интересовали содержащиеся в визуальном контенте знаки и их отношения между собой. Это позволило остановиться на базовом понятии семиотики в двух его составляющих – *означающее и означающее*, где означаемым является сам атрибут изображения, а означающим – его, так называемый, акустический образ. Знаки-атрибуты отобранного контента организовываются автором контента в определенную систему, где и приобретают определенное значение. Таким образом, мы имеем дело с визуальными кодами. **В визуальной репрезентации мы можем выделить пять кодификационных уровней по методологии, предложенной У. Эко [3].**

Первый уровень – иконический. В задачи нашего исследования репрезентации голосования на выборах президента РФ как таковая кодификация иконических знаков не входит, точно так же при изучении словесного ряда мы не занимаемся денотативными значениями слов. Мы просто принимаем, что та или иная конфигурация изображает бюллетень или избирательную урну, и не задаемся вопросом, отчего это так и почему, в крайнем случае, можно выделить определенный тип иконического знака, обладающего сильным эмоциональным воздействием, – назовем его “патриотическим” иконическим знаком, о котором приходится вести речь в тех случаях, когда некоторые качества изображаемого объекта (обложка паспорта с украшениями в национальном стиле, визуальные жесты позитивной направленности на фоне официальной символики, широкая улыбка в момент вброса избирательного бюллетеня) подаются так выразительно, что провоцируют внутренние интенции смотрящего, не ограничиваясь чистым означиванием: “паспорт”, “урна”, “бюллетень”.

В случае иконографического уровня перед нами два типа кодификации. Одна – “исторического” типа, в которой размещенное изображение использует конфигурации, отсылающие к определенным значениям, принятым классической иконографией (от ребенка на избирательном участке вместе с родителем, означающее семейные узы, до сочетания фигуры голосующего с антуражем избирательного участка, связанного с идеей отражения себя как части общественно-политической жизни страны). Другая – сложившаяся в социальной сети Инстаграм как таковой, когда, например, желательно разместить на каждой фотографии свое лицо в формате селфи, отражающее свое личное участие в процессе и (или) атрибутику, характеризующую событие. Иначе говоря, социальная сеть Инстаграм вводит в обиход рамки для конструируемых иконограмм. Иконограмма между тем (как впрочем и сочетание иконических фигур) это уже не знак, а сема.

Уровень тропов включает визуальные эквиваленты словесных тропов. Троп может быть неожиданным, может обретать эстетическое значение или же он может быть попыткой визуального воспроизведения словесной метафоры, настолько стертой в обращении, что ее уже не замечают. С другой стороны, язык социальной сети Инстаграм использует такие ставшие употребительными тропы визуальной коммуникации, которые иногда трудно возвести к словесным.

Можно привести много примеров визуальной передачи классических тропов, изображение на фотографии бюллетеня, ручки, руки действующего субъекта – отражает целую цепочку смыслов, которая являет то, что автор участвует в голосовании на выборах (интерпретация наличия бюллетеня), при этом совершает действие (он отражает не только сам бюллетень, как статику, но и ручку для голосования как наличие ресурса к совершению волевого акта). Вместе с этим, автор проявляет личное участие, активную гражданскую позицию, отражая себя на фотографии через свою руку. Наличие на фотографии паспорта транслирует идею принадлежности к своему государству, гордости и чувства патриотизма. При этом отражает активное гражданство в целом, как часть политической культуры россиянина, которое могло бы быть не отражено в случае отсутствия паспорта на фото. Одновременно с этим, на подавляющем числе фотографий не было размещено отображения “галочки”, т. е. фото было сделано либо до момента определения выбора, либо место ответа было сознательно скрыто доступным предметом антуража или явно откорректировано при помощи фоторедактора. Это говорит о том, что свобода политического выражения все еще не близка молодым россиянам. Фотография может быть обработана в черно/белом стиле для придания строгости и официальности совершаемому акту. Предметы на фотографии могут быть расположены гипертрофированно лаконично, что также имеет эффект усиления важности транслируемого события, исключения волонтаристского отношения к выбору. Таким образом, мы можем иметь дело с явными гиперболами, литотами, недоговоренностями или метафорами. Кроме того, возможны случаи визуализации или буквального воплощения словесной метафоры в зрительном образе: например, призыв к участию в голосовании (словесная метафора) на изображении сопровождается жестовым или мимическим призывом автора на фоне объектов избирательного участка.

Говоря о визуализации метафоры, представляющей собой ее буквальное воплощение, мы имеем дело с тем типом тропов, который также получил распространение в последнее время в виде серии фотографий “следуй за мной”.

Среди этих тропов укажем на причастность по смежности, на современную молодую семью, которая желает себя запечатлеть вместе со своим ребенком или без него, но в виде ячейки общества, которую они образовали, что имеет следствием распространение ореола добропорядочности, ответственности и преемственности – а вместе с этим серьезности намерений пары.

Есть еще один тип фигуры, сходный с этим, обозначим его как иконограмму китч, используемую как доказательство от референтного авторитета, что вовлекает в большую сферу внимания автора изображения, уделяя ему немного от славы “референтного объекта/субъекта”. Иконограммами китч являются использование жестов или стиля знаменитых людей с целью “делать как они”.

В итоге, следует заметить, что почти всякий визуальный образ представляет собой риторическую фигуру, которая при этом начинает доминировать, т. е. это случай антономасии. Кроме всего прочего, всякая отдельная вещь, всякий изображенный индивид согласно антономасии представляет еще и свой род или вид. Девушка, голосующая на выборах, делает то, что “делают все девушки” с позитивной идентичностью в понимании автора фото. Можно сказать, что указание на какой-то отдельный случай приобретает смысл примера, становится доказательством от авторитета. В голове у нас всякая отдельная вещь мысленно предваряется логическим знаком, который называется всеобщим квантификатором и, будучи поставленным перед символом “х”, значит “все х”. Этот механизм, опирающийся на психологические идентификации, стало быть, на процессы, не имеющие прямого отношения к семиотике, в котором, однако, процессом идентификации заведует риторика, – благодаря ей частное принимается за всеобщее и образцовое (и тут мы снова оказываемся в сфере семиотики), – является основополагающим в области социальной коммуникации.

Уровень топосов равно включает как область так называемых предпосылок, так и общих мест аргументации или топосов, т. е. две рубрики, по которым традиционно распределялись аргументы. Применительно к целям нашего исследования достаточно признать, что возможны некоторые комплексы усвоенных воззрений, способных служить как предпосылкой энтимемы, так и выступать в качестве общей схемы объединения сходных энтимем. Поэтому мы будем говорить об уровне топосов в целом.

Кодификация топосов могла бы превратиться в подробную классификацию способов передачи словесных топосов визуальными образами; но что сразу становится очевидным при первой же попытке анализа языка изображений, так это наличие иконограмм, индуцирующих целое поле топосов, привычно ассоциативным путем наводящих на ряд неявных предпосылок, как если бы речь шла о некой аббревиатуре.

Например, изображение молодой женщины с ребенком, склоняющейся с улыбкой к урне для голосования для вброса бюллетеня, на иконографическом уровне, несомненно, означает “любящая мать”, одновременно вызывая множество аллюзий типа “матери не упускают возможности правильно воспитать своих детей”, “мы вместе”, “нет ничего сильнее материнской любви”, “матери обожают детей и не отпускают ни на минуту”, “все дети любят своих мам и не хотят с ними расставаться”, “матери очень патриотичны”, “с такими матерями у страны достойное будущее” и т. д. Но не только это наряду с этими коннотациями, представляющими собой настоящие предпосылки, в уме выстраиваются цепочки аргументов, “общих мест” в строгом смысле слова. Например, “если все матери таковы, то будь и ты такой же”. Нетрудно представить себе, что на подобном поле топосов могут произрастать такие энтимемы, как “все матери стараются хорошо воспитать своих детей – все достойные матери ходят на избирательные участки с детьми – тот, кто поступает также, как эта мать, является добропорядочным гражданином и доставляет радость своему ребенку, обеспечивает ему и стране светлое будущее”.

Как видим, для образования энтимемы необходима соответствующая интерпретация на уровне тропов, та самая подразумеваемая антономасия, по которой “эта мама” оказывается “всеми мамами”. Можно также сказать, что во многих случаях антономасия “образцово-показательная мать” индуцирует поле топосов, например, “если эталонная мать поступает так, то почему бы тебе не поступить так же?”, откуда рождается аргумент: “эта мать – образец матерей – она голосует на выборах с ребенком – почему бы тебе не привести своего ребенка на избирательный участок?”, в котором, как можно заметить, отсутствует универсальный квантификатор “все”.

Наше предположение заключается в том, что большая часть визуального контента Инстаграма рассчитывает не столько на экспликации предпосылок и общих мест, сколько на демонстрацию иконограммы, которая сама по себе коннотирует ряд топосов, в свой черед наводящих на ту или иную предпосылку.

И наконец, **уровень энтимем** – это уровень визуальной аргументации как таковой. Также и здесь, мы позволим себе предположить, что в связи с характерной многозначностью изображения и необходимостью закрепить за ним одно значение с помощью слов, собственно риторическая аргументация исходит либо только из словесного ряда, либо источником ее является соотнесение словесного ряда с визуальным. В таком случае, иконограммы, о которых идет речь, аналогично тому, как они вызывают в памяти целые совокупности топосов, должны будут коннотировать совокупности энтимем, отсылая к устоявшимся способам аргументации.

Представим рассмотренную методологию анализа визуального контента на конкретных примерах (табл. 1). Для этого возьмем 5 случайных фотографий, выделенных из общего массива социальной сети Инстаграм по хэштегу (рисунок).

Анализ виртуальной репрезентации участия в голосовании

Фото 1	Фото 2	Фото 3	Фото 4	Фото 5
Иконический уровень				
герб города, избирательный бюллетень (с выбором), персона, блокнот	ручка, избирательный бюллетень (без выбора), часть тела персоны (рука), кофе, информационные буклеты	паспорт, избирательный бюллетень (без выбора)	паспорт (невяное наличие), избирательный бюллетень (практически не попадает в кадр), персона (не в фокусе) с ребенком	лица персон в формате селфи в антураже городской среды
Иконографический уровень				
локальная идентичность (идентификация с малой родиной), гражданский активизм (демонстрация активного гражданства)	гражданский активизм (демонстрация активного гражданства)	гражданский активизм и патриотизм	семейные узы, преемственность, гражданский активизм и патриотизм	семейные узы, теплые отношения
Уровень тропов				
демонстрация совершенного выбора с выражением лица "делаю как я", чувством важности и гордости, удовлетворенности сделанным выбором, своими действиями. Наличие отметки выбора у фамилии определенного кандидата указывает на сформированность политических взглядов и отсутствие страхов в направлении их демонстрации. Наличие блокнота, казалось бы, случайно попавшего в кадр, указывает на то, что выборы становятся реальным элементом повседневности	демонстрация совершения выбора через активное действие – заполнение бюллетеня (присутствует часть тела автора как указание на личное участие). Гиперболический прием цветов коррекции в ч/б цвет для придания большей строгости событию, ответственности	демонстрация участия в выборах гражданина РФ. Гиперболический прием исключения предметов и расположения элементов композиционно четко для придания большей строгости событию, ответственности	семейные узы, преемственность, гражданский активизм и патриотизм	демонстрация успешности отношений молодой пары

Окончание таблицы

Фото 1	Фото 2	Фото 3	Фото 4	Фото 5
Уровень топосов				
девушки обладают активной гражданской позицией, участвуют за определенный кандидат. Выбор удачной позы для фото указывает на то, что персона уделяет себе больше внимания, чем событию.	граждане РФ обладают активной гражданской позицией, участвуя в выборах. Не указан сам выбор – отсутствует зрелость в демонстрации своего мнения или соблюдается тайна голосования. Учитывая формализованность и лаконичность фото, может быть релевантен второй вариант	граждане РФ обладают активной гражданской позицией, участвуя в выборах. Не указан сам выбор – отсутствует зрелость в демонстрации своего мнения, что подтверждается полным исключением себя как персоны с фото	граждане РФ обладают активной гражданской позицией, участвуя в выборах. Молодые матери ответственно подходят к гражданскому долгу. Матери с юных лет приобщают детей к активному гражданству. Приоритет выставлен в отношении ребенка и его воспитания, что демонстрирует то, что иные показатели участия в выборах отошли на второй план, причем сама персона также не в фокусе (жертвенность матери в отношении ребенка как своей ведущей ценности)	граждане РФ обладают активной гражданской позицией, участвуя в выборах. Молодые пары ответственно подходят к гражданскому долгу. Молодые пары демонстрируют позитивное восприятие совершения выбора с установкой «делаю как мы», удовлетворенность своими действиями и отношениями. Приоритет выставлен в отношении теплых отношений молодой пары, что демонстрирует то, что иные показатели участия в выборах не нашли свое отражение на фото, причем сама пара также явно использует образовавшийся повод для этого
Уровень энтимем				
участие в выборах – подкрепление позитивной идентичности девушки – гражданки РФ, ощущающей привязанность к малой родине, поддерживающей конкретного кандидата	участие в выборах – это серьезный и важный акт гражданина РФ, однако тайна голосования должна быть сохранена	участие в выборах – это серьезный и важный акт гражданина РФ, однако демонстрация своего выбора может вызвать нежелательные последствия	участие в выборах – это серьезный и важный акт гражданина РФ, молодые матери ответственно подходят как к воспитанию детей, так и к участию в выборах	участие в выборах – это позитивно окрашенный акт граждан РФ. Молодые пары, участвующие в выборах, имеют крепкие взаимоотношения

Модели виртуальной репрезентации участия в голосовании

Заключение

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что участие в выборах становится реальным обыденным актом повседневности для многих молодых людей, репрезентирует их активное гражданство и патриотизм. Данный акт повседневности органично влился в формируемую социальной сетью Инстаграм рамку передачи визуального контента с наличием атрибутики значимого события и персоны автора. Обозначенная рамка накладывает свой отпечаток на форму трансляции участия в выборах, где нередко мы можем наблюдать не формат “выборы и мое участие в них”, а “Я и выборы”, где автор демонстрирует себя с целью подкрепления своей позитивной идентичности. Наличие весомого количества контента обозначенной проблематики говорит о том, что у россиян сформирована политическая культура участия в голосовании, более того, для молодых семей – это акт первичной политической социализации своих детей, для которых они выступают реальным примером [4, с. 99]. Вместе с этим демонстрация своих политических пристрастий все еще табуирована. Абсолютное большинство фотографий явно не транслируют поддержку того или иного кандидата, что объясняется исторически сложившимся и продолжающим транслироваться стереотипом – “о политике в персоналиях лучше говорить на кухне”. Однако имеются примеры открытой демонстрации выбора, что может говорить о том, что в будущем ситуация может измениться. Таким образом, мы можем утверждать, что представленная методология анализа визуального контента достаточно перспективна в обозначенном проблемном поле и позволяет получить весомое количество информации, полезной для исследований в политической сфере, а также расширяет горизонты исследования феномена повседневности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Исследования в сфере социальной, политической, экономической жизни [Электронный ресурс] ВЦИОМ // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]: <https://wciom.ru/> – Дата доступа: 13.01.2019 г. – Загл. с экрана.
2. Исследование аудитории Instagram [Электронный ресурс] Forbes // Финансово-экономический журнал [Электронный ресурс]: <http://www.forbes.ru/tehnologii/343331-issledovanieauditorii-instagram-servisom-polzuetsya-kazhdy-desyatyy-v-rossii/> – Дата доступа: 13.01.2019 г. – Загл. с экрана.
3. **Эко, У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко // СПб. : Symposium, 2004. – 544 с.
4. **Бельский, А. М.** Гендерный аспект политической социализации подростков / А. М. Бельский // Молодежная Галактика. – 2017. – № 13 / гл. ред. А. А. Козлов. – Санкт-Петербург : ЭлекСис, 2017. – С. 99–105.

Поступила в редакцию 20.05.2019 г.

Контакты: ksander_mogilev@mail.ru (Бельский Александр Михайлович)

Belsky A. VIRTUAL REPRESENTATION OF EVERYDAY LIFE BY YOUNG USERS OF VISUAL SOCIAL NETWORKS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS.

Sociological reconstruction of the provisions of the theoretical and methodological technology for the study of visual content by U. Eco is presented as a relevant model to analyze virtual representation of everyday acts by social networks users. The adequacy of the model is demonstrated with regard to the analysis of the Instagram users' participation in the elections of the President of the Russian Federation.

Keywords: virtual representation, everyday life, social networks, citizenship.

УДК 316.3

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА “МОЛОДЕЖЬ”

А. В. Базыленок

старший преподаватель-методист

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

В статье рассматривается молодежь как объект социологического анализа, как наиболее динамическая, творческая и ориентированная на оптимальное и социально-эффективное обустройство будущего общества социально-демографическая группа и социальная общность, которая занимает важное место среди основных социальных субъектов гражданского общества, и именно от нее зависит развитие социума. Рассматривается широкий спектр подходов к феномену “молодежь”, возрастным границам, определяющим граждан, относящихся к данной категории.

Ключевые слова: гражданское общество, молодежь, гражданская активность, социум, гражданская позиция.

Введение

Актуальность работы обусловлена тем, что именно от молодежи зависит будущее социума. Развитое демократическое государство в силу своих основных характеристик обращает особое внимание на всестороннее развитие молодых граждан, поскольку именно они являются гарантами общественной стабильности в будущем, при этом в силу своих имманентных характеристик иногда выступая в качестве фактора, дестабилизирующего социум.

Государство и общество заинтересованы в самостоятельных, активных и законопослушных гражданах, поскольку именно молодежь как социальная общность, выделенная, прежде всего по возрастному критерию, присутствует практически во всех социально-профессиональных, классовых и других социальных общностях и структурах, а также сферах социальной деятельности и социальной жизни.

Предполагается целесообразным отметить, что формирование активной гражданской позиции тесно связано с таким социальным институтом, как “гражданское общество”.

Гражданское общество – сложный социальный феномен, который представляет собой социальную подсистему – целостное единство специфических социально-экономических, политико-правовых, социокультурных, социально-групповых и индивидуально-личностных элементов и проявлений. По своему статусу гражданское общество – составная часть социума, особая сфера деятельности социальных субъектов и институтов.

В Республике Беларусь особое внимание уделяется проблемам повышения гражданской активности, гражданского самосознания. В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь, от 18.03.2019 № 1 указывается, что “важнейшее значение имеет поддержка и всемерное развитие гражданско-патриотической идеологии” [1].

Гражданское общество представляет собой реальное воплощение демократии. Данный социальный институт позволяет обществу максимально реализовать свои внутренние возможности, позволяет гражданам реализовать свои устремления.

Актуальным является рассмотрение молодежи, в качестве объекта социологического анализа, как категории, а также возрастных границ граждан, относящихся к категории “молодежь”, оставаясь в русле проблематики формирования гражданской позиции молодежи и гражданской активности.

В современной социологии молодежь определяется как социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации.

Основная часть

Демократический социум зависит от уровня развития и степени активности основных социальных субъектов гражданского общества, среди которых важное место занимает молодежь, как наиболее динамическая, творческая и ориентированная на оптимальное и социально-эффективное обустройство будущего общества социально-демографическая группа и социальная общность.

Современными учеными, проводящими научные исследования, связанные с молодежной проблематикой, выделяется широкий спектр подходов к феномену “молодежь”. Подходы связаны с разнообразием определений, различиями в возрастной периодизации, психологической спецификой и прочим.

Следует отметить, что подходы к феномену “молодежь” широко представлены в современной социальной науке. При том, что автором не ставится задача применения социологического анализа для максимального представления в работе всех существующих подходов и концепций, освещающих “молодежь”, необходимо учесть актуальность и для современной науки, изучающей проблематику, молодежи выделения трех основных подходов к феномену “молодежь”: психоаналитического, структурно-функционального, культурологического. В рамках указанных подходов рассматривается богатейший опыт изучения становления и развития человека в социуме, накопленный учеными США, Западной и Восточной Европы, Азии.

В рамках психоаналитического направления, которое рассматривает феномен сознания, обращает внимание на социальные и психофизиологические факторы, влияющие на формирование личности, анализируются труды Зигмунда Фрейда.

В рамках молодежной проблематики в научной деятельности З. Фрейд одним из первых обратил внимание на так называемый Эдипов комплекс и его влияние на развитие молодой личности, а также на влияние психологических эффектов, сопровождающих данный комплекс, на формирование социальных отношений, противоречий и развитие социума [2].

В научном сообществе однозначно позитивно оценивается весомый вклад в изучение молодежи, внесенный Рут Бенедикт. Особое внимание исследователем уделялось изучению молодежи как особой социальной общности. В частности, исследователь обращала внимание на возможность использования при изучении молодежи тех же подходов, которые могут применяться для устойчивых социальных образований. Особое внимание при этом уделялось изучению молодежи через процесс социализации, в рамках которого происходит усвоение личностью определенных культурных образцов. Именно культурные поведенческие образцы способствуют формированию типа и прохождению процесса перехода от состояния “детства” индивида к состоя-

нию “взрослости”. Вид и тип перехода, его успешность и результативность во многом зависят от того, какие требования предъявляет социум к взрослому и ребенку. Стабильность и единообразие требований, их однообразность обеспечивают постепенное усвоение ребенком требований к статусу взрослого [3].

Среди работ, посвященных молодежной проблематике, следует обратить внимание на труды Льюиса Фойера, в частности значимой является работа “Конфликт поколений. Характер и значение студенческого движения”. Работа представляет интерес с точки зрения подходов к изучению молодежи как особой движущей силы в истории, точнее одного из компонентов, который способствует развитию человеческой цивилизации. Л. Фойер считает, что современная история обществ является результатом исторического процесса, который связан с взаимодействием поколений. Под данным посылом понимается борьба между поколениями. Молодые люди и люди преклонного возраста соперничают за господство в обществе. Это проявляется в сферах социума, в науке, производстве и т. д. Исследователь указывает на один весьма любопытный аспект борьбы молодых людей и людей средних лет. По мнению автора, непрерывная борьба идет и скрытно, и явно. Трудно определить в ней с победителем, потому что даже в случае победы молодых людей их победа лишь временна и никогда не бывает абсолютной. Победив, молодые люди сами становятся людьми средних лет и вынуждены участвовать в этой же борьбе, но уже с другой стороны баррикад. Особое внимание Л. Фойер уделяет современной ему молодежи, утверждая, что на данном этапе молодежь обретает все большее влияние в обществе за счет появления и, соответственно, роста влияния крупных молодежных объединений. Рассматриваемый нами автор вступает в дискуссию с концепцией К. Маркса, утверждая, что вечное противоборство отца и сына является однозначно более важной движущей силой в истории, чем классовая борьба [4].

Несомненно, огромный вклад в изучение молодежи как социальной группы и молодости как особого возраста осуществлен Эриком Эриксоном.

Рассматривая периоды жизни индивида и выделяя определенные стадии, Эриксон подробно рассматривает первоначальное становление личности в периоды детства, отрочества, юношества и т. д.

По мнению исследователя, первая стадия жизни человека охватывает первый год жизни. Это период развития социального взаимодействия. Его позитивным параметром может быть доверие, а негативным – недоверие. Доверие к миру и окружающим ребенка людям целиком зависит от размеров проявляемой к нему заботы. В случае, если уровень заботы, проявляемой к ребенку, высок и он получает в полной мере требуемое внимание, мир кажется ему комфортным местом, а окружающие люди вызывают позитивные переживания, следовательно, уровень доверия растет. В случае, противоположном описываемому, при отсутствии комфортного восприятия окружающих людей и мира у ребенка начинает вырабатываться недоверие, которое он транслирует в другие стадии развития. Эриксон считает, что выработанное отношение не является для ребенка стабильным, универсальным и постоянным. Доверие либо недоверие к окружающим и миру возникает заново на всех этапах развития личности ребенка. Это, по мнению автора, имеет как позитивные, так и негативные стороны, поскольку в зависимости от направления развития личность, развиваясь и проходя этапы взросления, может на одном из них разочароваться в людях, на другом – восстановить свое доверие, а далее – опять его потерять. Последующая стадия, которая охватывает второй и третий год жизни, формирует “самостоятельность” и “нерешительность”. В этот период дети учатся все делать сами, и если родители не торопят своего ребенка, не стремятся делать все за него и уж тем более не ругают его чрезмерно строго за ошибки

и промахи, то у ребенка возникает уверенность в себе, перерастающая в самостоятельность. В случае постоянных выговоров со стороны родителей за проступки у ребенка формируется чувство стыда перед другими людьми и нерешительность, которые прогрессируют в дальнейшем. Следующая стадия, третья, приходится на возраст от четырех до пяти лет. Она характеризуется формированием чувств предприимчивости и вины. Если родители уже вполне развившемуся ребенку разрешают самостоятельно определять свои моторные приоритеты и проявлять фантазию в выборе своих игр, то у ребенка развивается чувство предприимчивости. Если родители говорят ребенку о бесполезности его занятий, несерьезности вопросов, то формируется чувство вины, которое развивается в дальнейшем. Четвертая стадия определяет такие качества, как умелость и неполноценность. По мнению Э. Эриксона, соответствует данная стадия возрасту от шести до одиннадцати лет. Это возраст, когда у ребенка вырабатываются способности к техническому творчеству. Поощрение со стороны родителей формирует уверенность, отношение к деятельности ребенка как к чему-то несерьезному и незначительному формирует чувство неполноценности. На данной стадии Эриксон предлагает учитывать также и влияние окружения ребенка (друзей, школы) как факторов, оказывающих как позитивное, так и негативное влияние. Не нашедший поддержки в семье ребенок может найти ее в школе и дружеской компании или наоборот – получить дозу неуверенности от грубого учителя или сверстников. Следующая – пятая стадия – включает возраст от 12 до 18 лет. Здесь происходят либо идентификация личности, либо путаница ролей. Данный этап является не менее значимым, потому что подростку, развившемуся до готовности к обобщениям и выводам, необходимо на данном этапе обобщить все свои социальные роли и статусы, осмыслить их как одно целое, увязать с прошлым и направить в будущее. Если данная задача успешно выполнена, то у молодого члена социума появляется четкое представление о том, кто он и куда движется. В противном случае возникает путаница ролей. Особенно данная ситуация характерна для молодых преступников, которые не осознают до конца масштаб ущерба, наносимого обществу. Следующая стадия – юность и период начала среднего возраста. Здесь главными доминирующими полюсами являются близость (положительный) и одиночество (отрицательный). На данном этапе развития человек должен сформировать умение заботиться о других, которое получает в браке, дружбе. Если человек не обрел это умение, то он находится в состоянии одиночества, в постоянном угнетении. Стадия седьмая, или зрелый возраст, – это период взрослых детей и поиска ими социальной связи с родителями, прошедшими этапы развития с определенной направленностью деятельности. Основной тут является задача выработки новых параметров личности, связанных с общечеловечностью как позитивным фактором и самопоглощенностью как негативным фактором. Главное умение личности на данном этапе – умение обращать внимание на глобальные проблемы человечества, интересоваться жизнью других людей, не входящих в семейный круг. Если такого умения не выработалось, то основной задачей становится стремление к реализации своих интересов и потребностей. В качестве заключительной, восьмой, стадии Э. Эриксон выделяет стадию, когда для человека основные жизненные вехи пройдены и наступают периоды цельности либо безнадежности. Цельность наступает в том случае, если человек, оглядываясь на прошлое, испытывает удовлетворение. Безнадежность – результат представления жизни как череды упущенных возможностей, к этому добавляется понимание того, что начинать все сначала уже поздно. Вклад Э. Эриксона в изучение личности, и в особенности молодежи, необыкновенно значим. Исследователь предлагает учитывать новые факторы, которые позволяют существенно расширить понимание феномена “молодежь” [5].

Такие представители структурно-функционального направления, как Д. Белл, Р. Мертон, Э. Фромм, подошли к изучению молодежи как системы структурных позиций. Так, Д. Белл считает, что молодые люди обязаны усвоить систему определенных структурных позиций в социуме. Именно заполнение этих позиций способствует приобретению молодежью социальных статусов и ролей [6]. Р. Мертон уверен, что даже простые и вроде бы понятные действия индивидов могут на самом деле нести в себе совершенно иную суть. В качестве примера исследователь приводит ритуал по вызову дождя у примитивных народов. Для многих это просто проявление предрассудков, но Р. Мертон считает, что подобный обряд служит укреплению групповой солидарности. В зависимости от отношения индивидов к общественным целям и средствам ученый выделяет пять типов поведения: инновация, ритуализм, конформность, ретризм, мятеж. Молодежь воспринимается как общность, которая наиболее ярко воплощает в себе проявления данных типов поведения [7]. Э. Фромм в своей концепции “радикального гуманизма” стремился определить, что влияет на развитие человека и предоставляет ему возможность для внутреннего роста. И в частности, исследователь придавал обществу главенствующее значение в формировании личности, однако человек – не только объект воздействия. Он сам способен влиять на окружающие его обстоятельства. Так, Фромм выделял особый процесс формирования человека, получивший название «адаптация». Автор выделял “статическую” и «динамическую» адаптацию. Под статической понималась адаптация, при которой человек не менял свои взгляды, у него менялись только привычки, к примеру, использование в обиходе вместо традиционных вилки и ножа китайских палочек для еды. Подобная адаптация не приводит к изменению личности, к таким изменениям приводит “динамическая” адаптация, к примеру, приспособление ребенка к строгим требованиям родителей. Фромм интересуется проблема границ приспособляемости человека. Он считает, что человек может приспособиться почти ко всем условиям существования, и пытается уточнить границу этой приспособляемости. Исследователь утверждает, что можно выделить более устойчивые черты натуры человека и более гибкие, склонные к приспособлению, особое внимание при этом уделяется анализу молодого возраста личности [8].

Среди исследователей, представляющих культурологический подход, выделяют К. Маннгейма, М. Мид, Т. Лукмана, которые обращают особое внимание на внутренний мир молодежи. Так, Карл Маннгейм определил молодежь в качестве особого резерва, который обеспечивает приспособление личности и общества. Молодежь, по мнению исследователя, не является ни прогрессивной, ни консервативной. Она представляет собой потенциал, который может развиваться в любом направлении в зависимости от изменившихся условий. Именно этим и ценна молодежь и так необходима в динамичном обществе. Она представляет собой ту самую переменчивую часть социума, которая и обеспечивает динамику. В традиционном обществе такой ресурс отсутствует, что и приводит к застою, поскольку часто активность молодежи тут просто подавляется. Такое состояние молодежи не ограничивается конкретным параметром (место, время) и является универсальным для любой эпохи [9].

Маргарет Мид в своей работе “Культура и преемственность” утверждает, что изучение молодежи необычайно актуально из-за роли “социального бульдозера”, которую она принимает. Именно молодежь несет в себе все изменения и является тем фактором, который обеспечивает движение к социальному прогрессу [10].

Томас Лукман большое внимание уделяет молодежи, проблемам легитимации и культуре. Исследователь высказывает предположение о специфическом механизме передачи информации от поколения к поколению и предполагает, что он не совершенен. Однако накопленный обществом опыт может нести для молодежи как пользу, так

и затруднения в ее становлении. К примеру, в обществе существуют четкие условия, которые определяют права людей, их обязанности и связывают все это в единую сеть, обеспечивающую социальную стратификацию с доступом к благам. Доступ к знаниям о механизме мобильности поручается особым людям, которые передают их с помощью особых операций по посвящению. Молодежь находится в зависимости как от теории, так и от прохождения особых операций. Естественно, что люди, владеющие информацией, не спешат ею делиться, создавая особые преграды или выдвигая некие требования, которые следует соблюдать для получения информации. Со временем возникают и развиваются усложненные концепции, обеспечивающие защиту обладателей знаний. Молодежь в силу своей динамичности и стремлений не вписывается в общепринятые требования или выстраивает свои требования и теории [11].

Помимо рассмотренных направлений, можно остановиться на работах исследователей, которые также внесли значительный вклад в изучение молодежи. Леопольд Розенмайер считает, что молодежь – это не только социальная общность. Исследователь предполагает, что можно рассматривать молодежь как стадию жизненного цикла. Основной проблемой, по мнению исследователя, является определение отношения непосредственно к молодежи. Многие ученые относят к молодежи тех, у кого началась стадия полового созревания. Розенмайер считает, что это неверно. Принадлежность к молодежи может возникнуть гораздо раньше и основываться на накопленном опыте, знаниях и умениях. В общности “молодежь” исследователь выделяет понятия “молодой”, “молодой взрослый”. “Молодой взрослый” – это уже достигший определенного статуса “молодой”, имеющий доступ к благам в большей степени, чем “молодой” [12].

Энтони Гидденс уделяет большое внимание изучению проблем в сфере интимности и партнерства. Молодежь в данной проблематике видится как экспериментальная группа, которая первой в социуме испытывает на себе инновации в данной сфере [13].

Помимо указанных исследователей, можно выделить ряд российских ученых, посвятивших свое творчество изучению молодежи. Среди них А. Г. Здравомыслов, С.Н. Иконникова, Д. Эльконин, И.С. Кон, В.А. Ядов, В.Т. Лисовский, Г.В. Спиркин, Ю.В. Торсуева, Г.М. Андреева, Б.А. Грушин, А.В. Дмитриев, Ю.А. Замошкин, А.С. Капто, В.М. Квачахия, Л.Н. Коган, Г.Г. Квасов, Н.С. Мансуров, В.Г. Мордкович, В.Б. Ольшанский, В.А. Устинов, З.И. Файнбург, Ф.Р. Филиппов, А.Г. Харчев, В.И. Староверов, В.П. Тугаринов, Г.И. Хмара, В.Н. Шубкин и многие другие социологи.

В Республике Беларусь уделяется значительное внимание проблемам молодежи. Можно выделить ряд исследователей, работы которых посвящены указанной проблематике: Е.М. Бабосов, С.А. Шавель, Н.А. Барановский, А.Н. Данилов, Д.Г. Ротман, Л.Г. Титаренко, Е.П. Сапелкин, С.Д. Лаптенко, Ю.М. Бубнов, Н.Е. Лихачев, И.В. Котляров, Л.Г. Яковук, И.В. Лашук, О.Н. Мицкевич, Е.А. Данилова.

Обращая внимание на значимость молодежи для социума, следует отметить, что молодежь можно воспринимать и как явление, которое ярче остальных категорий граждан несет в себе содержание этапов общественного развития, и, следовательно, любое общество, находящееся на определенном этапе развития имеет особое, характерное только для него определение молодежи.

В научном сообществе постоянно ведутся дискуссии, как о возрастных границах молодежи, так и о различных критериях, которые позволяют сформировать такую социальную группу, как молодежь.

В отношении так называемой нижней границы молодежного возраста, как правило, исследователи указывают порог физической зрелости, который определяется в зависимости от законодательства, культуры и традиций страны. На данном этапе личность может приступать к трудовой деятельности.

Определение верхнего порога является не менее дискуссионной проблемой, поскольку он ограничивается, как правило, наступлением экономической самостоятельности, которая, в свою очередь варьируется в зависимости от критериев, установившихся в социуме, которые также могут значительно колебаться в зависимости от периода его развития.

В отношении критериев, не связанных с возрастом, речь идет о выделении некоторых показателей, которые бы учитывали не только физиологическую готовность гражданина, но и позволяли оценить его интеллектуальную, психологическую и другие составляющие, демонстрирующие необходимый для социума уровень социализации.

Очерчивая границы объекта социологического исследования, ученые определяют возрастные рамки молодежи.

Древние китайцы делили жизнь человека на следующие этапы: юность – до 20 лет, возраст вступления в брак – 20–30 лет, возраст познания своих заблуждений – 40–50 лет, последний период творческой жизни – 50–60 лет, возраст, которого желают достичь – 60–70 лет, старость – после 70 лет.

Древнегреческий математик и мыслитель Пифагор делил жизнь человека на четыре сезона: весна (детство) – до 20 лет, лето (молодость) – 20–40 лет, осень (зрелость) – 40–60 лет, зима (старость) – 60–80 лет.

По-разному определяют возрастные границы молодежи и многие современные исследователи.

Социолог В. Лисовский считает, что в зависимости от конкретных исторических условий возрастные границы молодежи колеблются от 16 до 30 лет.

По мнению социолога А. Гусейнова, границы молодости можно установить с точностью до нескольких лет, на современном этапе они колеблются между 14 и 26 годами.

Социолог И. Кон считает молодежным возраст окончательного формирования сознательной личности – от 17 до 25 лет.

В Украине молодежным считается возраст от 14 до 35 лет.

В Российской Федерации под категорию “молодежь” попадают юноши и девушки от 14 до 29 лет, согласно ЮНЕСКО – от 17 до 25 лет.

В законодательстве других государств – участников СНГ приняты следующие возрастные границы определения молодежи: Азербайджан и Казахстан – 14–29 лет, Кыргызстан – 14–28, Молдова – 16–30, Узбекистан и Таджикистан – 14–30, Туркменистан – 30 лет без указания нижнего порога, что имеет аналоги в мировой практике [14].

В Законе Республики Беларусь от 24 апреля 1992 г. “Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь” верхний предел возраста молодежи определен в 25 лет, а в соответствии с изменением этого Закона в 1997 г. – увеличен до 30 лет.

В настоящее время действующим является Закон Республики Беларусь “Об основах государственной молодежной политики”, в котором категория “молодые граждане” определяется как граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в возрасте от 14 до 31 года [15].

Такие границы поясняются насыщенностью и динамикой развития личности в указанном возрасте. Гражданин Республики Беларусь завершает получение образования, определяется со своими жизненными приоритетами, которые длительный срок будут оказывать на него определяющее влияние. Именно на данном этапе государство обеспечивает поддержку молодым людям. Однако хотелось бы обратить внимание на

ускорение темпов развития социума, что позволяет утверждать о наличии тенденции к уменьшению нижней возрастной границы, и создает условия для схожей тенденции для верхней границы, определяющей принадлежность к такой социальной общности, как молодежь. Подобного рода тенденции нуждаются в более глубоком изучении с привлечением социологических институтов.

Заключение

Таким образом, необходимо отметить актуальность социологического анализа молодежной проблематики:

- анализ классических подходов к изучению молодежи показывает, что при организации работы с данной категорией следует учитывать тот факт, что она является наиболее активной и передовой частью социума, однако представление молодежи исключительно в качестве динамического, противоречивого фактора не правомерно, поскольку эта же молодежь будет выступать фактором общественной стабильности в будущем;

- при изучении молодежи особое внимание следует обращать на то, что она присутствует практически во всех социально-профессиональных, классовых и других социальных общностях и структурах, а также сферах социальной деятельности и социальной жизни, будучи максимально широко представленной во всех социальных слоях молодежь требует комплексного подхода;

- сравнительный анализ классических подходов к молодежной проблематике позволяет отметить, что определение понятия “молодежь”, его смысловое наполнение находятся в зависимости от этапов развития общества, уровня культурного развития и традиций;

- институтам, в чьи функции входит работа с молодежью, следует обратить внимание на ускорение темпов развития социума, что позволяет актуализировать для изучения вопрос потенциальной коррекции нижней и верхней возрастных границ молодежи.

Современное общество, специфика рыночных отношений требуют от индивидуума уверенности в своих силах, способности самостоятельно решать возникающие проблемы, что предполагает высокий уровень развития гражданского самосознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18.03.2019 № 1 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. **Лейбин, В. М.** Психоанализ : учебное пособие / В. М. Лейбин. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 592 с. [Электронный ресурс] / Интернет-портал “<http://world7.ru>”. – Режим доступа: <http://world7.ru/lib/38-classic/418-psychoanalysis>. – Дата доступа: 12.06.2019.
3. “Социология молодежи” электронная энциклопедия / под ред. проф. В. А. Лукова [Электронный ресурс] / Интернет-портал “[http:// www.soc-mol.ru](http://www.soc-mol.ru)”. – Режим доступа: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/researchers/124-benedikt.html>. – Дата доступа: 12.06.2019.
4. **Чистякова, Д. И.** “Отцы” и “дети”: от разногласий к взаимопониманию [Электронный ресурс] / Интернет-портал <http://cyberleninka.ru>. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ottsy-i-deti-ot-raznoglasiy-kvzaimoponimaniyu>. – Дата доступа: 12.06.2019.
5. **Эриксон, Э. Г.** Детство и общество / пер. [с англ.] и науч. ред. А. А. Алексеев. – СПб. : Летний сад, 2000 [Электронный ресурс] / Интернет-портал <http://pedlib.ru/> – Режим доступа: http://pedlib.ru/Books/1/0154/1_0154-1.shtml. – Дата доступа: 12.06.2019.
6. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. – М., 1999. [Электронный ресурс] / Интернет-портал <http://>

- platona.net. – Режим доступа: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/sociologija/bell_d_grjadushhee_postindustrialnoe_obshchestvo/25-1-0-2349. – Дата доступа: 12.06.2019.
7. **Мертон, Р.** Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Р. Мертон. – Москва, 1966 ; пер. с фр. Е. А. Самарской / редактор перевода М. Н. Грецкий. Издательство “Прогресс” [Электронный ресурс] / Интернет-портал <http://scepsis.net>. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_632.html. – Дата доступа: 12.06.2019.
 8. “Социология молодежи” электронная энциклопедия / под ред. проф. В. А. Лукова [Электронный ресурс] / Интернет-портал “<http://www.soc-mol.ru>”. – Режим доступа: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/409-social-teor-fromma.html>. – Дата доступа: 12.06.2019.
 9. Молодежь, как социальная группа [Электронный ресурс] / Интернет-портал “<http://sites.google.com>”. – Режим доступа: https://sites.google.com/site/robertcopy2/home/hobbies_vs_work/risk---the-standard-way-of-youth/youth-as-a-social-group. – Дата доступа: 12.06.2019
 10. **Тарасов, А.** Молодежь как социальный бульдозер [Электронный ресурс] / Интернет-портал <http://saint-juste.narod.ru>. – Режим доступа: http://saint-juste.narod.ru/buld_tup.html. – Дата доступа: 29.08.2017.
 11. **Питер Бергер, Томас Лукман:** социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Электронный ресурс] / Интернет-портал “<http://gtmarket.ru>” – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4783/> – Дата доступа: 12.06.2019/
 12. **Лисовский, В. Т.** Социология молодежи : учебное пособие / В. Т. Лисовский. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 361 с. [Электронный ресурс] / Интернет-портал <http://textarchive.ru/>. – Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-1377521-pall.html> – Дата доступа: 12.06.2019.
 13. **Гидденс, Э.** Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс ; пер. с англ. В. Анурина. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.
 14. Доклад “Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала” [Электронный ресурс] / Интернет-портал “vmo.rgub.ru”. – Режим доступа: <http://vmo.rgub.ru/policy/act.php>. – Дата доступа: 04.01.2017.
 15. Об основах государственной молодежной политики [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 7 дек. 2009 г., № 65-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2011 г. № 242-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
 16. **Feuer, L. S.** The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement. – NewYork, 1969. – P. 527.

Поступила в редакцию 24.06.2019 г.

Контакты: alex70107@rambler.ru (Базыленок Александр Владимирович)

Bazylenok A. ON CURRENT APPROACHES TO THE PHENOMENON OF YOUTH.

The article focuses on youth as the object of sociological analysis, as the most dynamic and creative socio-demographic group oriented towards the optimal and socially effective arrangement of the future society. This social community occupies an important place among the main social actors of civil society and determines the development of society. A wide range of approaches to the phenomenon “youth” and age limits of this category are considered.

Keywords: civil society, youth, civic engagement, society, civic position.

УДК 316.253+37.013.78+316.74:37

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

А. И. Вороненко

старший преподаватель

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

Статья посвящена изложению основных идей французского социолога Эмиля Дюркгейма как основоположника социологии образования. В ней анализируются работы ученого в области данной специальной социологической теории. Проанализированы ключевые идеи Дюркгейма, представлены их роль и значение для современной социологии образования и педагогических дисциплин.

Ключевые слова: социология образования, система образования, образовательная реформа, социальная солидарность, индустриальное общество, мораль, моральное образование, школьная среда, педагогика.

Введение

Вклад французского ученого Эмиля Дюркгейма в социологию является фундаментальным: его метод, принципы и его образцы исследования в социологии, касающиеся таких социальных явлений, как самоубийство или религия, все еще составляют основы современной социологии. Тем не менее, роль и значение его трудов выходят далеко за рамки этой дисциплины и затрагивают почти все исследования в социально-гуманитарных науках, включая антропологию, философию, религиоведение и историю. Большинство современных исследователей [1; 2] Дюркгейм причисляется к ученым, заложившим основы социологии образования как специальной социологической теории.

Биографами Дюркгейма было подсчитано, что примерно три четверти всего времени его преподавательской деятельности посвящено педагогике, и только одна четверть – вопросам социологии. С одной стороны, Дюркгейм разделял взгляды государственных чиновников на чрезвычайную важность образования для общества и поэтому тратил так много времени на чтение соответствующих курсов. С другой стороны, он видел свою миссию в развитии социологии как науки, которая, по его убеждению, могла очень многое предложить как научному сообществу, так и обществу в целом [3, с. 66].

Кроме этого, актуальность работ Дюркгейма в сфере социологии образования определяется эволюцией самой системы образования на современном этапе. Стоит ли для повышения качества образования давать школьникам больше свободы или сделать акцент на школьной дисциплине; поддерживать ли государственный сектор образования или давать возможность больше развивать частные школы; какова роль личности учителя и какими он должен обладать качествами; должна ли система образования стимулировать конкуренцию среди обучающихся или необходимо обратить основное внимание на развитие коллективизма (социальной солидарности) – вот вопросы, которые в трудах Дюркгейма получили свое развитие, но они являются перспективными направлениями исследований и в начале XXI в.

Основная часть

В серии лекций, опубликованных под названием “L’évolution pédagogique en France” (“Эволюция образования во Франции”, другой вариант перевода – “Эволюция педагогической мысли во Франции”) [4], Эмиль Дюркгейм проанализировал, как история среднего и высшего образования была отмечена рядом изменений, возникших в результате новых политических и экономических тенденций со времен средневековья. Они были сформированы развитием новых отношений и потребностей. Дюркгейм предположил, что образовательные реформы отражали общий культурный контекст и иллюстрировали то, как школа удовлетворяет возникающие потребности, которые еще не институционализированы в обществе в целом. Социолог пытался объяснить, каким образом учебные предметы, составляющие содержание образования, в любой момент времени порождают “категории мышления”, которые таким образом формируют коллективные представления общества.

Современное (для Дюркгейма) общество все больше основывалось на индустриализации всех областей жизни под влиянием разделения труда. Результатом являлись повышенная дифференциация социальных ролей и специализация социальных функций. Частично проблема, связанная с этой адаптацией к новым жизненным обстоятельствам, связана с риском того, что “социальная солидарность” распадется на новую социальную стратификацию общества через возникающие кастовые системы. По мнению Дюркгейма, мы являемся свидетелями растущего неравенства в благосостоянии и качестве жизни, а также с точки зрения свободы действий индивида в обществе.

В социологии образования Дюркгейм исследовал три основных вопроса:

- 1) определение того, как система обучения может выполнять функцию сохранения социальной системы, в то же время вводя социальные изменения;
- 2) изучение того, как педагогические “практики” могут соединяться как с формальными, так и неформальными институтами, проявляемыми обществом, и установление их отношений с идеями, скрытыми в школьной системе;
- 3) анализ педагогических моделей, которые можно использовать для обучения учеников для приобщения “к другим” (концепция социальной солидарности) наряду с совокупностью учебных знаний.

Именно через социологический подход Эмиль Дюркгейм определяет функции образования. Он подошел к этому, связав функционирование любого общества с точки зрения механизмов “интеграции” (желания “жить вместе”) и механизмов “регулирования” (подчинения общественным нормам).

Размышляя о «педагогических средствах» образования, Дюркгейм выделил учителя как личность и изложил это как базовый пункт рассуждений наряду с пониманием учителей как представителей профессии и социальной группы. Он устанавливает, что любые изменения в системе образования должны поощряться, прежде всего, учителями, чтобы реагировать на возникающие социальные потребности, а также на потребности, специфичные для системы образования.

В книге “Педагогика и социология” [5], впервые опубликованной в 1922 г., социолог писал: “Идеал не может быть определен; это должны понимать, ценить и желать все те, кто обязан это осознать”. Результат процесса обучения в формальном образовании во многом зависит от отношения учителя к своим ученикам. Таким образом, педагогические модели должны основываться на понимании психологии, которое помогает нам понять, что ребенок не является ни эгоистичным, ни альтруистическим, но естественным образом вступает в общение с другими. Это качество учитель должен знать, как использовать. Учителя также должны иметь представление о том, как отдельные люди в сочетании с другими (группой) спонтанно развивают коллективную

психику. Знание групповой психологии имеет особое значение. Класс – это общество в миниатюре, а не просто совокупность людей, которые независимы друг от друга. Дети в классе думают, чувствуют и ведут себя не так, как дома. В классовой или групповой ситуации будут явления заражения, деморализации, взаимного возбуждения и здорового недовольства. Эти явления должны быть поняты и идентифицированы, чтобы их можно было предотвратить, противопоставить или использовать для конструктивных целей [5, с. 11–13]. Учитель должен обладать глубоким чувством своей миссии, чтобы вызывать в учениках особую форму уважения. Через слова и жесты великие моральные идеи своего времени и своей страны, представителем которых являются учителя, могут передаваться из их собственного сознания в сознание ребенка; поэтому эти слова и эти жесты должны быть поняты учителем с учетом этой самой цели [5, с. 32–34]. То есть, Дюркгейм связывает отношения учителя и ученика как не отличающиеся от отношений между гипнотизером и загипнотизированным человеком. В этом он подчеркивает обоюдоострый характер отношений и потенциальные опасности.

Далее Дюркгейм исследует влияние того, что он называет “школьной средой”, оказывающей влияние на социальное и гражданское воспитание ученика; и как важно для учителя найти баланс между бесцельной вседозволенностью и собственным злоупотреблением властью. Он объясняет школьную среду как классную комнату и учреждение, в котором она находится. Он видел это как ассоциацию, которая более обширна, чем семья, и менее абстрактна, чем гражданское общество. По его словам, ученик развивает общую привычку жизни в классе, привязанность к этому классу и даже к школе, частью которой является класс. Естественная способность к эмпатии у ребенка заключается в том, чтобы использовать его, и это вытекает из его потребности связать свое существование с существованием других. Именно благодаря этой способности сочувствия легко научить их любить коллективную жизнь и обрести чувство места в группе. Дюркгейм выражает это так: “Момент, уникальный момент времени, в который можно оказать влияние на ребенка, который ничто не может заменить ... Вся проблема состоит в том, чтобы воспользоваться преимуществом этой ассоциации, которой обязаны быть дети в одном классе, чтобы дать им нравится жить в более широкой, более безличной группе, чем та, к которой они привыкли. Так получилось, что это ни в коем случае не является непреодолимой трудностью, ведь на самом деле нет ничего более приятного, чем коллективная жизнь. ... Что нужно сделать, так это научить ребенка наслаждаться этим удовольствием и заставлять его испытывать потребность в нем” [5, с. 307]. Чтобы достичь этого, класс должен действительно функционировать как группа. Часть роли учителя состоит в том, чтобы направлять класс как группу, принимая во внимание коллективную жизнь, которая спонтанно формируется в нем. Учитель должен стремиться к тому, чтобы приумножить обстоятельства, при которых может происходить свободное развитие общих идей и настроений, выявить идеи и отношения и координировать их. Они также играют роль в предотвращении выражения “дурных чувств”, а также в поощрении и усилении выражений каждого из людей. Учитель должен следить за всем, что может заставить всех детей в одном классе почувствовать свое единство в общем предприятии.

Однако чувство дисциплины, введенное в школе, не должно восприниматься как подчинение деспотической власти. Индивидуалистический идеал, на котором основан принцип свободы воли, требует, чтобы ученик не подвергался насилию или, по крайней мере, учитель контролировал определенный тип насилия, которому Дюркгейм приписывал отношения учителя и ученика.

Дюркгейм выступал против идей гуманистических педагогов своего времени, которые, как и Л. Толстой, описывая свой опыт в Ясной Поляне, утверждали, что “права

на образование не существует”, и что школа должна оставлять ученикам полную свободу учиться и отрабатывать вещи между собой, как они считают нужным [5, с. 315]. Проблема, с которой сталкивается учитель, заключается не в том, чтобы скрывать эти властные отношения посредством вседозволенности, а в том, чтобы полностью осознавать присущее ему насилие и уметь его контролировать.

В индустриальном обществе, современником которого был Дюркгейм, социализация ребенка должна включать обучение как с точки зрения интеграции, так и контроля, с особым вниманием к его личной автономии. Необходимый контроль над эгоистичными и антиобщественными побуждениями должен быть соотнесен с групповым обучением, чтобы стимулировать у ребенка чувство общественной жизни, обеспечивая при этом возможность для ученика быть творческим человеком. Таким образом, “элементы морали” предназначены для определения целей, поставленных перед образованием, – обучение “чувству дисциплины”, “привязанности к группам” и “свободы воли”.

Таким образом, дискуссия Дюркгейма об опасности “злоупотребления властью” переплетается с тем фактом, что педагогические отношения – это отношение к знаниям. Между учителями и учениками существует такое же неравенство, как между двумя группами населения с неравной культурой. И все же по самой своей природе школа сближает их и устанавливает постоянный контакт друг с другом. “Когда человек постоянно находится в контакте с людьми, для которых он морально и интеллектуально превосходит себя, как он может не иметь раздутого мнения о себе, которое отражается в его движениях, отношениях и языке?... Поэтому в самих обстоятельствах школьной жизни есть что-то, что способствует насильственной дисциплине” [6].

Его обширный исторический обзор образовательных тенденций во Франции [4] показывает, как передаваемые знания частично определяются структурой данного общества, а также философскими принципами, лежащими в основе всех отраслей обучения в данный период. “Наша цель должна состоять в том, чтобы сделать каждого из наших учеников не полным ученым, а совершенным разумным существом. (...) Сегодня мы должны оставаться картезианцами в том смысле, что мы должны обучать рационалистов, иными словами, людей, которые стремятся к ясному мышлению, но рационалистов нового типа, которые знают, что все вещи, будь то человеческие или физические, являются с неуменьшающейся сложностью, и тем не менее, кто знает, как справиться с этой сложностью, не дрогнув [4].

Противоречия, присущие взглядам Дюркгейма на образование, заключаются в том, что образование не является простым делом и не может быть подвергнуто редукционизму. Образование должно не только знакомить учеников с основными литературными и художественными произведениями прошлого, но и “передавать ощущение неснижаемого разнообразия человечества”, чтобы раскрыть универсальность и плодотворность человеческой природы. Он предполагает, что мы должны “проникнуться идеей, что мы сами не знаем”, и что в нас есть “скрытые глубины, в которых есть скрытые, неожиданные возможности, чьи характеристики или природа должны быть раскрыты”. Кроме того, некоторые исследователи критикуют Дюркгейма за то, что его образовательные взгляды и идеи применимы лишь к истории образования во Франции, современником которого был автор.

Сам Дюркгейм, понимая недостаток исключительно социологического взгляда, выдвигает идею, что если социология все еще слишком элементарна, чтобы преподавать в школе, история может дать компенсацию, давая ученикам ощущение зависимости одного поколения от предыдущих поколений, преемственности человечества в процессе изменения обществ и роли коллективного сознания или сознания в обществе.

Таким образом, Дюркгейм рассматривал образование и педагогику с точки зрения социолога. С этой точки зрения, школа является масштабной моделью, в которой как социальные отношения, так и отношения людей с обществом опосредуются через отношения учителя и ученика; и, через отношение к знаниям.

По мнению Дюркгейма, педагог должен быть мотивирован желанием внести свой вклад в изменения, ведущие к большей социальной солидарности и продвижению “великих моральных идей” [6], которые являются тождественными индивидуалистских и демократических ценностей. Таким образом, учитель будущего – это тот, кто имеет данное желание и сумеет его реализовать.

Заключение

Работы Дюркгейма в области социологии образования породили научный подход как к социальным функциям образования так и к социальным фактам. Это привело к появлению большого количества литературы, посвященной изучению взаимоотношений между школой и обществом, неравных возможностей и изучению социальных функций образования. Так, теория функционализма, одним из основоположников которой также считается Эмиль Дюркгейм, фокусируется на способах, которыми образование служит потребностям общества. Функционалисты начали рассматривать образование в его явной роли (функции): передача базовых знаний и навыков следующему поколению. Таким образом, Дюркгейм определил скрытую роль образования как один из механизмов социализации людей в “основной поток общества”. Это “моральное образование”, как он назвал, помогло сформировать более сплоченную социальную структуру, объединяя людей из разных слоев общества.

Функционалисты указывают на другие скрытые роли образования, такие как передача основных ценностей и социальный контроль. Основные ценности в системе образования отражают те характеристики, которые поддерживают политические и экономические системы, которые изначально стимулировали развитие образования.

Во Франции взгляды Пьера Бурдьё и Жан-Клода Пассерона в их книге “Воспроизводство” в некотором смысле восходят к дюркгеймовским концепциям, когда они ссылаются, например, на социальную функцию образования (“воспроизводство” социальной системы) или механизм социализации (“символическое” насилие). Эмиль Дюркгейм подчеркивал, что класс, школьная среда и отношение учителя являются жизненно важными факторами, которые необходимо учитывать в процессе обучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бабосов, Е. М.** Социология образования / Е. М. Бабосов // Энциклопедия социологии / под ред. А. А. Грицанова. – Минск, 2003. – 1312 с.
2. **Курилович, Н. В.** Становление и развитие социологии образования / Н. В. Курилович // Кафедре социологии БГУ – 20 лет : сборник научных трудов / под науч. ред. А. Н. Данилова, А. Н. Елсукова, Д. К. Безнюка; Белгосуниверситет. – Минск : Право и экономика, 2009. – С. 318–327.
3. **Горбунова, Е. М.** Дюркгейм и современное образование / Е. М. Горбунова // Социологическое обозрение. – Т. 2, № 4. – 2002. – С. 65–71.
4. **Émile Durkheim.** L'évolution pédagogique en France Cours pour les candidats à l'Agrégation prononcé en 1904–1905., Paris 1938. – Режим доступа: https://opensciencessociales.github.io/evolution_pedagogique/. – Дата доступа: 08.04.2019.
5. **Дюркгейм, Э.** Педагогика и социология. – Режим доступа: http://classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/education_socio/education_socio. – Дата доступа: 01.04.2019; в русском переводе – Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. А. Б. Гофман. – 4-е изд., испр. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 307 с. – С. 273–288.

5. *Emile Durkheim*. Prospects: the quarterly review of comparative education (Paris, UNESCO: International Bureau of Education), vol. 23, no.1/2, 1993, p. 303–320.
6. *Дюркгейм, Э.* Моральное образование. Режим доступа: http://classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/education_morale/education_morale. Дата доступа: 01.04.2019; в русском переводе Дюркгейм, Э. Моральное воспитание (Лекции 2-7) (начало) (вступит. ст. и пер. с франц. А.Б. Гофмана) // Личность. Культура. Общество. – 2018. – Т. 20, № 3–4 (99–100). – С. 68–88.

Поступила в редакцию 17.06.2019 г.

Контакты: voronenkoai@mail.ru (Вороненко Александр Иванович)

Voronenko A. EMILE DURKHEIM AS FOUNDER OF SOCIOLOGY OF EDUCATION.

The article presents the main ideas of the French sociologist Emile Durkheim, the founder of sociology of education. It analyzes the work of the scientist in the field of this special sociological theory. Durkheim's key ideas are revealed, their role and importance for modern sociology of education and pedagogical disciplines are highlighted.

Keywords: sociology of education, education system, educational reform, social solidarity, industrial society, morality, moral education, school environment, pedagogy.

УДК 347.254(476)

ВЫСЕЛЕНИЕ ГРАЖДАН ИЗ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА

В. Н. Бураков

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья содержит анализ нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, касающиеся выселения граждан из жилых помещений государственного фонда. Раскрыты основания и правовой механизм выселения без предоставления другого жилого помещения при прекращении (расторжении) договора найма жилого помещения.

Ключевые слова: выселение граждан из жилых помещений, жилое помещение коммерческого использования, жилое помещение в общежитии, жилое помещение социального пользования, специальное жилое помещение, договор найма жилого помещения.

Введение

Институт выселения граждан из жилых помещений является юридически сложным и социально значимым, так как затрагивает фундаментальные права человека – право на жилище, и лишает самого необходимого – крыши над головой. Поэтому Конституция Республики Беларусь в ст. 48 гарантирует гражданам, что никто не может быть произвольно лишен жилья. С целью обеспечения государственных гарантий права на жилище национальное законодательство предусматривает выселение в судебном порядке или в административном порядке по постановлению прокурора, что обеспечивает законность данной процедуры, при которой прекращается жилищное правоотношение. Особое внимание уделяется рассмотрению дел о выселении без предоставления жилого помещения.

За первое полугодие 2018 г. судами общей юрисдикции Республики Беларусь рассмотрено 87 дел о выселении с предоставлением другого жилого помещения (из них 70 – с удовлетворением иска); 1784 дела о выселении без предоставления другого жилого помещения (из них 1570 – с удовлетворением иска); 805 дел о расторжении договора найма жилого помещения (из них 717 – с удовлетворением иска) [1].

Основная часть

Для обеспечения конституционного принципа о недопустимости произвольного лишения жилья Жилищный кодекс Республики Беларусь (далее – ЖК) устанавливает общие положения о выселении граждан, которые содержат три основных требования. В соответствии со ст. 84 ЖК гражданам, выселяемым из жилых помещений, первое – одновременно предоставляется другое жилое помещение; второе – оно должно находиться в пределах данного населенного пункта или территории сельсовета [2]. Третье требование вытекает из других норм жилищного законодательства – предоставляемое жилье должно соответствовать установленным для проживания санитарным и техническим требованиям. Таким образом, государство гарантирует право граждан на жилище и декларирует принцип обеспечения другим жильем в случае выселения.

Жилищное законодательство Республики Беларусь допускает случаи выселения без предоставления другого жилого помещения, но только по основаниям, предусмо-

тренным законодательными актами. При этом неотъемлемым требованием выступает судебный порядок выселения и требование собственника жилого помещения. Основной перечень оснований для выселения без предоставления другого жилья определен ст. 85 ЖК – это в отношении граждан, самоуправно занявших жилое помещение; граждан, в случае прекращения опеки (попечительства); члены, бывшие члены семьи собственника, наниматель и члены его семьи за нарушение правил пользования жилыми помещениями, содержания жилых и вспомогательных помещений; члены и бывшие члены семьи собственника, нанимателя в случае, предусмотренном письменным соглашением о порядке пользования жилым помещением; при прекращении либо расторжении договора найма (поднайма) жилого помещения; в иных случаях, предусмотренных законодательством.

При анализе действующего жилищного законодательства, следует отнести к этим иным случаям следующие основания:

- выселение из жилых помещений, находящихся в залоге у банка (ст. 87 ЖК);
- выселение по требованию собственника бывших членов его семьи (ст. 95 ЖК);
- выселение собственника жилого помещения в случае выбора им денежной компенсации за принадлежащее ему жилое помещение, если это жилое помещение вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма перестало соответствовать установленным для проживания санитарным и техническим требованиям либо, если жилое помещение подлежит сносу в связи с изъятием земельного участка для государственных нужд (ч. 1 п. 3 ст. 88, ст. 158 ЖК) [3, с. 175–176].

В статье мы более подробно рассмотрим выселение граждан из жилых помещений государственного фонда. На 1 января 2018 г. удельный вес государственного жилья составил 5,8% от всего жилищного фонда. Несмотря на незначительную долю, оно выполняет важную функцию государства с социально ориентированной экономикой, в котором граждане, нуждающиеся в социальной защите, обеспечиваются жильем, и оказывается поддержка в приобретении жилья иным гражданам, нуждающимся в улучшении жилищных условий.

В соответствии со ст. 10 ЖК государственный фонд включает в себя специальные жилые помещения, жилые помещения социального пользования, жилые помещения коммерческого использования и жилые помещения в общежитиях. Они предоставляются гражданам на условиях соответствующего договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда, на основании которого возникает право владения и пользования жилым помещением. Расторжение либо прекращение договора найма влечет выселение нанимателя и членов его семьи.

Рассмотрим основания для выселения и его последствия из специальных жилых помещений. Они предоставляются по договору найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда, типовая форма которого утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь 24.09.2008 г. № 1408 [4]. Требование заключения договора относится к таким видам специальных жилых помещений, как в зданиях органов государственной безопасности, Государственного комитета судебных экспертиз, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, маневренного фонда, жилые помещения, предназначенные для временного проживания иностранцев, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь и др. (за исключением случаев предоставления жилых помещений в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, домах-интернатах для детей-инвалидов, детских интернатных учреждениях и детских домах семейного типа).

В соответствии со ст. 122 ЖК договор найма специального жилого помещения является срочным, который подлежит прекращению (расторжению) в связи с утратой оснований для проживания в данной квартире или комнате. Наниматель и члены его семьи обязаны освободить жилое помещение, а в случае отказа, выселяются в судебном порядке.

Следует отметить, что выселение из специального жилого помещения осуществляется без предоставления другого жилья. Законодатель предполагает, что наниматель возвращается в свое прежнее жилое помещение. В частности, родители-воспитатели детского дома семейного типа в случаях прекращения (расторжения) трудового договора или договора об условиях воспитания и содержания детей, подлежат выселению без предоставления другого жилого помещения. Оно может быть предоставлено в случае, если родители-воспитатели ранее имели во владении и пользовании жилые помещения государственного фонда и освободили их в связи с переселением (ст. 94 ЖК).

Тот же принцип выселения относится и к работникам дипломатического представительства и консульского учреждения Республики Беларусь. При завершении работы бывший сотрудник, которому было предоставлено специальное жилое помещение Министерства иностранных дел, обязан освободить его не позднее дня, следующего за днем увольнения.

Специальные жилые помещения, предназначенные для проживания работников органов государственной безопасности, подразделений по чрезвычайным ситуациям, Государственного комитета судебных экспертиз предоставляются на срок служебных (трудовых) отношений, при отсутствии у них в собственности и (или) владении, и пользовании жилых помещений в данном населенном пункте. При прекращении (расторжении) договора найма жилого помещения наниматель и члены его семьи подлежат выселению без предоставления другого жилого помещения.

Выселение граждан из специальных жилых помещений маневренного фонда имеет схожие принципы. Эти жилые помещения предназначены для временного проживания в связи с отселением граждан из домов, подлежащих капитальному ремонту или реконструкции; из жилых помещений, которые стали непригодными вследствие пожаров, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма. Механизм предоставления специальных жилых помещений предполагает заключение срочного договора найма на время ремонта либо реконструкции или до прекращения оснований, по которым оно было предоставлено. При прекращении договора найма граждане обязаны освободить жилые помещения маневренного фонда, а при их отказе – выселение производится в судебном порядке. Выселяемым гражданам на период капитального ремонта или реконструкции предоставляются их прежние жилые помещения. Выселение нанимателей, которым специальное жилое помещение было предоставлено в связи с чрезвычайной ситуацией природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма, осуществляется после улучшения ими жилищных условий. Для этого законодательство предусматривает постановку их на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий с правом получения жилого помещения социального пользования (п.п. 1.1. п. 1 ст. 111 ЖК).

Выселение из специальных жилых помещений, предоставленных для временного отселения граждан в безопасные районы в связи с введением военного либо чрезвычайного положения осуществляется без предоставления другого жилья, так как с нанимателем договор найма занимаемого ранее жилого помещения не расторгается.

Таким образом, выселение из специальных жилых помещений государственного жилищного фонда осуществляется без предоставления другого жилого помещения. Исключение составляют дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей,

граждане, проживающие в специальных жилых помещениях домов-интернатов для престарелых и инвалидов, которые не располагают размером установленного законодательством совокупным доходом, признанные дееспособными или которым установлена III группа инвалидности – они подлежат выселению с правом на получение жилого помещения социального пользования (п. 1.3, 1.13 ст. 111 ЖК).

Жилые помещения социального пользования государственного фонда также выполняют важную социальную функцию и предназначены для обеспечения квартирами граждан, не способных самостоятельно улучшить жилищные условия. В 2017 г. в Республике Беларусь насчитывалось 23,4 тыс. квартир общей жилой площадью 1 млн 131,6 тыс. м кв. [5]. Социальное жилье предоставляется гражданам, состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, категории которых определены ст. 111 ЖК. К ним относятся неработающие одинокие инвалиды I и II группы, неработающие одинокие пенсионеры, ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей и др.

Жилые помещения социального пользования предоставляются без взимания платы за пользование на условиях соответствующего договора найма. Выселение из социального жилья предусмотрено без предоставления другого жилого помещения в случае выезда либо смерти нанимателя в отношении совершеннолетних членов его семьи, если они обеспечены в данном населенном пункте другим жилым помещением в соответствии с установленной законодательством нормой (15 м кв. и более общей жилой площади на одного человека, а в г. Минске – 10 и более м кв.).

При отсутствии во владении и пользовании другого жилого помещения с одним из совершеннолетних членов семьи заключается договор найма жилого помещения сроком до 10 лет с правом внеочередного улучшения жилищных условий путем строительства или приобретения жилья с государственной поддержкой в виде льготного долгосрочного кредита. По истечении срока данного договора жилое помещение социального пользования подлежит включению в состав жилых помещений коммерческого использования (п. 69 Указа Президента Республики Беларусь № 563 “О некоторых вопросах правового регулирования жилищных отношений” (далее – Указ № 563)) [6].

Также выселение без предоставления другого жилого помещения предусмотрено в отношении нанимателей жилья социального пользования, взявших на воспитание в опекунскую или приемную семью троих и более детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, в случае прекращения исполнения обязанностей опекунов (попечителей) в отношении указанных детей. Если данное лицо ранее пользовалось жилым помещением государственного фонда, при выселении ему предоставляется другое жилое помещение на условиях вида и срока ранее заключенного договора.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, имеют право пользования жилым помещением социального пользования на условиях соответствующего договора найма жилого помещения, заключенного на срок до 5 лет. Одновременно им предоставляется внеочередное право получения государственной поддержки в виде льготного долгосрочного кредита для приобретения либо строительства жилья (п. 67-1 Указа № 563) [6]. По истечении данного срока жилое помещение социального пользования подлежит включению в состав жилых помещений коммерческого использования на условиях соответствующего договора найма.

Жилые помещения коммерческого использования государственного жилищного фонда могут быть предоставлены гражданам, как состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, так и не состоящим на таком учете. Арендное жилье передается на основании соответствующего договора найма жилого помещения, типовая форма которого утверждена постановлением Совета Министров Республики

Беларусь 31.12.2014 г. № 1297 [7]. Договор найма является срочным и может быть заключен на срок до 5 лет или на срок трудовых (служебных) отношений, в случае предоставления арендного жилья в связи с характером трудовых (служебных) отношений на основании индивидуальных ходатайств государственных органов и организаций.

По истечении срока действия договора найма жилого помещения коммерческого использования, если он не подлежит заключению на новый срок, а также при задолженности по внесению платы за пользование жилым помещением и за жилищно-коммунальные услуги наниматель и члены его семьи подлежат выселению без предоставления другого жилого помещения.

Принцип выселения без предоставления другого жилого помещения распространяется на лиц, которым арендное жилье предоставлено в связи с характером трудовых (служебных) отношений, которые прекратили трудовые отношения с организацией, предоставившей или ходатайствовавшей о предоставлении работнику такого жилья (п. 92 Указа № 563). Еще одним основанием для расторжения договора найма и выселения без предоставления другого жилого помещения является факт, когда наниматель арендного жилья, предоставленного по договору найма на период трудовых (служебных) отношений, – в период действия договора найма получил во владение и пользование или приобрел в собственность в данном населенном пункте жилое помещение общей площадью 15 м кв. и более на одного человека (для г. Минска – 10 м кв. и более) (п. 92 указа № 563).

Следует отметить, что граждане, состоящие на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, которым предоставлено арендное жилье, снимаются с данного учета как улучшившие свои жилищные условия (за исключением граждан, которым арендное жилье предоставлено на период трудовых (служебных) отношений). Таким образом, при прекращении (расторжении) договора найма эти граждане оказываются в сложной жизненной ситуации, что, на наш взгляд, требует дальнейшего совершенствования жилищного законодательства с целью сохранения за ними права состоять на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Жилое помещение государственного фонда в общежитии предназначено для предоставления нуждающимся в жилье гражданам на период их работы (службы), учебы, прохождения клинической ординатуры, спортивной подготовки. Оно передается гражданам на основании соответствующего договора найма жилого помещения, типовая форма которого утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь 5.04.2013 г. № 269 [8]. В соответствии с п. 61 указанного постановления наниматели жилых помещений в общежитии, которым оно было предоставлено на период трудовых отношений или обучения, в случае прекращения трудовых или образовательных отношений с организацией-наймодателем обязаны освободить жилое помещение, а в случае отказа подлежат выселению в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения.

Следует обратить внимание на положения п. 4 ст. 221 ЖК, которые гарантируют принцип выселения граждан только с предоставлением другого жилого помещения, которым жилое помещение в общежитии предоставлено до вступления в силу действующего Жилищного кодекса. К таким категориям граждан относятся лица, получившие инвалидность при исполнении производственных или служебных обязанностей; отдельные категории граждан в соответствии с законом Республики Беларусь “О ветеранах”; проработавшие в организации, предоставившей общежитие, не менее 10 лет; уволенные в связи с ликвидацией организации или сокращением; инвалиды I или II группы; проживающие с несовершеннолетними детьми; инвалиды и лица, заболевшие и перенесшие лучевую болезнь, вызванную последствиями катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий.

Предшествующей стадией для выселения нанимателя и членов его семьи из жилого помещения государственного фонда является прекращение либо расторжение соответствующего договора найма жилого помещения. В случае принятия решения о расторжении договора найма по инициативе наймодателя он обязан предупредить в письменной форме о принятом решении нанимателя за 1 месяц. По истечении указанного срока наниматель и члены его семьи обязаны освободить жилое помещение в течение 3 суток, не освободившие подлежат выселению в судебном порядке. При выселении оформляется акт о приеме-передаче жилого помещения, который составляется сторонами договора найма жилого помещения. В данном акте указываются: сведения о сторонах договора найма жилого помещения; адрес жилого помещения; его характеристика и сведения о состоянии на момент его передачи наймодателю.

Заключение

Таким образом, одним из положений конституционного права граждан на жилище является принцип, что никто не может быть произвольно лишен жилья. Это фундаментальное право раскрывается общим положением о выселении – предоставление другого жилья, соответствующего типовым потребительским качествам. Особое значение институт выселения имеет в государственном жилищном фонде, так как его жилые помещения предназначены для граждан, которые не имеют в собственности и (или) во владении и пользовании другого жилья и нуждаются в государственной поддержке улучшения своих жилищных условий.

Вместе с тем, при анализе жилищного законодательства можно сделать вывод, что практическим принципом выселения граждан из жилых помещений государственного фонда является, как правило, условие – без предоставления другого жилого помещения. Это не противоречит конституционному принципу права граждан на жилище, так как квартиры и комнаты государственного фонда предоставляются при отсутствии жилья в данном населенном пункте, а договор найма жилого помещения является срочным. Гражданам, нуждающимся в социальной защите, предоставляются жилые помещения социального пользования в соответствии с законодательством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 1-е полугодие 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/justice_RB/statistics. – Дата доступа: 8.01.2019.
2. Жилищный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 28 авг. 2012 г., № 428-З : принят Палатой представителей 31 мая 2012 г. : одобр. Советом Респ. 22 июня 2012 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.11.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. **Трамбачева, Т. Д.** Жилищное право : курс лекций : в 2 ч. / Т. Д. Трамбачева, В. Н. Бураков. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – Ч. 1. – 232 с.
4. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. № 292 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 сент. 2008 г., № 1408 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Жилье социального пользования в составе жилищного фонда по областям и г. Минску [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/zhilischnye-usloviya/godovye-dannye_4/zhile-sotsialnogo-polzovaniya-v-sostave-zhilischnogo-fonda-po-oblastyam-i-g-minsku. – Дата доступа: 8.01.2019.
6. О некоторых вопросах правового регулирования жилищных отношений [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 дек. 2013 г., № 563 // ЭТАЛОН. Законода-

тельство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. О некоторых вопросах предоставления жилого помещения коммерческого использования государственного жилищного фонда [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2014 г., № 1297 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Об утверждении Положения об общежитиях и типового договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда в общежитии и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 апр. 2013 г., № 269 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Поступила в редакцию 21.01.2019 г.

Контакты: burakov@msu.by (Бураков Виктор Николаевич)

Burakov V. EVICTION OF CITIZENS FROM RESIDENTIAL PROPERTY OF PUBLIC SECTOR HOUSING.

The article provides the analysis of normative legal acts that regulate public relations concerning the eviction of citizens from the residential property of public sector housing. The grounds and legal mechanism of eviction without the provision of other residential premises upon the termination of residential lease agreement are revealed.

Keywords: eviction of citizens from residential property, residential property for commercial use, residential property in dormitories, residential property for social use, special residential property, residential lease agreement.

УДК 343.985.7:343.343.3

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ХУЛИГАНСТВЕ, СОВЕРШЕННОМ ГРУППОЙ ЛИЦ

Н. С. Бушкевич

Следователь по особо важным делам
управления анализа практики и методического обеспечения
предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета
Республики Беларусь

Осмотр места происшествия является единственным следственным действием, проводимым по уголовным делам о групповом хулиганстве, которое связано с непосредственным (личным) восприятием следователем обстановки преступного события. Его тщательное проведение позволяет мысленно воссоздать механизм хулиганских действий и отобразить ценную для расследования информацию в материалах уголовного дела.

Выявление и исследование особенностей организационного, тактического и психологического характера осуществления осмотра по уголовным делам о групповом хулиганстве на современном этапе борьбы с преступностью имеет непосредственную теоретическую и практическую значимость. Специфика во многом обусловлена необходимостью его проведения в местах скопления большого количества людей в присутствии посторонних граждан (остановки общественного транспорта, транспорт, стадионы, дворовые территории домов, скверы, рестораны, кафе, магазины и т. п.), что порождает организационные и психологические трудности, а также усложняет работу по обнаружению и фиксации изменений материальной обстановки, образованных в связи с совершением хулиганства группой лиц.

Ключевые слова: хулиганство, групповое хулиганство, первоначальный этап расследования, осмотр места происшествия, безотлагательность, обстановка совершения преступления, темное время суток, личное восприятие, места скопления людей, психологический фактор, публично, квадрокоптер, криминалистическая лаборатория, типичные материальные следы.

Введение

Осмотр места происшествия представляет собой одно из наиболее значимых и трудоемких следственных действий первоначального этапа расследования хулиганства, совершенного группой лиц, независимо от складывающейся следственной ситуации. Являясь единственным процессуальным действием, связанным с непосредственным (личным) восприятием следователем обстановки преступного события и его последствий, отразившихся в материальном мире, осмотр места происшествия позволяет мысленно воссоздать картину совершенного общественно опасного деяния, представить механизм этого события и отобразить ценную для расследования информацию в материалах уголовного дела.

Общие организационные и тактические положения его проведения достаточно полно рассмотрены в криминалистической и уголовно-процессуальной литературе [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Вместе с тем изучению особенностей проведения этого трудоемкого следственного действия по уголовным делам о групповом хулиганстве, по нашему мнению, уделено недостаточно внимания. Ряд авторов, освещающих специфику расследования хулиганства, лишь указывает на необходимость его проведения и тезисно обознача-

ют задачи, которые при этом должен решить следователь, не охватывая специфику организационных и тактических особенностей осмотра места происшествия [7, с. 122–123; 8, с. 306; 9, с. 78–79; 10, с. 215; 11, с. 20–21; 12, с. 94–98].

Другие ученые полагают, что проведение осмотра места происшествия по обозначенной категории преступлений не обладает какими-либо особенностями и в целом не отличается от тактики его проведения по иным составам преступлений [13, с. 135; 14, с. 118; 15, с. 20]. Двадцатилетний опыт следственной практики автора и анализ современной правоприменительной практики не позволяют согласиться с таким подходом. Специфика хулиганства, совершенного группой лиц, способы, обстановка и место его совершения во многом определяют организационные, тактические и психологические особенности рассматриваемого следственного действия.

Лишь в учебном пособии под редакцией Л.В. Сердюка и А.Т. Тимербаева “Расследование хулиганства и его профилактика” (1989) отражены отдельные тактические особенности проведения рассматриваемого следственного действия [19, с. 26–32]. Некоторые методические рекомендации по проведению осмотра места происшествия по делам о хулиганстве, совершенном группой лиц рассмотрены в работах А.А. Кузнецова (1986, 1998) [16, с. 17–18; 17, с. 34–37].

Основная часть

Понимание стратегической важности результатов осмотра места происшествия по рассматриваемой категории преступлений и необходимости его проведения безотлагательно имеется и у большинства правоприменителей. По результатам опроса 76,27% следователей Следственного комитета Республики Беларусь настаивают на необходимости проведения осмотра места происшествия по делам обозначенной категории¹. Согласно проведенному эмпирическому исследованию осмотр места совершения хулиганских действий группой лиц осуществлялся по 61% изученных уголовных дел, из которых абсолютное большинство (93,22%) проводилось в стадии возбуждения уголовного дела, то есть до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Такое положение существенно отличается от практики проведения этого следственного действия в 60–90-е гг. прошлого века. Исследованиями различных авторов установлено, что процентное отношение проведенных осмотров места происшествия по делам о хулиганстве, в том числе совершенном группой лиц, варьировалось в то время от 11 до 16% [18, с. 26; 13, с. 132; 16, с. 17].

Вместе с тем качество его проведения на современном этапе (за последние 7 лет) осталось на достаточно низком уровне. В 60% случаев в ходе осмотра места происшествия не было обнаружено каких-либо материальных следов преступления или вещественных доказательств, в 51% выявлены различного рода недостатки в составлении протокола, неточности, влияющие на процесс доказывания, а в 31,98% случаев результаты, отраженные в протоколе осмотра, вообще не использовались следователем в дальнейшем расследовании².

Представляется, что одной из причин низкого качества проведения осмотра места происшествия по делам обозначенной категории является формальное отношение следователей к его процедуре; непонимание важности получения информации о материальных следах хулиганских действий и возможности их дальнейшего использования в доказывании вины подозреваемых (обвиняемых) и установлении обстоятельств, под-

¹ В рамках проведенного исследования было опрошено 254 следователя следственных подразделений УСК по г. Минску, Брестской, Гродненской, Минской и Могилевской областям.

² В рамках проведенного исследования было изучено более 400 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 339, 340, 341 УК Республики Беларусь, рассмотренных районными судами г. Минска, Могилева и Бреста за 2001–2007 гг., 2012–2018 гг.

лежащих доказыванию по делу; отсутствие современных рекомендаций по его проведению с учетом присущих этому преступлению особенностей и др.

Выявление и исследование особенностей организационного, тактического и психологического характера осуществления рассматриваемого следственного действия на современном этапе борьбы с преступностью имеют непосредственную теоретическую и практическую значимость.

Специфика осмотра места происшествия по делам о групповом хулиганстве во многом обусловлена необходимостью его проведения (91% случаев) в местах скопления большого количества людей, в присутствии посторонних граждан (остановки общественного транспорта, транспорт, стадионы, дворовые территории домов, скверы, рестораны, кафе, магазины и т. п.), что порождает организационные и психологические трудности, а также уменьшает шансы обнаружить и зафиксировать изменения материальной обстановки, образованные в связи с совершением хулиганства группой лиц. Чтобы понять и правильно оценить обстановку места происшествия, следовательно необходимо хорошо ориентироваться в развитии события активных хулиганских действий, совершенных группой лиц. Этому, на наш взгляд, способствует тщательная информационная подготовка самого осмотра.

Определенные сложности проведения этого следственного действия связаны с тем, что в 70% случаев осмотр приходится осуществлять в темное время суток или сумерках, что существенно затрудняет не только изучение обстановки преступных событий, но и поиск, фиксацию и изъятие материальных следов. Такой фактор позволяет выделить особенности организационного, тактического и психологического характера проведения осмотра места происшествия по делам о хулиганстве, совершенном группой лиц.

Организационные особенности его проведения имеют место преимущественно на подготовительном этапе как до выезда на место совершения общественно опасного деяния, так и по прибытии. При наличии такого негативного обстоятельства, как темное время суток, возникает необходимость заранее продумать вопрос об освещении и подготовке специальных технических средств для этих целей. Конечно, имеющиеся в настоящее время в Следственном комитете Республики Беларусь такие криминалистические возможности, как передвижная криминалистическая лаборатория, включающая в себя мощное прожекторное освещение и современные поисковые приспособления (например, нелинейный локатор, георадар, металлоискатель), во многом облегчают работу следователя, однако присутствие большого количества людей иногда затрудняет возможность их применения, например, во время футбольного матча или концерта на стадионе. В этой связи особую роль играет организация охраны места происшествия, что связано не только с присутствием посторонних, но иногда и с невозможность их быстрого удаления с места преступления. Промедление со стороны следователя очерчивания границ осмотра и неприятие своевременных мер по удалению с места предполагаемого осмотра посторонних лиц может привести к уничтожения следов, что недопустимо. От организаторских способностей следователя и слаженности работы следственно-оперативной группы зависит сохранность материальной обстановки места совершения групповых хулиганских действий.

Так как более чем в 90% случаев рассматриваемые преступления сопровождались причинением потерпевшим телесных повреждений, одной из задач, стоящих перед следователем, является организация оказания квалифицированной медицинской помощи, а в случае необходимости – вызова работников медицинских учреждений.

Тактические особенности осмотра места совершения прежде всего заключаются в необходимости привлечения к процедуре его проведения самих потерпевших,

если состояние их здоровья позволяет участвовать в следственном действии. Такая необходимость возникает в связи с тем, что их пояснения относительно события преступления могут сыграть определенную роль в определении границ осмотра, поиске и обнаружении материальных следов преступления и вещественных доказательств. Обусловливается такая тактическая необходимость еще и тем, что для хулиганства, совершенного группой лиц, характерна динамичность обстановки на месте их совершения, а потерпевший может детализировать действия преступников, привязывая их к конкретным местам и ориентирам, что в значительной степени облегчит поиск следов. Участие потерпевших позволяет провести осмотр места происшествия целенаправленно, акцентируя внимание лишь на обстоятельствах, непосредственно относящихся к делу [19, с. 18; 20, с. 42].

Существенную помощь в осмотре места совершения хулиганства группой лиц оказывают следователю специалисты, в качестве которых в большинстве случаев выступают эксперты Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. К их содействию по делам рассматриваемой категории следователи прибегают в 90% случаев. В частности, специалисты помогают при изучении и фиксации окружающей обстановки, обнаружении, закреплении, изъятии и упаковке материальных следов и других вещественных доказательств, отборе объектов для сравнительного исследования, описании следов в протоколе осмотра, применении технических средств в ходе осмотра и т. д. Стоит отметить и современные возможности использования (как правило, в светлое время суток) для осмотров открытых местностей (например, стадионов, площадей, полей при массовых драках) квадрокоптеров, позволяющих фиксировать обстановку совершения преступления в 3D-формате. В таких случаях в роли привлекаемых специалистов выступают следователи криминалистических подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, которые являются операторами квадрокоптеров.

Одним из значимых тактических условий качественного проведения осмотра места происшествия по делам о хулиганстве, совершенном группой лиц, является его планомерность [21, с. 31–32]. Следователю необходимо четко представлять последовательность своих действий с учетом обстановки его проведения (общественное место, темное время суток и т. д.) и возможности использования технических средств.

В качестве одной из особенностей проведения рассматриваемого следственного действия по делам о групповом хулиганстве является сложность определения границ осмотра. Связано это прежде всего с тем, что в 80% случаев его объектом является участок местности (например, площадь, улица, дворовая территория, стадион и т. д.), а также с характером хулиганских действий, которые зачастую совершаются с динамичным передвижением с места на место.

В тех случаях, когда лица, совершившие хулиганские действия, не установлены, для осмотра места происшествия целесообразно привлечь кинолога со служебно-розыскной собакой. Благодаря этому увеличивается возможность установления направления сокрытия преступников и организации их преследования по горячим следам. При этом следует учитывать время сохранения запаховых следов.

Для преодоления неблагоприятных условий осмотра (темное время суток) на открытой местности в качестве источников освещения целесообразно использовать по возможности передвижную криминалистическую лабораторию или фары автомобилей, специальные фонари. Их применение способствует повышению эффективности поисковой деятельности следователя по обнаружению материальных следов преступления и вещественных доказательств.

Анализ правоприменительной практики показывает, что к наиболее типичным материальным следам хулиганства, совершенного группой лиц относятся следы био-

логического происхождения (кровь, слюна, волосы, запаховые следы и др.) – 20%, микрообъекты (частицы волокон тканей, металла, стекла, грунта и т. д.) – 7%, а также следы обуви – 5%, рук – 7%. В криминалистической литературе достаточно широко рассмотрены особенности обнаружения, фиксации, изъятия и использования описанных материальных следов [22, с. 35–41; 23, с. 12–38; 24, с. 21–64]. В связи с чем нет необходимости останавливаться на специфике работы с ними в ходе осмотра места происшествия.

Особую тактическую роль в расследовании дел обозначенной категории играет фиксация хода и результатов осмотра. Связано это, прежде всего, с тем, что “имея под рукой” видеофайл или таблицу с фотоснимками, отображающими реальную материальную обстановку или схему места преступления (в том числе, изготовленную с помощью интернет-ресурса Google maps), следователь может более качественно подойти к подготовке таких, не менее важных на начальном этапе расследования, следственных действий как допрос потерпевших, свидетелей и подозреваемых. Ориентирование в обстановке преступного события, расположенных в ней объектов способствует постановке следователем уточняющих вопросов таким образом, чтобы детализация показаний допрашиваемых лиц была максимальной. Кроме того, результаты осмотра могут быть предъявлены допрашиваемому для схематического указания механизма совершения хулиганских действий, передвижения потерпевших и подозреваемых и т. д.

Науке известны три способа фиксации хода и результатов осмотра места происшествия – составление протокола; выполнение чертежей, планов и схем, изготовление слепков и оттисков следов; фотографирование (звуко-, видеозапись) [20, с. 60–71; 25, с. 13; 26]. Особое значение при осмотре места совершения хулиганских действий группой лиц отводится фиксации с использованием современной цифровой фото- и видеозаписи. Существующие в настоящее время возможности технических средств позволяют максимально качественно фиксировать обстановку места совершения хулиганских действий, расположение материальных следов и вещественных доказательств. По изученным уголовным делам в 70% случаев проведения осмотра места происшествия имелись фототаблицы, схемы и планы.

С учетом приведенных выше особенностей осмотра по делам о хулиганстве, совершенном группой лиц, следователю необходимо действовать достаточно быстро, чтобы избежать утраты материальных следов и вещественных доказательств, а также изменения обстановки. В связи с этим у субъекта осмотра места происшествия возникает повышенное чувство ответственности. В таких ситуациях некоторым из них присуще излишнее волнение, растерянность и поспешность. Осмотр места происшествия непосредственно связан не только с восприятием следователем обстановки, в которой он осуществляется, но и с мыслительной деятельностью, заключающейся в постановке и решении вопросов, касающихся как непосредственно этого следственного действия, так всего расследования в целом. Осмотр по делам обозначенной категории осуществляется публично, то есть в присутствии посторонних граждан. В связи с этим для его качественного проведения следователю необходимо обладать такими качествами, как умение сосредоточиться, концентрировать и переключать внимание, руководить действиями других участников осмотра и др.

Характерной особенностью рассматриваемого следственного действия является еще и то, что от результативности его проведения зависит не только получение доказательственной информации, но и необходимая оперативность в расследовании.

Основываясь на сведениях, полученных при проведении осмотра места происшествия, а также на личном представлении о том месте, где совершены хулиганские действия группой лиц, следователь становится более подготовленным к проведению

иных следственных действий (к примеру, допросов и очных ставок), у него появляется возможность детализации показаний участников предварительного расследования. В противном случае может сложиться отвлеченное представление об особенностях обстановки преступления, что не даст возможности выстроить мысленную модель совершенного противоправного деяния и определить направление расследования.

В тех случаях, когда расследование уголовных дел о хулиганстве, совершенном группой лиц, передается от одного следователя другому, рекомендуется каждому из них выехать на место совершения преступления для проведения повторного осмотра, чтобы воочию убедиться в обстановке и расположении различных объектов.

Заключение

Таким образом, осмотр места происшествия по уголовным делам о хулиганстве, совершенном группой лиц, обладает рядом особенностей организационного, тактического и психологического характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Дулов, А. В.** Проблемы организации осмотра места происшествия / А. В. Дулов, И. С. Андреев // Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти : пособие для следователей / И. С. Андреев [и др.] ; под ред. А. В. Дулова, Н. И. Порубова. – Минск, 1995. – Гл. 3. – С. 64–126.
2. **Георгиев, Г. М.** Осмотр места происшествия: (по материалам следственных и судебных органов НРБ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.717 / Г. М. Георгиев ; Высш. шк. МВД СССР. – М., 1970. – 36 с.
3. Руководство для следователей по осмотру места происшествия : учеб.-практ. пособие / А. В. Боловинов [и др.] ; под ред. И. А. Попова, Г. В. Костылевой, Н. Е. Муженской. – Москва : Проспект, 2018. – 440 с.
4. **Петелин, Б. Я.** Психология осмотра места происшествия : лекция / Б. Я. Петелин. – Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1981. – 24 с.
5. **Колмаков, В. П.** Следственный осмотр / В. П. Колмаков. – М. : Юрид. лит, 1969. – 146 с.
6. **Баев, О. Я.** Тактика следственных действий : учеб. пособие / О. Я. Баев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 456 с.
7. **Власов, В. П.** Расследование хулиганства / В. П. Власов // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юрид. лит, 1967. – Вып. 5. – С. 116–131.
8. **Зуев, В. Л.** Расследование хулиганства / В. Л. Зуев // Расследование преступлений : руководство для следователей / В. А. Алферов [и др.] ; под ред. В. А. Алферова. М. : Спарк, 1997. – Гл. 11. – С. 297–317.
9. **Волженкин, Б. В.** Расследование дел о хулиганстве : квалификация, процессуальные особенности и методика расследования : учеб. пособие / Б. В. Волженкин, С. К. Питерцев, В. В. Шимановский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л. : Б.и., 1979 (вып. дан. 1980). – 104 с.
10. **Гаврилин, Ю. В.** Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений : курс лекций / Ю. В. Гаврилин, Н. Г. Шурухнов ; под ред. Н. Г. Шурухнова. – М. : Книжный мир, 2004. – 468 с.
11. **Крикунов, А. Е.** Расследование хулиганства : лекция / А. Е. Крикунов. – Киев : НИиРИО Киевской ВШ МВД СССР, 1978. – 44 с.
12. **Овчаренко, Е. И.** Доказывание в досудебном производстве по уголовным делам о хулиганстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. И. Овчаренко. – М., 2004. – 206 л.
13. **Захаревский, В. И.** Характеристика и методы разрешения следственных ситуаций по делам о хулиганстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. И. Захаревский. – М., 1990. – 203 л.
14. **Виленский, Ю. А.** Некоторые вопросы расследования хулиганства / Ю. А. Виленский // Ученые записки. Вып. 11. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1964. – С. 116–123.
15. **Берекашвили, Л. Ш.** Расследование хулиганства / Л. Ш. Берекашвили ; под ред. В. Е. Жарского. – М. : НИиРИО ВШ МООП СССР, 1968. – 40 с.

16. **Кузнецов, А. А.** Расследование группового хулиганства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. А. Кузнецов ; Моск. высш. шк. милиции МВД СССР. – М., 1986. – 21 с.
17. **Кузнецов, А. А.** Особенности расследования группового хулиганства : учеб. пособие / А. А. Кузнецов. – Омск : Юрид. ин-т МВД России, 1998. – 72 с.
18. **Сердюк, Л. В.** Расследование хулиганства и его профилактика : учеб. пособие / Л. В. Сердюк, А. Т. Тимербаев. – Хабаровск : Высш. шк. МВД СССР, 1989. – 80 с.
19. Раскрытие и предупреждение телесных повреждений / И. Е. Быховский [и др.] ; под ред. Н. И. Гуковской. – М. : Юрид. лит., 1964. – 99 с.
20. **Облаков, А. Ф.** Организация и тактика осмотра места происшествия : учеб. пособие / А. Ф. Облаков, А. Т. Тимербаев. – Хабаровск : ВШ МВД РФ, 1992. – 96 с.
21. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности) : учеб. пособие для вузов МВД СССР / А. К. Гаврилов [и др.]. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1984. – 240 с.
22. **Салтвский, М. В.** Следы человека и приемы их использования для получения информации о преступнике и обстоятельствах преступления : лекция / М. В. Салтвский. – Киев : НИИРПО Киев. ВШ МВД СССР, 1983. – 44 с.
23. **Лемасов, А. И.** Криминалистические методы обнаружения, фиксации и изъятия микроследов на месте происшествия : учеб. пособие / А. И. Лемасов, Г. Н. Порошин, Ю. Н. Ченцов. – Волгоград : ВШ МВД СССР, 1990. – 52 с.
24. **Аистов, И. А.** Учебное пособие по криминалистике. Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений / И. А. Аистов. – М. : ПРИОР, 2002. – 128 с.
25. **Голунский, С. А.** Техника и методика расследования преступлений. Вып. 4 / С. А. Голунский, Г. К. Рогинский ; под ред. М. С. Строговича, – М. : Гос. издат, 1934. – 27 с.
26. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., №131-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Поступила в редакцию 22.05.2019 г.

Контакты: n.bushkevich@sledcom.by (Бушкевич Николай Сергеевич)

Bushkevich N. SCENE INVESTIGATION WHILE TACKLING HOOLIGANISM ACTS COMMITTED BY GROUPS OF PEOPLE.

Scene investigation is the only investigative act in criminal cases of group hooliganism when a detective can personally assess the setting of the crime. A thorough investigation of the place helps to visualize hooligans' actions and record important information in the criminal case file.

The organization, tactics and psychological characteristics of scene investigation display theoretical and practical value in criminal cases of group hooliganism. The specificity of scene investigation is determined by its place that can be overcrowded and involve many strangers which causes organizational and psychological difficulties as well as hinders the search for changes of the material environment.

Keywords: hooliganism, group hooliganism, first stage of investigation, scene investigation, urgency, crime situation, night time, personal perception, crowded places, psychological factor, in public, quadcopter, crime lab, typical material evidence.

УДК 349.6

КОНЦЕПЦИЯ “КООПЕРАТИВНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА” И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАКТИКУ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. П. Анисимов

доктор юридических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХ и ГС

В статье исследуются особенности реализации концепции кооперативного федерализма применительно к сфере охраны окружающей среды. Доказывается, что данная модель разграничения экологических полномочий центра и регионов уже показала свою эффективность в ряде стран мира, причем ее реализация предполагает не только вертикальную координацию совместных усилий центра и регионов по осуществлению экологических проектов и программ (особенно в части долевого финансирования), но и горизонтальное взаимодействие субъектов федерации, в том числе в случаях, когда на территории одного субъекта федерации необходимо строительство экологически опасного объекта, в котором заинтересован другой субъект федерации.

Ключевые слова: федерализм; охрана окружающей среды; отходы, нормативы, парниковые газы; сотрудничество.

Введение

Реализация права человека на благоприятную окружающую среду является приоритетом для международного сообщества и большинства стран мира, закрепивших в своих конституциях необходимый перечень экологических прав граждан. Однако следует заметить, что создание эффективного механизма реализации экологических прав имеет свою специфику в унитарных и федеративных государствах. В отношении последних, в теории конституционного права РФ главное внимание уделяется исследованию двух концепций: дуалистического и кооперативного федерализма. Отмечается, что “концепция дуалистического федерализма основана на принципе жесткого разграничения предметов ведения между федерацией и ее субъектами. Каждый из них имеет строго фиксированную компетенцию и не вмешивается в дела другого, т. е. самостоятельно реализует свой статус. Кооперативный федерализм основан на принципе взаимного дополнения и взаимовыгодного сотрудничества федерации и ее субъектов, солидарной ответственности в сфере совместного ведения. Кооперативный федерализм более предпочтителен в современных условиях, так как позволяет снимать политические конфликты” [1, с. 5].

Реализация модели кооперативного федерализма означает наличие в стране, кроме сфер исключительного ведения федерации и ее субъектов (либо только исключительной сферы ведения федерации), еще и сферы совместного ведения, в рамках которой полномочия осуществляются как федеральными органами, так и органами власти субъектов федерации. Российская конституционная модель разграничения компетенции формально относится к кооперативной, поскольку в соответствии с Конституцией Российской Федерации выделяется три сферы ведения: в ст. 71 закреплена сфера исключительного федерального ведения; в ст. 72 указана сфера совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов; в ст. 73 по остаточному принципу определена сфера ведения субъектов Российской Федерации [2, с. 14–17].

Однако существующая в РФ практика реализации модели кооперативного федерализма применительно к сфере охраны окружающей среды показывает низкую эффективность, что требует обсуждения в контексте интересного опыта взаимодействия центра и регионов в ряде зарубежных стран.

Основная часть

Несомненные достоинства модели кооперативного федерализма заключаются в том, что она полностью соответствует “социально-экономическим и политическим потребностям федеративного государства. Концепция кооперативного федерализма основывается на том, что в федеративных отношениях доминирует принцип разделенной и солидарной власти и ответственности, при которой функции, когда-то признаваемые исключительными для каждой из сторон, становятся совместными. Кооперативный федерализм реализуется через механизмы вертикального и горизонтального сотрудничества. Кооперация сторон базируется на переговорных (согласительных) процедурах, соблюдение которых обязательно в случае возникновения разногласий” [3, с. 19].

В настоящий момент концепция кооперативного федерализма эффективно реализована в Австрии, Германии, США, Швейцарии и т. д., хотя в каждой из этих стран она имеет свои особенности. Для каждой из этих стран реализация модели кооперативного федерализма имеет исключительно важное значение, поскольку позволяет цивилизованными способами предупреждать и снимать этнические, национальные, политические, религиозные и иные конфликты, а также конфликты, связанные с разными взглядами на политику проведения реформ, стратегию и тактику их реализации. Основные же отличия “теории дуалистического федерализма от концепции кооперативного федерализма состоят в том, что последний базируется не только на конституционных нормах, но и на политической действительности. Представляется, что в Российской Федерации в максимальной степени необходимо реализовать замыслы теории кооперативного федерализма. Федеративная конструкция, насыщенная кооперативным началом, поможет удержать равновесие власти, придаст федерации гибкость и более действенно обеспечит стабильность государства. Такая теория должна послужить прочной основой для создания единого сильного демократического государства” [4, с. 78–79].

Весьма важно, что, передавая регионам ряд полномочий, концепция кооперативного федерализма предполагает не только вертикальное сотрудничество центра и регионов, но и расширение горизонтального сотрудничества между субъектами федерации. В рамках, например, американской модели кооперативного федерализма это проявляется в форме создания, во-первых, региональных объединений ряда субъектов федерации, которые устанавливают особые формы сотрудничества между собой и выступают совместно в отношениях с федерацией (главным образом, в сфере экономики).

Во-вторых, создаются специальные федерально-региональные органы, которые в принципе “имеют совещательный характер и имеют своей целью сглаживать возникающие между центром и периферией разногласия, поиски компромиссов, но на деле их значение нередко выходит за рамки совещаний, ибо авторитет принимаемых ими рекомендаций бывает очень высок” [5, с. 87–88].

Важность поиска баланса интересов центра и регионов в рамках концепции кооперативного федерализма наиболее наглядно видна на примере деятельности в области охраны окружающей среды. Например, в США в рамках дискуссии о поиске баланса интересов федерации и регионов (штатов), сторонники сильной федеральной власти выдвигают три важных аргумента.

Во-первых, экологические усилия штатов могут быть недостаточны или вообще отсутствовать, и в этом случае потребуется федеральное вмешательство. Законода-

тельные собрания штатов могут находиться в тесных связях с загрязняющими отраслями промышленности, в то время как сильная федеральная власть при определении экологической политики будет способствовать защите важных общегосударственных экологических интересов.

Во-вторых, так как загрязнение часто пересекает границы штатов, региональные чиновники могут не пожелать наложить ограничения на источники, которые производят загрязнение для соседних штатов. Они могут стремиться привлечь эти новые отрасли промышленности в свои штаты, но это ослабит защиту прав жителей других штатов от экологических рисков.

В-третьих, существует потребность в экспертных знаниях и централизации исследований. Наличие пятидесяти отдельных научных центров штатов, проводящих исследования в области экологического воздействия на здоровье человека от различных загрязнителей и формулирующих каждый свою самостоятельную стратегию, влечет неэффективность и дублирование [6, с. 2–3].

В свою очередь, сторонники расширения полномочий штатов полагают, что это особенно важно в случае наличия в штате уникальных земельных или водных объектов, появления новых и быстро развивающихся экологических проблем. У федерального правительства меньше знаний о местных проблемах и условиях, и потому меньше возможностей по быстрому реагированию на изменение экологической ситуации. Штаты могут более оперативно, чем федеральное правительство, реагировать на местном уровне на эти угрозы и быстро противодействовать им законодательно. Поэтому федерализм должен использоваться для расширения возможностей всех уровней власти в целях обеспечения более эффективной экологической защиты. Расширение прав и возможностей многоуровневого управления в стране увеличивает экологическую защиту, потому что если один уровень власти не в состоянии действовать, то другой уровень власти может быстро отреагировать на проблему [7, с. 310].

Другие сторонники позиции о необходимости защиты и расширения экологических полномочий штатов отмечают, что экологическая политика в США долгое время предполагала участие штатов в разработке и реализации экологических правил. В соответствии с существующей в США моделью кооперативного федерализма, штаты исполняли федеральные правила, но при этом проявляли гибкость в установлении экологических нормативов и определении региональных приоритетов. В последние годы экологические правозащитники преуспели в стратегии судебного преследования региональных властей, обвиняя их в отсутствии тех или иных экологических стандартов и требуя федерального вмешательства. Тем самым они способствовали устранению штатов из процесса принятия важных политических и законодательных решений в сфере охраны природы, поскольку принятие федеральным центром экологически значимых решений стало происходить без учета мнения штатов. Процесс принятия решений, называемый “преследовать и решать”, не только посягает на полномочия штатов, но и ведет к бессистемной государственной политике, разрушает основы кооперативного федерализма [8, с. 579–628].

Однако разрешение данных проблем и поиск компромисса между двумя полярными точками зрения возможно только путем дальнейшего развития концепции кооперативного федерализма – гибкой системы федерального законодательства, устанавливающего сотрудничество штатов и федерального центра посредством тесного взаимодействия при решении экологических вопросов. Теория кооперативного федерализма отрицает единый национальный подход к решению экологических задач и позволяет штатам принимать законы для реализации их собственных особых потребностей, зависящих лишь от принятых на федеральном уровне минимальных стандартов [9, с. 188].

В научной литературе отмечается достаточно примеров нахождения такого компромисса, позволивших повысить эффективность экологического законодательства. Так, необходимость сотрудничества центра и регионов ярко проявила себя в сфере охраны климата, когда отсутствие общенационального централизованного подхода к проблеме снижения выбросов парниковых газов в США привело к возникновению и развитию в течение долгого времени инициатив по принятию соответствующего законодательства на уровне отдельных штатов, где разрабатывались меры по инвентаризации выбросов, а также иные планы действий. Приведу только два примера такого удачного регионального законодательства в ряде штатов в США. Во-первых, уже в 90-е гг. прошлого века довольно существенные успехи в этом вопросе были достигнуты в штате Орегон, где был принят специальный закон, направленный на сокращение выбросов парниковых газов. В соответствии с данным законом было предусмотрено, что все новые электростанции должны сократить выбросы парникового газа на 17%. Это было выполнено, и загрязнители стали уплачивать определенные денежные суммы в специальный фонд, который использовал их для уменьшения объема выбросов парниковых газов в атмосферу через различные программы [10, с. 148–177].

Во-вторых, штату Калифорния были предоставлены федеральными властями специальные полномочия в сфере борьбы с парниковыми газами в соответствии с Законом о чистом воздухе (Clean Air Act), запретившего другим штатам регулировать автомобильную эмиссию этих газов. В результате реализации данных полномочий, жители данного штата получили каталитические конвертеры, автомобили с низким уровнем выбросов и неэтилированный бензин, наряду с другими технологиями [11, с. 283].

Кроме успехов взаимодействия федерального центра и отдельных штатов в деле охраны окружающей среды, в США активно формируется и горизонтальное (межрегиональное) сотрудничество в сфере экологии. Так, в ноябре 2004 г. губернаторы трех штатов США одобрили тридцать шесть рекомендаций в пяти областях действий, совместно осуществляемых всеми тремя штатами. Этот проект получил название “West Coast Governors’ Global Warming Initiative”. Цель данного проекта – уменьшение выбросов парниковых газов. Эти 5 областей предполагали разработку стандартов по уменьшению выбросов парниковых газов от транспортных средств, расширение рынков для энергии, развитие возобновляемых ресурсов и альтернативных видов топлива и т. д. Таким образом, эти три штата сильно продвинулись вперед в восполнении вакуума, оставленного федеральным законодательством США. В феврале 2007 г. губернаторы западного побережья приняли новую программу под названием WesternClimateInitiative (WCI), включив в свой состав Аризону и Нью-Мексико в качестве полноценных участников программы. Позже к ним присоединились Юта, Британская Колумбия и другие штаты. Как и его предшественник, WCI констатировал отсутствие федерального лидерства в вопросах климата как основную причину своего создания [10, с. 145–146].

Из этого небольшого обзора следует, что американская модель федерализма позволяет, как проявление инициативы отдельными штатами по решению вопросов охраны окружающей среды (включая охрану климата), так и заключение межрегиональных соглашений, усиливающих их координацию.

Интересный опыт по поводу взаимодействия центра и регионов предлагает Европейский Союз. В рамках сложившегося в нем законодательства и практики можно утверждать, что экологическая политика ЕС выступает не вместо национальной экологической политики стран-членов ЕС, а исключительно наряду с ней. В отличие от компетенции ЕС, компетенция государств-членов по защите, поддержанию и улучшению окружающей среды не ограничена. Пока Европейское сообщество не начало

заниматься определенной областью охраны окружающей среды, государства – члены ЕС могут предпринимать все необходимые или целесообразные меры, за исключением некоторых специально оговоренных случаев. Так, государство – член ЕС не может издавать правила по охране окружающей среды, ограничивающие свободный поток товаров через границы, выделять государственные субсидии на охрану окружающей среды или издавать налоговые распоряжения, противоречащие нормам Договора об образовании Европейского Союза [12, с. 10–11].

Уже с начала 1990-х гг. ЕС стал принимать меры по предотвращению изменения климата. ЕС согласовывает распределение обязательств, которое в целом должно достигнуть 8%-го уменьшения выбросов парниковых газов. Вклад отдельных стран различается исходя из уровня их экономического развития. Чтобы добиться уменьшения выбросов без лишних затрат, ЕС ввел торговлю квотами для выбросов парниковых газов, которой на его территории подчинены около 10000 организаций, являющихся причиной 45% всех выбросов. Организации получают квоты на каждую тонну углекислого газа, которую они выпускают. Если они вкладывают инвестиции в уменьшающие выбросы технологии, не используя при этом квоты, то они могут продать эти квоты. И наоборот, могут купить квоты, если они выпускают больше вредных веществ, а инвестиции в уменьшение выбросов слишком дороги [12, с. 84–86].

В соответствии со статьей 1 Конституции, Россия является федеративным государством. Вместе с тем в отличие от многих других мировых федераций (США, Канады, Германии и т. д.) возможности субъектов федерации в России весьма ограничены. Это вытекает из реализуемой центральной властью доктрины “укрепления вертикали власти”, в рамках которой субъектам федерации остается лишь решение второстепенных вопросов (в том числе в сфере охраны окружающей среды), и только в том случае, если в федеральных законах есть прямая отсылка к нормотворчеству субъектов федерации.

Типичным подтверждением этого вывода является Определение Верховного Суда РФ от 7 июля 2003 г., оставившее в силе решение Самарского областного суда, запретившего включать в Устав (Основной закон) Самарской области норму, относящую к ведению Самарской области вопросы о введении особого режима областных зон чрезвычайной экологической ситуации и экологического бедствия. Аргументы о том, что субъекты федерации вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов, не были приняты [13]. Созданная в России система “вертикали власти” может быть вполне эффективна в случае борьбы с терроризмом или реализации глобальных проектов (например, строительства Транссибирской железнодорожной магистрали или подготовки к олимпиаде по футболу). Однако данная модель является тормозом в случае решения экологических вопросов. В этой связи наиболее актуальной задачей становится проведение децентрализации власти в России.

Необходимо отменить ряд бюрократических излишеств вроде федеральных округов, а также перенести центр управленческого процесса и финансовых потоков на региональный и местный уровень. Такая децентрализация вместе с изменениями налоговой системы сдвинет центр политической активности на низовой уровень, создаст условия для появления новых эффективных управленцев регионального звена, запустит механизм экономической конкуренции между регионами, позволит наиболее полно учитывать различную экологическую ситуацию в разных субъектах федерации.

При проведении экологической децентрализации целесообразно установление федеральных минимальных экологических стандартов, которые регионы не смогут отменить (например, необходимость проведения экологической экспертизы проектов

или минимальные ставки экологических платежей за выбросы). За исключением этих базовых принципов, субъекты федерации должны получить максимальную свободу в осуществлении экологических функций, в т. ч. в сфере торговли квотами на выброс парниковых газов.

Особое внимание следует уделить развитию такого проявления кооперативного федерализма, как развитие горизонтального сотрудничества между центром и регионами. Именно это позволит обеспечить взаимодействие соседних территорий, имеющих самостоятельный статус, но живущих в общем правовом, экономическом и социально-культурном пространстве. Реализация этого проявления стратегии кооперативного федерализма может быть произведена по нескольким направлениям. Во-первых, при размещении полигонов для размещения отходов производства и потребления одних субъектов РФ на территории других. Ситуация с вывозом мусора из г. Москвы в Московскую область и другие регионы спровоцировала митинги и другие акции недовольства населения [14], что должно решаться посредством налаживания между соседними субъектами РФ горизонтального экологического сотрудничества, с возложением финансовых обязательств на заинтересованных субъектов. Другим вариантом развития концепции кооперативного федерализма в сфере экологии могло бы стать межрегиональное сотрудничество между субъектами федерации, расположенными в бассейнах крупных рек, например, реки Волга. Расширение взаимодействия между регионами позволило бы более эффективно регулировать сбросы загрязняющих веществ промышленными объектами в такие реки, уменьшив степень загрязнения вод для субъектов РФ, расположенных ниже по течению таких водных объектов.

Определенные предпосылки для развития горизонтальных связей между субъектами РФ в рамках концепции кооперативного федерализма в Российской Федерации уже созданы. Например, согласно ч. 2 ст. 16 Градостроительного кодекса РФ, проект схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации подлежит согласованию с высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, имеющих общую границу с субъектом Российской Федерации, обеспечившим подготовку проекта такой схемы, в целях соблюдения интересов указанных субъектов РФ при установлении на их территориях зон с особыми условиями использования территорий (санитарно-защитные зоны, охранные, водоохранные зоны, зоны затопления и т. д.) в связи с планируемым размещением объектов регионального значения, которые могут оказать негативное воздействие на окружающую среду на территориях указанных субъектов РФ.

Фиксация в региональных документах территориального планирования, например, мест размещения отходов, позволит графически отобразить существующие и планируемые к созданию объекты по обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов, расположенные на территории субъекта федерации. Применение схемы позволит и значительно повысит эффективность привлечения виновных лиц к ответственности за несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления. Поскольку «на схеме территориального планирования будут закреплены картографические границы существующих и планируемых к возведению полигонов по утилизации отходов, органам государственного земельного надзора становится значительно проще выявить и определить границы территории, подвергшейся незаконному загрязнению, и установить объем ущерба, причиненного правонарушением» [15, с. 66].

Заключение

Развитие концепции кооперативного федерализма в области охраны окружающей среды уже показало свою эффективность в ряде стран мира, причем ее реализация предполагает не только вертикальную координацию совместных усилий центра и регионов по осуществлению экологических проектов и программ (особенно в части долевого финансирования), но и горизонтальное взаимодействие субъектов федерации, в том числе в случаях, когда на территории одного субъекта необходимо строительство экологически опасного объекта, в котором заинтересован другой субъект федерации. Развитие последнего направления позволило бы перевести разрешение многих сложных экологических проблем в Российской Федерации (включая размещение отходов г. Москвы на территории Подмосковья) из политической в экономическую область.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Губин, Ю. И.* Конституционно-правовой статус субъекта РФ (на примере Калининградской области) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. И. Губин. – Саратов, 2006. – 28 с.
2. *Дамдинов, Б. Д.* Реализация конституционного принципа разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами: некоторые проблемы теории и практики / Б. Д. Дамдинов // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 1. – С. 14–17.
3. *Волков, П. В.* Теоретико-правовые проблемы федерализма: федеративные властотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. В. Волков. – Нижний Новгород, 2004. – 36 с.
4. *Горбачева, С. В.* Федерализм как форма государственного устройства: основные теоретические подходы / С. В. Горбачева // Вестник Тверского государственного ун-та. – 2013. – Вып. 35. – С. 76–85.
5. *Миряшева, Е. В.* Становление и развитие североамериканских штатов в период формирования американского федерализма (XVII – середина XX вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Миряшева. – М., 2015. – 432 с.
6. *Bryner, G. C.* Policy Devolution and Environmental Law: Exploring the Transition to Sustainable Development / G. C. Bryner // *Environs.* – 2002. – Vol. 26. – P. 1–186.
7. *Cuskelly, G.* Factors to Consider in Applying a Presumption Against Preemption to State Environmental Regulations / G. Cuskelly // *Ecology Law Quarterly.* – 2012. – Vol. 39. – P. 283–319.
8. *Butler, H. N.* Sue, settle and shut out the states: Destroying the environmental benefits of cooperative federalism / H. N. Butler, N. J. Harris // *Harvard Journal of Law and Public Policy.* – 2014. – Vol. 37. – № 2. – P. 579–628.
9. *Yee, K.* “A Period of Consequences”: Global Warming Legislation, Cooperative Federalism, and the Fight Between the EPA and the State of California Krista Yee / K. Yee // *University of California, Davis.* – 2008. – Vol. 32. – P. 183–213.
10. *Olmsted, J. L.* The Global Warming Crisis: An Analytical Framework to Regional Responses / J. L. Olmsted // *J. Envtl. Law and Litigation.* – 2008. – Vol. 23. – P. 125–189.
11. *Carlson, A. E.* Federalism, Preemption, and Greenhouse Gas Emissions / A. E. Carlson // *University of California, Davis.* – 2003. – Vol. 37. – P. 281–319.
12. *Кремер, Л.* Экологическое право Европейского союза / Л. Кремер, Г. Винтер / отв. ред. О. Л. Дубовик. – М. : Городец, 2007. – 144 с.
13. Определение Верховного Суда РФ от 07.07.2003 по делу № 46-Г03-10 // Справочная правовая система “Консультант плюс”. – Дата обращения: 14.04.2019.
14. *Петрова, А.* Подмосковье – мусорная свалка Москвы / А. Петрова // <http://новости-москвы.ru-an.info/новости/мусорные-свалки-подмосковья-принимают-основной-мусор-из-москвы> (дата обращения 14.04.2019).
15. *Кузнецов, Д. В.* Совершенствование практических способов применения землеустроительной документации и документов территориального планирования при установлении ответственности за экологические правонарушения на территории Волгоградской области / Д. В. Кузнецов // Современные проблемы обеспечения экологической и продовольственной безопасности: материалы Международной научно-практической конфе-

ренции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов : сборник научных статей. (2019; Волгоград) : [материалы]; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО “Российская академия народного хозяйства и государственной службы”. – Волгоград : Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. – С. 65–66.

Поступила в редакцию 15.04.2019 г.

Контакты: anisimovap@mail.ru (Анисимов Алексей Павлович)

Anisimov A. “COOPERATIVE FEDERALISM” CONCEPT AND ITS IMPACT ON ENVIRONMENTAL PROTECTION IN FOREIGN COUNTRIES.

The article investigates the implementation of the concept of cooperative federalism in relation to the field of environmental protection. It is proved that the model of differentiation of ecological powers of the centre and regions has already proved effectiveness in a number of countries. Its application involves not only vertical coordination of joint efforts of the centre and regions to carry out environmental projects and programs (especially in terms of equity financing), but also horizontal interaction of the federation subjects, including the cases when in the territory of one subject of the federation it is necessary to build an environmentally hazardous facility other federal subjects take an interest.

Keywords: federalism, environmental protection, waste, regulations, greenhouse gases, cooperation.

УДК 347.21

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ТОКЕНА

А. А. Грибовский

аспирант

Белорусский государственный экономический университет

Обзор нормативного правового регулирования гражданского оборота токена на территории Республики Беларусь, Российской Федерации, Европейском союзе, а также практики правоприменения судебными инстанциями законодательства о токенах.

Ключевые слова: токен, криптовалюта, цифровые права, правовое регулирование цифровой экономики, гражданский оборот.

Введение

В мире происходит смена технологических укладов. Республика Беларусь активно включилась в этот процесс, начав с разрешения ключевого вопроса – узаконивания правоотношений, возникающих в новых технологических укладах.

В Республике Беларусь базовыми нормативными правовыми актами обеспечивающими переход к новым технологическим укладам выступают:

- Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) [1];
- Декрет Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 № 12 (ред. от 21.12.2017) «О Парке высоких технологий» (далее – Декрет № 12) [2];
- Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235 (ред. от 21.12.2017) «Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» (далее – Постановление № 235) [3].

Основой создания цифровой экономики в Республике Беларусь выступило Постановление № 235. Пунктом 1 Постановления № 235 утверждена Государственную программу развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. (далее – Госпрограмма). Целью Государственной программы является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства.

Реализация Государственной программы направлена на достижение одного из приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь – эффективные инвестиции и ускоренное развитие инновационных секторов экономики.

Госпрограмма включает следующие подпрограммы, содержащие системообразующие мероприятия национального масштаба в сфере ИКТ:

- «Информационно-коммуникационная инфраструктура»;
- «Инфраструктура информатизации»;
- «Цифровая трансформация».

Госпрограмма указывает, что цифровая трансформация предусматривает собой трансформацию бизнес-процессов посредством ИКТ во всех сферах жизнедеятельности современного общества.

Основная часть

Российский ученый А.И. Савельев очень тонко подметил, что Декрет № 8 имеет прямое сходство с инновацией в технической сфере [4]. С уверенностью можно сказать больше – Декрет №8 и есть настоящая правовая инновация.

Большинство ученых ассоциирует эффективность государственно-правового воздействия на жизнедеятельность общества с результативностью соответствующего воздействия, понимаемой как определенные последствия воздействия установленных государством норм права на общественные отношения.

По мнению А.С. Пашкова и Л.С. Явича, государственно-правовое воздействие эффективно, если та или иная установленная государством норма права предусматривает оптимальный вариант поведения, требуемый для достижения научно обоснованной цели, и реально обеспечивает наступление результата, соответствующего этой цели [5].

С точки зрения И.С. Самощенко и В.И. Никитинского, необходимо признать эффективным или “эффективным в собственном смысле слова” такое государственно-правовое воздействие, которое в любой, пускай даже в самой незначительной, степени обеспечивает приближение хотя бы к одной (даже второстепенной) социальной цели [6].

Эффективность различных государственно-правовых явлений, как правило, раскрывается посредством соотношения между собой таких понятий, как “результат” и “цель” [5].

Таким образом, в наиболее общем виде эффективность инновационной функции государства можно определить как соотношение между фактическим результатом государственного регулирования инновационной деятельности и теми целями (ближайшими, более отдаленными, конечными), для достижения которых оно осуществляется.

Чем ближе соотношение между результатом государственного регулирования новаторской деятельности и целями инновационной функции государства, тем о большей степени эффективности осуществления данной функции можно утверждать. Если цели, которые ставились государством в лице его соответствующих органов при регулировании инновационной деятельности, достигнуты полностью, то осуществление инновационной функции государством может считаться в полной мере эффективным.

Целями правового регулирования гражданского оборота токенов в Республике Беларусь выступали развитие Парка высоких технологий, инновационной сферы и построения современной цифровой экономики в Республике Беларусь (Преамбула Декрета №8).

По данным Администрации Парка высоких технологий (далее – ПВТ) за 2018 г. ПВТ принял порядка 267 новых компаний и, впервые в истории ПВТ, экспорт составил 1 млрд 414 млн долларов; при этом рост выручки составил 38% [7]. В этой связи одна из целей, установленная Декретом № 8, – развитие Парка высоких технологий – достигнута.

Вступление в силу Декрета № 8 поставило Республику Беларусь в авангард правового регулирования токенов и криптовалют. До белорусского государства регулирование соответствующих отношений в том или ином объеме было введено, например, в законодательства США, Японии, Гибралтара (заморская территория Великобритании) [8].

Последователем Республики Беларусь выступила Республика Мальта [9], первая из стран Европейского союза.

С 28 марта 2018 г. в Республике Беларусь появился новый объект правоотношений – токен – о чем прямо указано в пункте 2 Декрета № 8.

Таким образом, в результате вступления в силу Декрета № 8 произошла “цифровая трансформация” посредством ИКТ в такой важной сфере жизнедеятельности современного общества как право.

Цифровая трансформация гражданского оборота посредством ИКТ привела к появлению не только новых объектов правоотношений, но и активизировала дискуссии о месте токена и криптовалюты среди объектов гражданских прав.

Пункт 12 Приложения 1 к Декрету № 8 устанавливает что, под цифровым знаком (токеном) понимается запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой.

Специфика вышеуказанного термина “токен” заключается в его двойственности. Токен одновременно есть цифровой знак и (или) есть криптовалюта. Данный факт подчеркивается российским ученым А.И. Савельевым [4].

Правовед С.В. Овсейко рассматривает “токен” как “единицу криптовалюты”, обосновывая такую точку зрения тем, что «...поскольку созданием криптовалют занимаются не государства и даже не банки, их вполне можно назвать “частными деньгами”...» [10]. С.В. Овсейко отмечает, что в отношении определения роли “криптовалют” в гражданском обороте возможно четыре альтернативных подхода:

- 1) деньги (расчетная единица);
- 2) ценные бумаги;
- 3) специфический товар;
- 4) уникальный (инвестиционный) актив, имеющий дематериализованную форму “записи” (последовательности 0 и 1).

Согласно предположению С.В. Овсейко, именно на четвертом походе и остановились разработчики Декрета № 8, что, по мнению ученого, косвенно подтверждается исключением соответствующей деятельности из числа банковской и деятельности на рынке ценных бумаг, и одновременном освобождении соответствующие операции от налога на добавленную стоимость [10].

С.В. Овсейко, формулируя наименование четвертого подхода, акцентирует внимание, что “токен” есть первичная регистрационная запись в памяти компьютера [10].

“Криптовалюта”, по мнению С.В. Овсейко, по своей юридической природе представляет собой “нематериальное имущество” [10].

С.В. Овсейко не разграничивает “токен” и “криптовалюту” как различные правовые сущности.

В совокупности каждый из вышеуказанных подходов, названных С.В. Овсейко, имеет массу проблем теоретического и практического свойства, что существенно затрудняет осуществление выбора между ними со стороны государства.

Доктор юридических наук О.Н. Толочко подчеркивает необходимость законодательного введения в гражданский оборот цифровых валют, блокчейна, ICO, криптобирж, майнинга и связанных технологий и процессов, которые в мире пока находятся в “серой зоне” правового регулирования.

По мнению О.Н. Толочко, правовое регулирование оборота криптовалюты возможно с трех разных позиций:

- первая – запрет или ограничение (Китай, Южная Корея, Израиль);
- вторая – легализация токенов как средства платежа, а также легализация криптобирж и сопутствующих технологий (считать криптовалюты средством платежа (день-

гами), блокчейновые транзакции – гражданским оборотом, а ICO (Initial coin offering (с англ. – “первичное предложение монет, первичное размещение монет”)) – способом инвестирования (по аналогии с IPO (Initial Public Offering (с англ. – “первичное предложение акций, первичное размещение акций”)));

– третья – отказ от специального гражданско-правового регулирования с одновременным принятием правовых мер, направленных на минимизацию рисков мошенничества, финансирования преступной деятельности и отмывания денег, полученных преступным путем (такое решение, по сути, состоит в констатации того, что токены не являются ни деньгами, ни товаром, ни ценностями и обращаются в зависимости от спроса и предложения на них) [11].

О.Н. Толочко не разграничивает “токен” и “криптовалюту” как различные правовые сущности, однако считает необходимым обеспечение регулирования оборота токенов и криптовалют на законодательном уровне.

В.В. Хилjuta разграничивает правовые сущности “токен” и “криптовалюта” [12]. По мнению ученого термин “токен” является общим понятием, которое охватывает и криптовалюты, и токены.

В.В. Хилjuta выделяет следующие признаки токена:

– в удостоверении права на объект гражданских прав (это могут быть как вещные, так и иные права);

– существовании в блокчейне или иной распределенной информационной системе (существование именно записи о праве в блокчейне или ином распределенном реестре данных). Исходя из признаков токена, В.В. Хилjuta делает вывод о том, что в соответствии с положениями Декрета № 8, “токен” и “криптовалюта” соотносятся как общее и частное. Основным отличием “криптовалюты” от “токена”, по мнению В.В. Хилjuta, является участие в гражданском обороте в качестве “универсального средства обмена” [12].

Аналогичную позицию занимает российский исследователь правового регулирования ИКТ – А.И. Савельев [4]. А.И. Савельев отмечает, что в Декрете № 8 криптовалюта является разновидностью токена и характеризуется особой функциональной направленностью – использованием ее в качестве универсального средства обмена [4].

В.В. Хилjuta акцентирует внимание, что с учетом того, что согласно положениям ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь перечень объектов гражданских прав исчерпывающий (вещи, включая деньги и ценные бумаги; иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага), то методом исключения можно прийти к выводу, что токен и криптовалюта не относятся ни к работе или услуге, ни к нематериальным благам, ни к объектам интеллектуальной собственности.

Как подчеркивает В.В. Хилjuta – “...есть большие сомнения, стоит ли относить токен и криптовалюту к имущественным правам, безналичным и электронным деньгам, бездокументарным ценным бумагам” [12].

Председатель Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации Л.А. Новоселова отмечает, что “...токен является способом фиксации определенных имущественных прав, и его принадлежность конкретному лицу характеризует владельца как обладателя этого имущественного права...” [13].

В отличие от В.В. Хилjuta, Л.А. Новоселова считает, что во многих случаях токены реализуют те же функции, что и ценные бумаги: фиксируют наличие и содержание права (причем часто аналогичного по содержанию тому, которое может быть

закреплено в ценной бумаге) и обеспечивают его передачу в привязке к носителю, на котором оно закреплено. Формальное отличие токена от классической ценной бумаги сводится к отсутствию собственно бумаги, документа, отвечающего установленным законом требованиям. Сугубо формальные, а не сущностные черты не позволяют признать такие токены бездокументарными ценными бумагами [13].

В.В. Хиллута склоняется к отнесению “токена” и “криптовалюты” к иным видам имущества. Свою точку зрения ученый обосновывает следующим образом [12].

Существование “токена” и “криптовалюты” объективируется в форме определенной структуры данных (токенов). Криптовалюта и токены имеют внешнее выражение, могут закрепляться за определенными лицами (т. е. способны находиться в обладании) и передаваться от одного лица другому.

Именно поэтому криптовалюта представляет собой имущество или его разновидность (иначе говоря, иное имущество в смысле ст. 128 ГК).

В данном контексте содержание объектной группы “иное имущество” можно формировать лишь за счет включения в данное понятие функциональных аналогов.

Это объекты, которые не являются вещами, в том числе деньгами и ценными бумагами, но обращаются в данном качестве (энергия и мощность, газ, радиочастотный ресурс и ресурс нумерации, специальные законные средства платежа и т. д.).

Из текста Декрета № 8 можно сделать вывод, что любой токен – самостоятельный объект гражданских прав.

Хотя он прямо и не обозначается в качестве вещи, в то же время владелец токена обладает им на праве собственности или ином вещном праве. Такое сочетание потенциально допускается лишь в отношении объектов, которые можно отнести к так называемому иному имуществу.

На основе вышесказанного в среде юристов появилось мнение, что криптовалюта вообще не является объектом гражданских прав [12].

Однако если Декрет № 8 стал регулировать данную область правоотношений, то такое суждение не может найти поддержки.

Обратимся к судебной практике.

В Республике Беларусь судебная практика относительно токенов в цивилистике еще не сформировалась. В Российской Федерации (наиболее близком гражданском правопорядке для Республики Беларусь) уже имеется судебный прецедент.

Судом Российской Федерации криптовалюта была впервые признана имуществом (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18). Суд отнес ее к категории “иного имущества”, указав на отсутствие в гражданском законодательстве закрытого перечня объектов гражданских прав и возможность широкого толкования понятия “иное имущество” с учетом современных реалий (ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации) [14].

В Европейском союзе известность получило дело *Skatteverket v. David Hedqvist*, рассмотренное Европейским судом справедливости, в котором криптовалюта биткоин была признана валютой для целей налогообложения и операции по обмену биткоинов на фиатные деньги были освобождены от НДС [15].

В Японии криптовалюты получили в определенной части статус платежного средства, которое может использоваться любым признающим его лицом для осуществления платежей за товары, работы, услуги во взаимоотношениях с неопределенным кругом лиц [16].

В Бразилии установлено достаточно широкое определение цифровой валюты, в силу чего криптовалюты вроде биткоина вполне подпадают под соответствующее понятие и регулирование [16].

При этом ни в Японии, ни в Бразилии криптовалюты не признаются законным средством платежа.

В США криптовалюта рассматривается в различных качествах, в том числе как имущественный актив (property) для целей налогообложения или (Комиссией по срочной биржевой торговле США) биржевой товар для целей применения отдельных положений законодательства о биржевой торговле. По мнению Комиссии по рынку ценных бумаг США (SEC), в случаях, когда криптовалюта используется для привлечения инвестиций в рамках Initial Coin Offering (ICO), на действия по ее размещению может распространяться законодательство США о ценных бумагах, а сама криптовалюта (токен) может рассматриваться в качестве такой разновидности ценной бумаги, как инвестиционный контракт (investment contract). А.И. Савельев подчеркивает, что с подробным анализом правового регулирования криптовалют в различных юрисдикциях можно ознакомиться в иных источниках, однако уже приведенных выше примеров достаточно, чтобы увидеть отсутствие унитарного подхода к правовой квалификации криптовалют в ряде зарубежных юрисдикций [16].

А.И. Савельев отмечает, что при этом многие подходы к квалификации криптовалют, отраженные в зарубежных правовых порядках, обусловлены:

- (1) спецификой терминологии и конкретной правовой системы;
- (2) спецификой задач, для решения которых был выработан тот или иной подход.

За рубежом, как правило, используется точечное регулирование: соответствующие акты и разъяснения принимаются по отдельным, преимущественно публично-правовым вопросам (налогообложение, применимость законодательства о противодействии легализации денежных средств, полученных преступным путем и т. п.), в остальных сферах законодатели и регуляторы занимают выжидательную позицию, обеспечивая участникам оборота простор для саморегулирования.

А.И. Савельев обращает внимание, что в связи с этим некритическое и механическое заимствование зарубежных решений для российских реалий в лучшем случае не будет иметь позитивного эффекта, а в худшем – деформирует сложившиеся правовые конструкции [15].

Директор по исследованиям в области сравнительного права АНО “Центр международных и сравнительно-правовых исследований”, преподаватель кафедры гражданского права МГУ имени М.В. Ломоносова М.Л. Башкатов, рассуждая о цифровых активах, указал, что, например, криптовалюта не отражает наличия у ее обладателя каких-либо дополнительных, внешних по отношению к криптовалюте относительных или абсолютных прав. Криптовалюта в традиционном ее понимании (биткоин, эфириум – наиболее популярные криптовалюты), как подчеркнул эксперт, не дает прав требования к эмитенту, и отсутствие такого права является неотъемлемым элементом понятия криптовалюты. При этом она представляет имущественную ценность сама по себе, поскольку за нее готовы дать другую имущественную ценность, но сейчас ни в одном правовом порядке мира, по словам эксперта, криптовалюта напрямую не признается законным средством платежа. На такую валюту, отметил М.Л. Башкатов, у ее обладателя нет абсолютных прав, но она может быть предметом относительных правоотношений, в том числе возмездного распоряжения [17].

Ключевая проблема в признании за обладателем криптовалюты абсолютного права на нее заключается, с точки зрения эксперта, в том, что правовой порядок не в состоянии обеспечить надлежащую защиту такого права от посягательств третьих лиц. Так, Максим Башкатов привел гипотетический пример: если кто-то увидит криптографический ключ и, например, запомнит его (что, конечно, маловероятно в действительности), а потом передаст добросовестным приобретателям, то виндигировать ключ будет просто невозможно, суды в таких ситуациях окажутся бессильны.

Например, в немецкой доктрине, по словам М.Л. Башкатова, криптовалюта сравнивается иногда с виртуальными предметами (прежде всего с предметами или персонажами многопользовательских ролевых онлайн-игр). Однако, полностью их отождествлять нельзя, поскольку правовая позиция в отношении таких виртуальных предметов зависит от относительных правоотношений между игроком и оператором игры, считает эксперт.

В настоящее время и в Германии, и в России криптовалюту относят чаще всего к “иному имуществу”, что уже нашло свое подтверждение в российской судебной практике, как упомянуто выше. Защита в отношении криптовалюты обеспечивается наличием в российском правовом порядке, в отличие от немецкого, генерального деликта, то есть правила о том, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также имуществу юрлица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим такой вред [17].

Единственным доводом в пользу вещно-правового режима криптовалюты, по словам эксперта, может служить распространение на нее действия института добросовестного приобретения. Однако, ввиду существования в России упомянутого принципа генерального деликта, потребность в абсолютном праве на криптовалюту в нашей стране ниже, чем в Германии, отметил директор по исследованиям в области сравнительного права.

Необходимо отметить, что в Государственной думе Российской Федерации на рассмотрении находится законопроект о цифровых правах, который 22 мая 2018 г. был принят в первом чтении. Стоит отметить, что данный проект был принят во внимание Девятым арбитражным апелляционным судом в постановлении от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18 при обосновании позиции о признании криптовалюты имуществом [17].

Согласно пояснительной записке проект закона нацелен на закрепление в ГК РФ нескольких базовых положений, отталкиваясь от которых, российский законодатель мог бы осуществлять регулирование рынка существующих в информационно-телекоммуникационной сети новых объектов экономических отношений (токенов, криптовалюты), обеспечивать условия для совершения и исполнения сделок в цифровой среде, в том числе сделок, позволяющих предоставлять массивы сведений (информацию).

Как отмечает М.Л. Башкатов, цифровые права строятся согласно проекту по конструкции “права на право”, то есть они признаются имущественными правами, репрезентирующими иные объекты гражданских прав (в отличие от цифровых денег, которые не удостоверяют прав на какие-либо объекты). По его мнению, в этой части законопроект является наиболее уязвимым для критики, поскольку установление общего правового режима на токены, репрезентирующие объекты гражданских прав, в принципе является догматически спорным [17].

М.Л. Башкатов считает, что регулирование токенов – это регулирование учета благ в распределенном реестре и режима их обращения. По его мнению, представляется оптимальным регулировать не токены (цифровые права) как таковые, а именно правовые свойства реестра и юридическое значение учета в нем объектов гражданских прав [17].

Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ “О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” внесены изменения в ГК РФ – часть первая ГК РФ дополнена ст. 141.1 “Цифровые права”. Токен как отдельная правовая сущность в итоговую версию изменений ГК РФ не включен, т. к. “цифровые права”, по мнению российских законодателей, в полной мере замещают “токен” в гражданском обороте.

Под цифровыми правами согласно п. 1 ст. 141 ГК Российской Федерации признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [18].

В ГК Республики Беларусь цифровые знаки (токены) указаны в абзаце 20 части 4 пункта 1 статьи 1 ГК Республики Беларусь, согласно которой майнинг, приобретение, отчуждение цифровых знаков (токенов) не является предпринимательской деятельностью [19].

Заключение

Мы считаем, что в силу происходящей смены технологических укладов дискуссия о месте и роли токенов в гражданском обороте является своевременной и актуальной. Выработка унифицированной позиции в отношении токена как объекта гражданского права невозможна без синтеза эмпирического и теоретического знания.

В большинстве источников методологической направленности в качестве научной проблемы обозначается неспособность той или иной отрасли науки объяснить определенные факты или же разрешить какое-либо противоречие между вновь выявленными фактами и наличными теоретическими положениями. Само же научное исследование должно представлять собой не что иное, как процесс и результат разрешения подобных противоречий в познании. Основная задача – это различие так называемых “мнимых” и действительных проблем в цивилистике [20].

Установление центрального познавательного противоречия, а также указание на предположительный результат его разрешения и составляет существо постановки научной проблемы [21].

Токен как продукт «цифровой трансформации» бизнес-процессов является «настоящей» научной проблемой права.

Данный вывод сделан в каждой из работ таких ученых, как Н.С. Минько [22], Л.А. Новоселова [13], С.В. Овсейко [10], А.И. Савельева [16], И.В. Салей [23], О.Н. Толочко [11], В.В. Хилюта [12].

Построение цифровой экономики возможно только путем расширения гражданского оборота в цифровом пространстве, т. е. путем включения в круг оборотоспособных объектов гражданских прав непосредственно самих цифровых объектов и прав на них.

Научное исследование правового статуса токена как объекта гражданского оборота позволит внедрить практику работы с токеном во все сферы цифровой экономики Республики Беларусь.

В рамках обозначенной научной проблемы цивилистики востребованным является проведение научно-исследовательских работ по вопросу определению теоретико-правовой сущности токена как объекта гражданских прав в современных макроэкономических условиях с выявлением особенностей гражданского оборота, выработке на этой основе предложений по совершенствованию правового регулирования отношений в данной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. О Парке высоких технологий [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 22 сент. 2005 г., № 12 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 21.12.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 : в ред. Постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 09.11.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. **Савельев, А. И.** Комментарий на положения о регулировании операций с криптовалютами и иных отношений, основанных на технологии “Блокчейн” Декрета Президента Республики Беларусь “О Развитии Цифровой Экономики” № 8 от 21 декабря 2017 г. / Статья // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/213716008>. – Дата доступа: 15.09.2018.
5. **Пашков, А. С.** Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) / А. С. Пашков, Л. С. Явич // Советского государство и право. – 1970. – № 3. – С. 40–48.
6. **Самощенко, И. С.** О понятии эффективности правовых норм / И. С. Самощенко, В. И. Никитский // Ученые записки Всесоюзн. науч.-исслед. Ин-та совет. Законодательства. – 1969. – Вып. 18. – С. 3–19.
7. ПВТ показал небывалый рост экспорта [Электронный ресурс] // PARK.BY. – Режим доступа: <http://park.by/post-2327/>. – Дата доступа: 04.04.2019. 19. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 ноября 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. **Шевченко, А. П.** О совершенствовании деятельности Парка высоких технологий и развитии цифровой экономики в Республике Беларусь (Анализ Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 “О развитии цифровой экономики”) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 15.09.2018 г.] / А. П. Шевченко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
9. The Virtual Financial Assets Act, 2018 (The VFA Act) [Electronic resource] // JUSTICESERVICES.GOV.MT. – Mode of access: <http://justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lp&itemid=29079&l=1>. – Date of access: 05.04.2019.
10. **Овсейко, С. В.** Декрет № 8: операции с криптовалютами и правовой эксперимент / С. В. Овсейко // Налоги Беларуси: научно-практический журнал Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь. – 2018. – № 2. – С. 77–86.
11. **Толочко, О.** Законодательство Республики Беларусь об обороте токенов (криптовалют) в свете обеспечения экономической безопасности / О. Толочко // Юстиция Беларуси: юридический научно-практический журнал. – 2018. – № 4. – С. 30–32.
12. **Хилута, В. В.** Криптовалюта и токен – новые объекты гражданских прав / В. В. Хилута // Промышленно-торговое право: научно-практический журнал. – 2018. – № 3. – С. 21–23.
13. **Новоселова, Л.** “Токенизация” объектов гражданского права [Текст] / Л. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29–44.
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18 [Электронный ресурс] // GARANT.RU. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/61623374/>. – Дата доступа: 05.04.2019.
15. ECJ decision of 22.10.2015, Case C-264/14 [Electronic resource] // InfoCuria – Case-law of the Court of Justice. – Mode of access: <http://base.garant.ru/61623374/>. – Date of access: 08.04.2019.
16. **Савельев, А. И.** Криптовалюты в системе объектов гражданских прав [Текст] / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136–153.
17. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики [Электронный ресурс] // GARANT.RU. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/1220358/>. – Дата доступа: 05.04.2019.
18. Федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ “О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” [Элек-

тронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 05.04.2019.

19. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
20. **Кузнецова, О. А.** Научная проблема и названия цивилистических исследований / О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2013. – № 4(22). – С. 316–324.
21. **Папковская, П. Я.** Методология научных исследований: курс лекций / П. Я. Папковская. – 2-е изд., измененное. – Минск : Информпресс, 2006. – 182 с.
22. **Минько, Н.** Правовой статус цифровых знаков (токенов) / Н. Минько, А. Филонов // Юстиция Беларуси: юридический научно-практический журнал. – 2018. – № 2. – С. 42–46.
23. **Салей, И. В.** Токен: понятие и правовая природа / И. В. Салей, Н. Г. Артемьев, С. М. Негареш // Промышленно-торговое право: научно-практический журнал. – 2018. – № 2. – С. 45–48.

Поступила в редакцию 11.04.2019 г.

Контакты: a.a.g.lawyer@gmail.com (Грибовский Александр Александрович)

Gribovskiy A. PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TOKEN CIVIL TURNOVER.

The article provides a review of legal regulation of token civil turnover in the territory of the Republic of Belarus, the Russian Federation, the European Union as well as the implementation of token legislation by the courts.

Keywords: token, cryptocurrency, digital rights, legal regulation of digital economy, civil turnover.

УДК 347.626.2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОГОВОРНОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И. В. Данькова

старший преподаватель

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

А. И. Выскребцев

курсант 3 курса факультета милиции

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Брачный договор имеет определенное значение в процессе правового регулирования режима имущества супругов. Данное соглашение имеет право быть с целью обеспечения защиты прав и законных интересов тех лиц, которые сознательно избрали путь договорного урегулирования возможных имущественных споров и конфликтов. В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся предмета правового регулирования и правовой природы брачного договора.

Ключевые слова: договорный режим, имущественные права супругов, брачный договор, предмет брачного договора.

Введение

В целях поддержания брака и семьи, увеличения культуры семейных отношений в Республике Беларусь предусмотрено заключение Брачного договора [1].

Существует мнение, что белорусский законодатель полностью заимствовал Брачный договор из правовых систем ряда государств, переняв при этом правовой опыт стран западной Европы, Скандинавии, США. В свою очередь, американские правоведы полагают, что современный институт, называемый Брачным договором, берет свои корни в средневековом праве Англии (XVI век). Однако это не означает, что страны иных правовых семей не знали такого типа соглашений.

Еще в Древней Греции и в Древнем Риме мужчины и женщины, прежде чем вступить в брак, заключали договор, в котором описывали свои материальные отношения, и одновременно с этим оговаривали условия наследования имущества, которое будет совместно нажито.

Кроме того, исторический анализ позволяет сделать вывод, что в системе общественных регуляторов восточнославянских народов Брачный договор (как договор между супругами, характеризующий их материальные взаимоотношения во время брачного союза и после его расторжения) также имеет древние корни. Он появился и развивался самостоятельно, вне зависимости от влияния западных правовых систем [2, с. 199].

Так, еще в дохристианский период во время обручения оформлялась “сговорная запись”, в которой устанавливались условия, определяющие обязанности и права супругов, касающиеся их собственности. Такой договор заключался отцом и матерью несовершеннолетних суженных и оснащался неустойкой либо задатком [3, с. 108].

Одним из первых источников права, который регулировал материальные взаимоотношения супругов на славянских землях, был Статут Великого княжества Ли-

товского 1588 г. Согласно этого документа, у супругов было раздельное имущество: наследство и приданное женщины принадлежало только ей и муж не имел права претендовать на это имущество. За приданное муж записывал жене “вено” на 1/3 своего имущества. Эти деньги были своего рода гарантом того, чтобы женщину не выгнали из дома мужа в случае его смерти. Данную запись женщина хранила у себя до тех пор, пока ее дети не выплатят ей деньги. Если дети не могли заплатить указанную в записи сумму, то женщина имела право жить на 1/3 имущества мужа до конца своей жизни. Следовательно, “сговорная запись” и “вено” являлись прообразом современных Брачных договоров, что опровергает теорию заимствования Брачного договора из опыта правовых систем западных стран.

С момента установления христианства как государственной религии институт Брачного договора постепенно исчезает в связи с возникновением церковного “священного союза”. И лишь к началу XIX в., в наиболее высокоразвитых государствах Европы, таких как Германия, Англия, Франция, люди постепенно снова стали заключать Брачные договоры.

Обретение в 1991 г. Республикой Беларусь государственного суверенитета детерминировало реформу системы социальных регуляторов. Институт семьи одним из первых элементов социума воспринимает все новое и адаптируется к изменениям в общественной жизни. Белорусская правовая наука переходного периода инициировала проведение реформы брачно-семейного законодательства.

Первый концептуальный этап реформы завершился принятием в 1999 г. Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее КоБС). Длительное время белорусское семейное право включало преимущественно императивные нормы, однако жесткая публично-правовая регламентация семейных отношений не соответствовала новым принципам государственной семейной политики Республики Беларусь, установленной Указом Президента № 46 от 21.01.1998 “Об утверждении основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь”, в частности, принципу “самостоятельности и автономности семьи в принятии решений относительно своего развития”) [4].

В метод правового регулирования брачно-семейных отношений был привнесен диспозитивный элемент, особую роль при этом сыграло введение института Брачного договора, с помощью которого в настоящее время супруги могут урегулировать свои имущественные отношения. Данное положение является относительно новым для законодательства Республики Беларусь, а потому рассмотрение вопросов наиболее приемлемого режима правового регулирования отношений между супругами в свете проводимой социальной политики государством по сохранению и укреплению семьи весьма актуально.

Основная часть

В научной литературе Брачный договор рассматривается как соглашение, определяющее имущественные отношения супругов, а также условия, которые касаются прав и обязанностей детей, родителей супругов и т. д.

Брачный договор может быть заключен как в отношении уже имеющихся имущественных прав, так и в отношении собственности, которую супруги смогут приобрести в будущем, находясь в браке, и заключается он именно в связи с продолжающимися брачно-семейными отношениями.

Вступая в брак, многие граждане не задумываются о том, как будут строить свои семейные отношения, каким образом будут пользоваться приобретенным в будущем имуществом. По статистическим данным в Республике Беларусь распадается каждый

второй брак. Поэтому правильное практическое применение и теоретическая разработка вопросов, связанных с регулированием личных и связанных с ними имущественных прав и обязанностей супругов при расторжении брака помогут избежать множества споров и конфликтов в данной области. Наиболее действенным средством урегулирования данных вопросов является Брачный договор, имеющий законодательное закрепление в ст. 13, 13-1 КоБС [1].

Исследованием Брачного договора занимается достаточно большое количество зарубежных и отечественных ученых, при этом теоретики акцентируют внимание на изучении отдельных элементов договорных обязательств супругов. Так, Я.И. Функом, Н.В. Копытковой, О.Н. Низамиевой, Л.М. Пчелинцевой указывается на отсутствие дефиниции Брачного договора в КоБСе. М.В. Антокольская, Л.М., Дороженко и др. считают, что Брачный договор относится к категории договоров, порядок заключения которых урегулирован нормами гражданского права, т.е. вопрос о его правовой природе является не менее дискуссионным.

В юридической литературе выработались две противоположные позиции относительно отраслевой принадлежности Брачного договора.

Сторонники первой позиции (О.Н. Низамиева, И.В. Злобина) постулируют обусловленность природы Брачного договора некоторыми отличительными особенностями, на основании которых Брачный договор имеет семейно-правовую природу.

Так, О.Н. Низамиева выделяет следующие особенности Брачного договора:

- специфический субъектный состав (супруги и лица, вступающие в брак);
- зависимость от брачных отношений, вне которых данный вид договора не может существовать;
- своеобразие предмета договора (не только имущество, имеющееся в наличии, но и еще не приобретенное);
- особое содержание, поскольку перечень существенных условий законом не установлен;
- нерасторжимая связь с личными отношениями [5, с. 49–50].

И.В. Злобина обосновывает семейно-правовую природу Брачного договора, сосредоточив внимание на “тех приметах, признаках, которые невозможно объяснить с помощью традиционных конструкций гражданского права, и, прежде всего, на Брачном договоре между лицами, вступающими в брак” [6, с. 16].

Сторонники второй позиции, и их большинство, М.В. Антокольская, Л.М. Пчелинцева, С.С. Дороженко и другие считают, что Брачный договор относится к гражданско-правовой отрасли.

Действительно, возможность заключения Брачного договора, его изменение и прекращение, наряду с КоБС предусмотрена и Гражданским Кодексом Республики Беларусь (далее ГК) [7]. Брачный договор – это в первую очередь договор, если определять его правовую принадлежность.

Так, М.В. Антокольская утверждает, что Брачный договор представляет собой особый вид гражданского договора, условия которого направлены на установление или изменение правового режима имущества, раздела общей совместной собственности, определение порядка использования объектов, находящихся в общей собственности [3, с. 167].

По мнению Л.М. Пчелинцевой, Брачный договор по своей природе представляет собой одну из разновидностей гражданско-правовых договоров. Поэтому Брачный договор должен удовлетворять требования действующего гражданско-правового законодательства: он заключается только в письменной форме и подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Кроме того, изменение и расторжение Брачного до-

говора производится по основаниям и в порядке, предусмотренным ГК для изменения и расторжения договора [8, с. 203].

С.С. Дороженко также выражает свое согласие на то, что по своей природе Брачный договор относится к гражданско-правовой отрасли. Брачный договор – это разновидность сделки и один из видов гражданско-правовых договоров. О гражданско-правовой природе Брачного договора говорит тот факт, что изменение и расторжение его осуществляются по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ГК. Кроме того, КоБС гласит, что к отношениям, не урегулированным семейным законодательством, применяются нормы ГК, так как это не противоречит существу семейных отношений [9, с. 92].

Проанализировав вышеизложенные позиции, мы приходим к выводу, что обе они имеют право на существование, так как Брачный договор – это соглашение, на основании которого регулируются права и обязанности супругов. Кроме того, его изменение и расторжение осуществляются по основаниям и в порядке, установленным нормами как ГК, так и КоБС.

Еще одна проблема, которая активно обсуждается в науке семейного права – это предметная область правового регулирования брачно-договорных отношений, к определению которой, в мировой практике сформировано два подхода.

Первый подход ограничивает предметную область Брачного договора исключительно имущественными правоотношениями супругов. Такой подход воспринят законодателями ряда государств, принадлежащих к романо-германской правовой семье, а также странами Прибалтики, Украиной и Российской Федерацией (применительно к постсоветскому географическому пространству).

Другой подход поддерживается законодательствами стран англо-саксонской системы права, например, в США, Канаде. В данном случае Брачный договор может содержать одновременно условия, регулирующие имущественные отношения супругов, а также регламентирующие сферу их личных неимущественных отношений. Несмотря на то, что Республика Беларусь относится к романо-германской правовой семье, в ее законодательстве закреплён второй подход.

На современном этапе семейное право Республики Беларусь имеет успешную практику в области правового регулирования некоторых видов личных неимущественных отношений в семье: вопросы воспитания детей, выбора фамилии супругов, выбор места жительства и др. При этом семейным законодательством выработан эффективный механизм защиты личных прав участников семейных отношений.

В нашем государстве в Брачном договоре можно определить некоторые варианты поведения супругов в их частной повседневной жизни, а именно: кто будет мыть посуду, выносить мусор, выгуливать собаку и т. д. Кроме этого, можно предусмотреть обязанность соблюдать супружескую верность, обязательство посещения различных развлекательных мест исключительно в сопровождении второго супруга и т. д. Все эти условия не противоречат законодательству. Проблема заключается в том, что государство не может в полной мере гарантировать исполнение супругами таких положений.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что если Брачный договор, в котором содержатся условия, касающиеся личных прав супругов, будет составлен грамотно, то он может явиться действенным инструментом для пресечения недобросовестности супругов. Представляется целесообразным включить в Брачный договор условия, предусматривающие для недобросовестного супруга определенную ответственность. К примеру, в Брачном договоре можно зафиксировать материальную ответственность за недобросовестное поведение супруга, проявляющееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении супругом взятых на себя обязательств: в случае

супружеской неверности совместное имущество супругов будет подлежать разделу между ними в неравных долях с передачей большей части имущества в личную собственность пострадавшей (добросовестной) стороны.

Однако при заключении Брачного договора следует помнить о том, что он не должен нарушать права и законные интересы других лиц, противоречить законодательству Республики Беларусь, а также ограничивать правоспособность и дееспособность супругов, не должен содержать условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Так, нельзя, например, требовать, чтобы супруга стала домохозяйкой или супруг сменил работу на другую, с более высокой оплатой труда, так как все это нарушает права человека, закрепленные в Конституции Республики Беларусь. Кроме того, в Брачный договор нельзя включать элементы завещания, соглашения, уменьшающие установленный законом размер алиментов на несовершеннолетних детей. Также Брачный договор, не может содержать условий, не урегулированных законом.

Заключение

Таким образом, брачно-семейные отношения супругов наряду с законодательством могут быть урегулированы Брачным договором, что предупреждает возникновение споров между сторонами по поводу имущества и минимизирует постороннее вмешательство в личную жизнь семьи.

Вопрос о предмете Брачного договора на настоящем этапе развития науки семейного права заключается в том, чтобы определить, представляется ли включение личных отношений в предмет брачно-договорных отношений целесообразным, эффективным и соответствующим принципам и задачам семейного права. В связи с тем, что возможность обеспечения исполнения супругом личных обязательств или восстановления нарушенного личного права известными средствами правовой защиты находится под вопросом, автор считает целесообразным при регулировании материальных и личных взаимоотношений супругов с помощью Брачного договора четко прописать в нем условия ответственности для недобросовестного супруга, виновного в распаде семьи.

Но, если все-таки предмет брачно-договорных отношений будет лимитирован только имущественной сферой отношений супругов, возникает закономерный вопрос: в чем же заключается отличие Брачного договора от обычной гражданско-правовой сделки?

Нам видится, что Брачный договор относится к семейно-правовой отрасли, так как предполагает урегулирование как имущественных, так и личных брачно-семейных отношений между супругами и лицами, вступающими в брак. Однако полный ответ на этот вопрос может дать только глубокий анализ результатов продолжительной практики применения соответствующих норм в различных правовых системах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Селезнева, Т. Ю. Брачный договор: история и перспективы развития законодательства / Т. Ю. Селезнева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2006. – № 8. – С. 199–202.
3. Антокольская, М. В. Лекции по семейному праву : учеб. пособие / М. В. Антокольская. – М. : Юристъ, 1995. – 108 с.

4. Об утверждении основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 янв. 1998 г., № 46 : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. **Низамиева, О. Н.** Договорное регулирование имущественных отношений в семье / О. Н. Низамиева. – Казань : Таглитат, 2014. – 230 с.
6. **Злобина, Н. В.** О юридической сущности брачного контракта : гражданско-правовая сделка или супружеский контракт / Н. В. Злобина // Закон и право. – 2001. – № 8. – С. 16–21.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. (с изм. и доп.) // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. **Пчелинцева, Л. М.** Семейное право России: учебник. / Л. М. Пчелинцева – М. : Норма, 2015. – 530 с.
9. **Дороженко, С. С.** Брачный договор. Понятие и содержание / С. С. Дороженко // Закон и право. – 2006. – № 11. – С. 92–93.

Поступила в редакцию 14.05.2019 г.

Контакты: ira_dankova@mail.ru (Данькова Ирина Валерьевна)

Artem.LetterBox@mail.ru (Выскребцев Артем Игоревич)

Dankova I., Vyskrebtev A. CURRENT ISSUES OF CONTRACTUAL REGIME OF MARITAL PROPERTY IN THE REPUBLIC OF BELARUS.

Marriage contract has a certain value in the process of legal regulation of matrimonial regime. This agreement protects the rights and legitimate interests of those who chose the path of contractual regulation of possible property disputes and conflicts. The article deals with some issues related to the subject of legal regulation and the legal nature of marriage contract.

Keywords: contractual regime, property rights of spouses, marriage contract, subject of marriage contract

УДК 342.571

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (конституционно-правовой анализ)

В. В. Гончаров

кандидат юридических наук,
исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации
“Ассоциация независимых правозащитников”
Краснодар, Россия

В настоящей статье проводится конституционно-правовой анализ общественного контроля как средства противодействия коррупции в органах государственного управления в Российской Федерации.

Автор исследует правовую природу права народа на осуществление общественного контроля.

В статье обосновывается авторское понятие общественного контроля через призму определения его в качестве гарантии реализации конституционных принципов народовластия и участия общественности в государственном управлении, а также гарантии обеспечения законности работы органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц, неотвратимости привлечения к ответственности тех из них, чья деятельность носила противоправный (в том числе – преступный) характер.

В работе проводится анализ функций общественного контроля в сфере противодействия коррупции.

В настоящей статье использован ряд методов научного исследования, в частности: сравнение; анализ; классификация; сравнительно-правовой; обобщения.

Автор проводит анализ недостатков действующего законодательства по использованию института общественного контроля при противодействии коррупции в Российской Федерации, а также формулирует предложения по их разрешению.

Ключевые слова: общественный контроль; Российская Федерация; народ; конституционно-правовой; коррупция; народовластие; участие общественности; управление делами государства.

Введение

Настоящая статья посвящена конституционно-правовому анализу общественного контроля как средства противодействия коррупции в органах государственного управления в Российской Федерации.

Цель исследования: выявить основные проблемы, связанные с использованием общественного контроля в Российской Федерации в качестве средства противодействия коррупции в органах государственного управления, обосновав пути их разрешения, для того, чтобы обеспечить оптимальную организацию и функционирование данного института гражданского общества.

Задачи исследования: 1) исследовать правовую природу права народа на осуществление общественного контроля и дать определение понятию общественного контроля в Российской Федерации через призму определения его в качестве гарантии

© Гончаров В. В., 2019

реализации конституционных принципов народовластия и участия общественности в государственном управлении, а также гарантии обеспечения законности работы органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц, неотвратимости привлечения к ответственности тех из них, чья деятельность носила противоправный (в том числе – преступный) характер; 2) провести анализ функций общественного контроля в сфере противодействия коррупции 3) провести анализ недостатков действующего законодательства по использованию института общественного контроля при противодействии коррупции в Российской Федерации, а также сформулировать предложения по их разрешению.

Основная часть

В соответствии с Конституцией Российской Федерации народ является носителем государственного суверенитета и единственным источником власти в стране. Он осуществляет свою власть как непосредственно, так и через делегирование власти органам государственной власти и местного самоуправления.

Однако во избежание узурпации властных полномочий и их незаконного присвоения отдельными органами государственной власти и местного самоуправления, а также их должностными лицами (что запрещается Основным законом страны), и во исполнение принципов народовластия и участия общественности в управлении государственными делами народ должен осуществлять контроль за делегированными полномочиями.

Это право народа закреплено в международно-правовых актах, в частности, в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, многочисленных международных пактах и конвенциях.

Так, Устав ООН в статье 1 закрепил принцип равноправия и самоопределения народов, а в ряде других статей (например, 55) в качестве основных целей и задач деятельности ООН определил содействие всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод [1]. В данном международно-правовом акте сделан акцент на первичность права народов в определении политической судьбы и приоритетов развития национальных государств. Кроме того, именно народ определен в Уставе ООН в качестве носителя государственного суверенитета, в интересах которого и существует государственный механизм, деятельность которого должна быть подчинена реализации, охране и защите прав и свобод человека и гражданина.

Международный пакт о гражданских и политических правах, в свою очередь, не содержит прямого определения понятия контроля общества за органами власти, но в ряде своих статей (1, 5, 25 и др.) закрепляет основные требования к его осуществлению: право народов на самоопределение; запрет на публичную деятельность, направленную на уничтожение прав или свобод человека и гражданина, а также их ограничение или умаление; право гражданина на участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и посредством свободно выбранных народом представителей, а также контроль за их деятельностью [2].

Подобная институционализация на международно-правовом уровне гарантий народа, с одной стороны, на реализацию своего права на народовластие, а с другой стороны, на контроль делегированных органам государственной власти и местного самоуправления и их должностным лицам властных полномочий, во многом повлияло на внедрение в национальные конституции (основные законы) демократических процедур, связанных с организацией и деятельностью государственного аппарата и муниципальных органов власти, а также общественного контроля за органами государственной власти и местного самоуправления.

Усложнение структуры общественных отношений в современных государствах, а также возрастание числа органов государственной власти и местного самоуправления (количества чиновников) требует постоянного совершенствования институтов гражданского общества, на которые опирается система общественного контроля власти в национальных обществах и государствах.

При этом международное и национальное законодательство (например, федеральные законы от 21.07.2014 №212-ФЗ “Об основах общественного контроля в Российской Федерации” от 04.04.2005 № 32-ФЗ “Об Общественной палате Российской Федерации”) [4] закрепляет положение о том, что запрет права народа на контроль делегированных власти полномочий ничтожен. В этом случае, а также, если осуществлен захват власти или незаконное ее присвоение какими-либо органами государственной власти или местного самоуправления и их должностными лицами, народ имеет право на конструктивный протест, вплоть до революции.

Таким образом, институт общественного контроля имеет важное значение для развития демократии и народовластия в отдельных национальных государствах.

Под общественным контролем следует понимать совокупность облеченных в правовую форму принципов, норм и общественных институтов, представляющих собой объединения граждан, массовая и добровольная деятельность которых направлена на осуществление контроля за формированием и функционированием органов государственной власти и местного самоуправления, а также за деятельностью уполномоченных юридических и физических лиц, которые наделены действующим законодательством определенным набором властных полномочий, осуществляемых ими самостоятельно, либо совместно с органами государственной власти и местного самоуправления, либо от их имени и (или) по их поручению, в целях обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, формирования и функционирования органов публичной власти в соответствии с действующим законодательством и недопущения присвоения власти или ее узурпации отдельными органами власти и их должностными лицами.

Однако, как справедливо отмечает А.А. Плотников: “Выгоды от общественного контроля получают не только граждане (его результатом является пресечение произвола в государственных и муниципальных органах, улучшение качества работы этих органов), но и сами государственные и муниципальные органы, работа которых становится более эффективной” [5, с. 111].

То есть общественный контроль выступает не только гарантией реализации конституционных принципов народовластия и участия общественности в государственном управлении, но и гарантией обеспечения законности работы органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц, неотвратимости привлечения к ответственности тех из них, чья деятельность носила противоправный (в том числе – преступный) характер.

Федеральное законодательство о государственной и муниципальной службе, например, Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ “О государственной гражданской службе Российской Федерации” [6], Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ “О муниципальной службе в Российской Федерации” [7], закрепило в качестве одного из принципов организации и деятельности органов государственного и муниципального управления необходимость взаимодействия с общественными объединениями и гражданами. Кроме того, ряд федеральных законов и указов главы государства содержат многочисленные требования по обеспечению гласности и открытости деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц, их подконтрольности обществу.

Однако органы публичной власти (с момента их появления в человеческой истории) сопровождается масса нарушений, последствия которых противоречат целям создания и функционирования государственного аппарата. Бюрократическому аппарату, составляющему сущность механизма государственной власти и местного самоуправления присущи те же пороки и недостатки, которые имеются у любого человека: лень, склонность ставить личный интерес впереди общественного и государственного, совершать правонарушения и преступления.

Если подобные преступления и правонарушения вызваны личными корыстными мотивами, то речь идет о коррупции в рядах бюрократического аппарата органов государственной власти и местного самоуправления. Основная роль в механизме борьбы с подобными преступлениями и правонарушениями отводится правоохрнительным органам и органам правосудия, а также иным органам государственного и судебного контроля.

В случаях если данные правонарушения и преступления сопряжены с незаконным присвоением властных полномочий, или их удержанием, то они нарушают и конституционные принципы народовластия и участия общественности в управлении государственными делами.

В борьбе с подобными правонарушениями и преступлениями особую значимость приобретает институт общественного контроля, мероприятия которого осуществляются многочисленными субъектами общественного контроля.

Под субъектами общественного контроля Федеральный закон “Об основах общественного контроля в Российской Федерации” от 21.07.2014 № 212-ФЗ в части 1 статьи 9 понимает: “1) Общественную палату Российской Федерации; 2) общественные палаты субъектов Российской Федерации; 3) общественные палаты (советы) муниципальных образований; 4) общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации” [3].

При этом список субъектов общественного контроля признается не окончательным. И для осуществления общественного контроля в случаях и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, могут создаваться: “1) общественные наблюдательные комиссии; 2) общественные инспекции; 3) группы общественного контроля; 4) иные организационные структуры общественного контроля” [3].

Анализ ряда других федеральных законов, в частности, части 2 статьи 4 Федерального закона “Об Общественной палате Российской Федерации” от 04.04.2005 № 32-ФЗ, показывает, что перечень субъектов общественного контроля чрезвычайно широк и разнообразен [4].

К ним могут относиться не только субъекты общественного контроля, которые предусматриваются федеральным законодательством, но и аналогичные структуры, создаваемые в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации, а также нормативно-правовыми актами органов местного самоуправления.

По мнению некоторых ученых, перечень субъектов общественного контроля в целом не окончателен, что обусловлено достаточно большой децентрализацией органов государственного управления [8, с. 98–105; 9, с. 108–110]. Более того, ряд авторов, предлагает в перечень субъектов общественного контроля включить народ, как первичный субъект общественного контроля [10, с. 21–25].

Одной из разновидностей общественного контроля выступает общественный контроль в сфере противодействия коррупции. Как справедливо отметил П.А. Каба-

нов: “Общественный контроль в сфере противодействия коррупции – это специальная деятельность компетентных представителей институтов гражданского общества, с использованием установленных нормативными правовыми актами механизмов и инструментов, осуществляемая в целях оценки состояния коррупции в органах публичной власти, государственных и муниципальных организациях, иных органах и организациях, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, принимаемых ими мерах по ее нейтрализации, а также выработки мер по повышению эффективности противодействия ей” [11, с. 183].

Однако представляется, что данная формулировка несколько сужает сферу деятельности общественного контроля в противодействии коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации, так как вне зоны ее охвата остается деятельность субъектов общественного контроля по: профилактике и предупреждению коррупции; взаимодействию с органами государственного и судебного контроля; доведению до широкой общественности имевших место фактов преступлений и правонарушений государственных и муниципальных служащих; по обеспечению обратной связи между обществом и государственным аппаратом; по отслеживанию последствий выявленных правонарушений и преступлений, а также юридической судьбы возбужденных уголовных дел и дел об административных правонарушениях.

Роль и место общественного контроля в противодействии коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации достаточно широко изучены в отечественной научной и учебной литературе [12, с. 11–14; 13, с. 10–12; 14, с. 74–77].

Представляется, что общественный контроль в сфере противодействия коррупции выполняет ряд функций:

1) Оптимизирует работу органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц. Как справедливо отмечает Ю.В. Бажукова: “Всей своей деятельностью органы общественного контроля должны способствовать улучшению работы учреждений, организаций и предприятий, нравственному воспитанию их сотрудников, предупреждать должностных лиц от ошибок и упущений в работе, добиваться устранения выявленных недостатков” [15, с. 3]. Это позволит повысить не только профессиональный уровень государственных и муниципальных служащих, но и обеспечить надлежащий уровень этического должностного поведения их поведения в процессе исполнения должностных обязанностей.

2) Позволяет обеспечить прозрачность деятельности аппарата государственного и муниципального управления для институтов гражданского общества с целью обеспечения конституционных принципов гласности в работе органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц. По мнению В.В. Добробаба, посредством регулярного осуществления мероприятий общественного контроля существенно сужается возможность принятия непопулярных и незаконных решений органами публичной власти из-за боязни широкой их огласки перед общественностью [16, с. 77–80]. Действительно, как показало исследование практики осуществления общественного контроля деятельности органов государственного управления в сфере образования Московской области, регулярное осуществление мероприятий общественного контроля путем проведения общественных экспертиз принимаемых нормативных актов в области образования в Московской области, общественных проверок, публичных слушаний, привело к снижению выявленных фактов правонарушений и преступлений должностными лицами органов образования в 2013–2017 гг. в 3,9 раза [17, с. 103].

3) Минимизирует риски возникновения и развития коррупции в работе органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц. Как отмечает ряд авторов, наличие эффективно действующих институтов гражданского общества, осуществляющих общественный контроль за деятельностью органов публичной власти, существенно уменьшает вероятность организации и реализации коррупционных схем [18, с. 62–64].

4) Позволяет наладить механизм обратной связи между народом в лице институтов гражданского общества и органов государственного и муниципального управления, что позволяет обеспечить их ответственную деятельность в интересах населения всей страны. Как справедливо отмечает Г.А. Василевич: “Само по себе информирование о фактах коррупции без обратной связи формирует атмосферу циничного отношения к коррупции. Должно быть общественное осуждение, а еще лучше публичное раскаяние в совершении коррупционного преступления, что может влиять на меру наказания” [19, с. 42].

Действительно, важное значение имеет не только обнаружение фактов коррупции в деятельности работников публичных органов власти, но и общественное порицание как самих фактов, так и личностей нарушителей.

5) Играет важную роль в формировании общественного антикоррупционного контроля как системы мер по профилактике, противодействию коррупции, а также искоренению негативных последствий, вызванных коррупционной деятельностью должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления. Как отмечает ряд авторов: “Общественный антикоррупционный контроль представляет собой один из ключевых механизмов противодействия и подавления коррупции. Если власть стремится поставить под свой административный контроль или теми или иными средствами ограничить и препятствовать его автономной работе, то она тем самым способствует безнаказанности коррумпированных чиновников и распространению метастазов коррупции по всей системе власти” [20, с. 130].

6) Создает существенную поддержку органам государственного контроля, правоохранительным органам и судам в деле борьбы с коррупционными преступлениями и правонарушениями. Как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева: “Социальный контроль в сфере противодействия коррупции – сложный феномен, синтезирующий управленческие и правовые начала, экономическую, социологическую и психологическую составляющие. Понимание его созидательной природы, потенциала сотрудничества между различными общественными структурами для достижения общего блага должно быть положено в основу юридической конструкции этого института и его последовательной институционализации в государственной и общественной практике” [21, с. 9].

Однако, по мнению ряда авторов, действующее законодательство и практика его применения содержит ряд существенных недостатков по использованию института общественного контроля при противодействии коррупции.

Так, по мнению П.Ю. Кузнецовой, “в ряде субъектов РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления недостаточно активно используют потенциал институтов гражданского общества, прежде всего Общественных палат субъектов РФ в реализации мероприятий по противодействию коррупции, и существует ряд проблем в сфере реализации независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), в том числе недостаточное количество аккредитованных экспертов, отсутствие в открытом доступе информации о проведенных экспертизах и их результатах, низкий уровень информированности граждан относительно данной формы общественного антикоррупционного контроля” [22, с. 86].

Решение данной проблемы видится в стимулировании государством и органами местного самоуправления (в том числе – путем предоставления государственных и муниципальных грантов) деятельности общественных некоммерческих организаций, обеспечивающих деятельность субъектов общественного контроля. Кроме того, ситуация усугубляется тем, что на начало 2018 г. в более чем 60% муниципальных образований в стране отсутствовали общественные палаты, которые могли бы выступить в качестве организующей силы и информационной площадки для организации полномасштабной борьбы с коррупцией в деятельности органов местного самоуправления [17, с. 180].

Значительной проблемой в использовании института общественного контроля в борьбе с коррупцией в органах государственной власти и местного самоуправления выступает низкая активность субъектов общественного контроля в реализации мероприятий общественного антикоррупционного контроля. Это, во многом, обусловлено, боязнью применения в отношении активистов общественного контроля коррупционерами административного ресурса. Так, например, в отношении представителей общественных организаций, борющихся против коррупции, связанной с незаконной приватизацией земельных участков, имеют место давление со стороны органов власти [17, с. 191].

Решением данной проблемы могло бы быть внесение в Уголовный кодекс Российской Федерации, а также Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях статей, предусматривающих уголовную и административную ответственность должностных лиц за правонарушения и преступления, связанные с противодействием общественному контролю в области борьбы с коррупцией.

Достаточно большой проблемой использования институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией является отсутствие в большинстве регионов общественно-консультативных органов, специализирующихся на проблемах коррупции. По мнению ряда авторов, это во многом связано с нежеланием руководства регионов создавать подобные публичные площадки для обсуждения состояния коррупции в субъекте России, а также мер борьбы с ней [23, с. 34–37].

Определенным решением данной проблемы может стать разработка на уровне Общественной палаты Российской Федерации совместно с Правительством страны комплексной программы по стимулированию создания специализированных субъектов общественного контроля на уровне регионов для активизации борьбы с коррупцией.

Представляется, что без оптимизации системы общественного контроля в области борьбы с коррупцией, ее тесного взаимодействия с органами государственного и судебного контроля, невозможна успешная борьба с данным негативным явлением, возникающим в процессе организации и деятельности органов публичной власти.

Заключение

Данные изменения позволят усовершенствовать законодательную базу общественного контроля, превратив его в действенный инструмент по искоренению причин и условий, способствующих нарушению прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 01.11.2018).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. – № 17. – Ст. 291.
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 №212-ФЗ // Российская газета. – 23.07.2014. – № 6435 (163).
4. Об Общественной палате Российской Федерации : Федеральный закон от 04.04.2005 № 212-ФЗ // СЗ РФ. – 11.04.2005. – № 15. – Ст. 1277.
5. **Плотников, А. А.** Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции / А. А. Плотников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия, Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 105–111. (с. 111)
6. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 №79-ФЗ // СЗ РФ. – 02.08.2004. – № 31. – Ст. 3215.
7. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ // СЗ РФ. – 05.03.2007. – № 10. – Ст. 1152.
8. **Крицкая, М. С.** Объекты и субъекты общественного контроля за деятельностью полиции в условиях децентрализации государственного управления / М. С. Крицкая // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 3(36). – С. 98–105.
9. **Пищулин, О. В.** Цели, объекты и субъекты общественного контроля / О. В. Пищулин // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 108–110.
10. **Косинов, С. А.** Народ как первичный субъект осуществления контроля над публичной властью / С. А. Косинов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2014. – № 9(99). – С. 21–25.
11. Общественный контроль в сфере противодействия коррупции: научная категория и ее содержание // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 3(31). – С. 178–185.
12. **Федоров, А. В.** Социальный контроль и коррупционные правонарушения юридических лиц / А. В. Федоров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 4(65). – С. 11–14.
13. **Купреев, С. С.** Общественный контроль как средство противодействия коррупции в органах власти и управления / С. С. Купреев // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 9(33). – С. 10–12.
14. **Уртаев, З. А.** Общая характеристика деятельности общественных организаций в борьбе с коррупцией / З. А. Уртаев, А. К. Хадиков // Проблемы научной мысли. – 2018. – Т. 3. – № 1. – С. 074–077.
15. **Бажукова, Ю. В.** Общественный контроль как средство противодействия коррупции в системе исполнительной власти РФ / Ю. В. Бажукова / Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2013. – № 11-2. – С. 3–5. (с. 3)
16. **Добробаба, В. В.** Общественный контроль в механизме противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации / В. В. Добробаба // Очерки новейшей камералистики. – 2013. – № 1. – С. 77–80.
17. **Жилин, С. М.** Общественный контроль власти в Российской Федерации в условиях чрезвычайного и военного положения : монография / С. М. Жилин. – М., 2018. – 311 с.
18. **Сухаренко, А. Н.** Общественный контроль как средство противодействия коррупции в России / А. Н. Сухаренко // Российская юстиция. – 2013. – № 6. – С. 62–64.
19. **Василевич, Г. А.** Сочетание мер правового и общественного воздействия – важнейший фактор противодействия коррупции / Г. А. Василевич / В сборнике: Проблемы реализации общественного контроля на уровне местного самоуправления сборник материалов Международной научно-практической конференции ; отв. ред. Т. Н. Михеева. – 2016. – С. 39–47.
20. **Шедий, М. В.** Общественный антикоррупционный контроль как механизм противодействия коррупции / М. В. Шедий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 2(32). – С. 123–130.
21. **Хабриева, Т. Я.** Социальный контроль и противодействие коррупции / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 4(65). – С. 5–10.

22. **Кузнецова, П. Ю.** Участие институтов гражданского общества в общественном анти-коррупционном контроле (российский опыт) / П. Ю. Кузнецова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. – 2015. – № 4. – С. 80–88.
23. **Гиляров, Е. М.** Общественный контроль как механизм противодействия коррупции в органах государственной власти / Е. М. Гиляров, В. В. Шабуня // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2014. – № 3. – С. 34–37.

Поступила в редакцию 10.04.2019 г.

Контакты: niirgergo2009@mail.ru (Гончаров Виталий Викторович)

Goncharov V. PUBLIC CONTROL AS MEANS OF CORRUPTION COUNTERACTION IN GOVERNING BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION (constitutional law analysis).

A constitutional law analysis of public control as a means of corruption counteraction in the governing bodies of the Russian Federation is provided in the article. The author examines the legal nature of the people's right to public control. The author's interpretation of the concept of public control is given as a guarantee of constitutional principles of democracy and people's involvement in public administration, provision of state and local governing bodies legality, inevitability of punishment for those whose activities are unlawful. The analysis of public control functions in the sphere of corruption counteraction is carried out. The author points out some flaws in the current public control laws while tackling corruption in the Russian Federation and offers some solutions to the problem.

Keywords: public control, Russian Federation, people, corruption, public administration, public involvement, state administration.

УДК 341.215.43

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ПРЕБЫВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. Внученкова

аспирант

Белорусский государственный университет

В статье анализируются правовые акты, определяющие порядок въезда и выезда иностранных граждан и лиц без гражданства, транзитного проезда через территорию Республики Беларусь, их передвижение по территории Республики Беларусь, административную ответственность за нарушение режима пребывания. Несмотря на то, что в последние годы проделана серьезная работа по совершенствованию законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, современные тенденции развития международных отношений порождают необходимость реформирования отечественного законодательства в данной области. В связи с этим представляется актуальным его обзор и анализ.

Ключевые слова: иностранные граждане, лица без гражданства, правовой режим, депортация, транзитный проезд.

Введение

Процессы глобализации, развитие интеграционных процессов и социальных коммуникаций обострили проблему правового регулирования пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь. Кроме того, актуальность исследования вопросов пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь обусловлена тем обстоятельством, что изменение законодательства, упрощающего въезд иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию Республики Беларусь, развитие туризма, привели к увеличению количества приезжающих в нашу страну и проживающих в ней иностранных граждан и лиц без гражданства.

По данным МВД Республики Беларусь за 6 месяцев 2018 г. в Республике Беларусь находилось 46,9 тыс. иностранцев, имеющих разрешение на временное проживание, из них почти 12 тыс. иностранцев, прибывших к супругу или близкому родственнику, свыше 16 тыс. – на учебу, более 11 тыс. – по служебным делам, а также 174,3 тыс. иностранцев, имеющих разрешения на постоянное проживание [1].

Иностранные граждане и лица без гражданства прибывают на территорию Республики Беларусь с различными целями: туристическими, трудоустройства, поиска убежища и т. п. Исходя из соображений обеспечения национальной безопасности и охраны общественного порядка, устанавливается режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [2, с. 120]. По нашему мнению, данный режим устанавливается также с целью обеспечить соблюдение прав и свобод как граждан Республики Беларусь, так и иностранных граждан и лиц без гражданства. С целью регулирования пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь разработаны правила, в совокупности составляющие правовой

режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории нашей страны. Безусловно, законодательство, регулирующее данные правила обширно, поэтому в рамках данной статьи проведен обзор и анализ лишь некоторых (основных) актов законодательства, регламентирующих отношения в данной сфере.

Основная часть

Административно-правовой режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства “представляет собой совокупность правовых норм и организационных мер, определяющих поведение иностранных граждан и лиц без гражданства в связи с реализацией ими права на проживание на территории республики и передвижение по ней, а также определенный порядок деятельности государственных органов, общественных организаций, их должностных лиц и граждан” [2, с. 120].

Установление такого режима обусловлено тем, что статус иностранных граждан и лиц без гражданства отличается от статуса граждан Республики Беларусь. При этом объем основных прав и обязанностей иностранцев и лиц без гражданства обусловлен применением по отношению к ним со стороны государства определенных правовых режимов, т. е. статус лиц, не являющихся гражданами Республики Беларусь, зависит от правовых режимов, установленных государством [3, с. 27]. Как отмечает О.В. Кутилин, иностранные граждане и лица без гражданства не имеют устойчивой связи с государством, у них отсутствуют некоторые обязанности (например, обязанность нести воинскую службу), они имеют ограничения в правах или особый порядок их реализации и т. д. [4, с. 28–35].

Анализ законодательства Республики Беларусь, регламентирующего режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, позволяет выделить следующие взаимосвязанные направления правового регулирования пребывания: 1) порядок проживания и передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь; 2) меры, обеспечивающие осуществление порядка проживания и передвижения их на территории Республики Беларусь. В нормативных правовых актах определяются порядок въезда-выезда иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь и за ее пределы; миграционного учета иностранных граждан в Республике Беларусь; транзитного проезда через территорию Республики Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства.

В систему нормативных правовых актов, регулирующих режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства, входят Конституция Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, указы Президента Республики Беларусь, постановления Правительства Республики Беларусь, нормативные правовые акты органов исполнительной власти.

Законодательство о пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства основано на Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), которая обозначила приоритет прав и свобод человека, в том числе и иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, согласно ст. 11 Конституции “иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами”. Более того, ст. 12 Конституции предусматривает возможность предоставления “права убежища лицам, преследуемым в других государствах за политические, религиозные убеждения или национальную принадлежность” [5].

Основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства, является Закон Республики Беларусь

от 04 января 2010 № 105-З “О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь” (далее – Закон о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства) [6]. Данным законом помимо определения общего правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства устанавливается порядок их въезда в Республику Беларусь, пребывания в Республике Беларусь и выезда из Республики Беларусь [6], передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства в пределах территории Республики Беларусь. При этом устанавливается, что для въезда на территорию Республики Беларусь им требуются документы для выезда за границу, а в определенных случаях требуется также виза.

Сегодня предусмотрены два порядка въезда иностранцев в Республику Беларусь и выезда из нее – визовый (необходимо оформление разрешения (визы), предоставляющего иностранцу право на пересечение Государственной границы Республики Беларусь с целью въезда в Республику Беларусь и (или) выезда из нее, пребывания на ее территории или транзитного проезда через территорию) и безвизовый (оформление визы не требуется) [7, с. 142–143].

Закон о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства декларирует свободу передвижения по территории Республики Беларусь, но также в целях обеспечения национальной безопасности устанавливает и некоторые ограничения на передвижение. Перечень мест, для посещения которых, и объектов, для въезда на территорию которых и пребывания на ней иностранным гражданам и лицам без гражданства необходимо специальное разрешение, утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 февраля 2006 г. № 145 “Об утверждении перечня мест, для посещения которых, и объектов, для въезда на территорию которых и пребывания на ней иностранным гражданам, лицам без гражданства необходимо специальное разрешение, а также государственных органов и иных организаций, уполномоченных выдавать такие разрешения” [8]. В зависимости от места и объекта, такие разрешения выдаются Министерством внутренних дел Республики Беларусь, Министерством по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Министерством обороны Республики Беларусь, Комитетом государственной безопасности Республики Беларусь, Государственным пограничным комитетом Республики Беларусь.

Советом Министров Республики Беларусь от 20 января 2006 г. № 73 утверждены Правила пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [9] (далее – Правила пребывания). Правила пребывания определяют перечень документов, которые обязаны иметь при себе иностранцы (действительный паспорт или документ, его заменяющий, миграционную карту, другие документы, установленные законодательством Республики Беларусь), порядок регистрации иностранцев, получения ими разрешения на временное проживание в Республике Беларусь.

Закон о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства устанавливает три режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь:

- 1) режим временного пребывания (в течение срока действия визы, до 90 суток в году);
- 2) режим временного проживания (касается тех иностранных граждан и лиц без гражданства, которые прибыли в Республику Беларусь для получения либо получающие на территории Республики Беларусь образование; являющиеся супругами, близкими родственниками граждан Республики Беларусь и другие категории, основания получения разрешения на временное проживание для которых предусмотрены в ст. 48 Закона о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства);
- 3) режим постоянного проживания (действует в отношении тех иностранных граждан и лиц без гражданства, которые являются близкими родственниками граждан

Республики Беларусь, беженцами или лицами, имеющими право убежища в Республике Беларусь, работниками и специалистами, в которых нуждаются организации Республики Беларусь, иностранными инвесторами, вложившими инвестиции в размере не менее ста пятидесяти тысяч евро в объекты инвестиционной деятельности на территории Республики Беларусь, и другие категории, перечисленные в ст. 53 Закона о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства) [6].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 февраля 2006 г. № 144 утверждено Положение о порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь [10], в котором определяется порядок выдачи иностранцам разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь. Таковым считается “оформленное в виде заключения решение Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел, территориальных органов внутренних дел, предоставляющее иностранцу право на постоянное проживание в Республике Беларусь” [11]. Данное Положение определяет порядок рассмотрения обращений иностранцев о выдаче разрешений на постоянное проживание и их аннулирование, а также порядок осуществления контроля за постоянным проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства.

Указом Президента Республики Беларусь от 09 января 2017 № 8 “Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан” [11] (далее – Указ № 8) устанавливается безвизовый порядок въезда в Республику Беларусь, выезда из Республики Беларусь в пункте пропуска через Государственную границу Республики Беларусь Национальный аэропорт Минск и временного пребывания на территории Республики Беларусь на срок не более тридцати суток со дня въезда для имеющих действительные документы для выезда за границу граждан некоторых государств.

Указом Президента Республики Беларусь от 26 декабря 2017 г. № 462 “Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан” для граждан некоторых государств устанавливается безвизовый порядок въезда в Республику Беларусь, выезда из Республики Беларусь через Государственную границу Республики Беларусь в автодорожных и железнодорожных пунктах пропуска на территории Брестской и Гродненской областей следующих в Республику Беларусь с целью посещения туристско-рекреационной зоны «Брест» или парка “Августовский канал” на срок тура, реализованного туристическим оператором, оказывающим услуги на территории туристско-рекреационной зоны “Брест” или парка “Августовский канал” [12]. Данным Указом предусматривается возможность продления срока тура в случае приобретения дополнительных туристических услуг, требующих более длительного пребывания.

Порядок транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь устанавливается Законом о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и должен осуществляться в течение двух суток со дня въезда иностранца в Республику Беларусь, за исключением случаев вынужденной остановки.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2006 г. № 63 утверждены Правила транзитного проезда (транзита) иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию Республики Беларусь [13], в которых дается понятие транзитного проезда, определяются права и обязанности иностранцев, следующих транзитом через территорию Республики Беларусь, порядок остановок.

Транзитный проезд через территорию Республики Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства в государство назначения всеми видами пассажирского транспорта разрешается по предъявлении транзитной визы или при наличии других виз Республики Беларусь, а также гражданам стран, с которыми Республика Беларусь имеет соответствующие соглашения о безвизовых поездках граждан и при установле-

нии Президентом Республики Беларусь безвизового порядка осуществления транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь.

Кроме того, транзитный проезд разрешается при совершении пассажирами беспересадочных полетов через территорию Республики Беларусь при следовании в страну назначения на самолетах международных авиалиний с пересадкой в аэропорту Республики Беларусь, наличии у пассажиров документов на право въезда в эту страну назначения и авиабилетов с подтверждением в них даты вылета из аэропорта пересадки, если период пребывания на территории Республики Беларусь не будет превышать 24 часов.

12 июля 2011 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2010 № 225-3 “О внешней трудовой миграции” [14], регулирующий правоотношения в области внешней трудовой миграции, связанные с трудоустройством иностранных граждан и лиц без гражданства и осуществлением ими трудовой деятельности. Названный закон направлен на обеспечение и исполнение установленных Конституцией гарантий соблюдения права каждого, кто законно находится на территории Республики Беларусь на труд и других прав и свобод личности, а также на реализацию национальных интересов Республики Беларусь в сфере миграции. Так, осуществление трудящимися-иммигрантами трудовой деятельности в Республике Беларусь допускается, если занятие свободных рабочих мест (вакансий) не может быть обеспечено гражданами и иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь, при условии наличия специального разрешения и заключения трудового договора.

Важной составляющей режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь является обязанность выезда из Республики Беларусь по истечении определенного срока пребывания. Временно пребывающие в Республике Беларусь иностранные граждане и лица без гражданства обязаны выехать из Республики Беларусь по истечении определенного им срока пребывания. Признание причины невыезда уважительной зависит от обстоятельств дела. Уважительными причинами невыезда, как правило, признаются обстоятельства, которые сделали выезд с территории Республики Беларусь физически невозможным.

В случае нарушения режима пребывания иностранными гражданами и лицами без гражданства в законодательстве предусмотрены нормы, устанавливающие административную ответственность. Так, за нарушение режима пребывания на территории Республики Беларусь (пребывание без визы Республики Беларусь, миграционной карты, паспорта или иного документа, его заменяющего, предназначенного для выезда за границу, пребывание в Республике Беларусь по недействительным документам, несоблюдение установленного порядка регистрации либо передвижения и выбора места жительства или места пребывания, уклонение от выезда по истечении установленного срока пребывания, либо пребывание в Республике Беларусь иностранца, надлежащим образом уведомленного об отказе во въезде в Республику Беларусь, до окончания срока запрета такого въезда, если в этом деянии нет состава преступления, а также нарушение правил транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь либо порядка занятия трудовой деятельностью) иностранные граждане и лица без гражданства могут быть подвергнуты административному взысканию в виде административного штрафа в размере до пятидесяти базовых величин или депортации из Республики Беларусь (ч. 1 ст. 23.55 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, далее – КоАП). В случае совершения данного правонарушения повторно следует наложение штрафа в размере от десяти до ста базовых величин с депортацией или без депортации или депортацию (ч. 6 ст. 23.55 КоАП) [15].

В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших правонарушение впервые (ч. 1 ст. 23.55 КоАП), предусмотрено альтернативное взыскание –

штраф или административное выдворение за пределы Республики Беларусь (депортация). Депортация представляет собой наиболее суровую меру ответственности для иностранных граждан и лиц без гражданства за нарушение административного законодательства. Применение депортации влечет негативные последствия для иностранца. В частности, сокращение срока временного пребывания иностранца в Республике Беларусь, аннулирование разрешения на временное проживание в Республике Беларусь или разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, запрет въезда в Республику Беларусь на срок от шести месяцев до десяти лет [16]. Карательный эффект депортации усиливается тем, что ограничивается право иностранного гражданина или лица без гражданства свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства в Республике Беларусь. Учитывая то, что, пребывая на территории Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства вступают в различного рода правоотношения (гражданские, трудовые, семейные) и, тем самым, реализуют другие права, административное выдворение влечет за собой ограничение или вовсе лишение этих прав.

В результате проведенной правоохранительными органами в мае 2017 г. операции “Нелегал” из Республики Беларусь за нарушение правил пребывания депортировано 243 иностранца [17] (в 2016 г. – 267 [18]).

Применение депортации за совершение впервые некоторых из правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 23.55 КоАП, с нашей точки зрения, является слишком суровой мерой взыскания.

По нашему мнению, было бы целесообразно исключить административное взыскание в виде депортации в случае совершения некоторых правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 23.55 КоАП впервые, и, учитывая характер и степень общественной опасности данных деяний, провести их разграничение на ч. 1 ст. 23.55 КоАП, содержащую деяния, за совершение которых впервые депортация не применяется, и ч. 11 ст. 23.55 КоАП, содержащую деяния, предусматривающие ответственность в виде депортации при совершении впервые. На основании вышеизложенного предлагается:

1. Изложить ч. 1 ст. 23.55 КоАП в следующей редакции: “1. Несоблюдение установленного порядка регистрации либо передвижения и выбора места жительства или места пребывания – влекут предупреждение или наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин”.

2. Добавить ч. 1¹ ст. 23.55 КоАП следующего содержания: “1¹. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил пребывания в Республике Беларусь, то есть пребывание в Республике Беларусь без визы Республики Беларусь, миграционной карты, паспорта или иного документа, его заменяющего, предназначенного для выезда за границу и выданного соответствующим органом государства гражданской принадлежности либо обычного места жительства иностранного гражданина или лица без гражданства или выданного международной организацией, пребывание в Республике Беларусь по недействительным документам, уклонение от выезда по истечении установленного срока пребывания, либо пребывание в Республике Беларусь иностранного гражданина или лица без гражданства, надлежащим образом уведомленного об отказе во въезде в Республику Беларусь, до окончания срока запрета такого въезда, если в этом деянии нет состава преступления, а также нарушение правил транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь либо порядка занятия трудовой деятельностью – влекут наложение штрафа в размере до пятидесяти базовых величин или депортацию”.

3. Внести изменения в ч. 6 ст. 23.55 КоАП, изложив ее в следующей редакции: “Деяния, предусмотренные частью 1 и ч. 11 настоящей статьи, совершенные повторно

в течение одного года после наложения административного взыскания за такие же нарушения, – влекут наложение штрафа в размере от десяти до ста базовых величин с депортацией или без депортации или депортацию”.

Заключение

Исходя из недопущения ущерба интересам общества и государства, правам и законным интересам граждан Республики Беларусь и иных лиц, в Республике Беларусь установлен национальный режим иностранных граждан и лиц без гражданства, который регламентирует порядок въезда и выезда иностранцев, транзитного проезда через территорию Республики Беларусь, их передвижение по территории Республики Беларусь, ответственность за нарушение режима пребывания.

Учитывая характер и степень общественной опасности правонарушений, предлагается исключить наложение взыскания в виде депортации за совершение отдельных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 23.55 КоАП, совершенных иностранным гражданином или лицом без гражданства впервые.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Справка о миграционной обстановке в Республике Беларусь за 2018 год [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=9871> Дата доступа: 16.01.2019.
2. Административно-правовые режимы Республики Беларусь / В. Ф. Ермолович[и др.]. – Минск : Академия МВД, 2013. – 291 с.
3. **Валюшко, Н. В.** Конституционно-правовой статус иностранцев и лиц без гражданства в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Н. В. Валюшко. – Минск, 2007. – 134 л.
4. **Кутилин, О. В.** Институт гражданства в зарубежных странах : учеб. пособие / О. В. Кутилин. – Минск : ИНБ, 1999. – 112 с.
5. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
6. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.10.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. **Денисенко, М. А.** Правовой режим пребывания иностранцев в Республике Беларусь / М. А. Денисенко // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2011. – Вып. 3. – С. 142–166.
8. Об утверждении перечня мест, для посещения которых, и объектов, для въезда на территорию которых и пребывания на ней иностранным гражданам, лицам без гражданства необходимо специальное разрешение, а также государственных органов и иных организаций, уполномоченных выдавать такие разрешения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 03 февр. 2006 г., № 145 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 09.07.2010 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
9. Об утверждении Правила пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 янв. 2006 г. № 73 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 15.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. Об утверждении Положения о порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 03 февр. 2006 г., № 144 : в

- ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.07.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 янв. 2017 г., №8 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 27.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
 12. Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 дек. 2017 г., № 462 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 13. Об утверждении Правил транзитного проезда (транзита) иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2006 г., № 63 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 09.07.2010 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 14. О внешней трудовой миграции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 225-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 15. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.10.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 16. Об утверждении Положения о порядке осуществления высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь по вопросам депортации таких лиц [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 февр. 2006 г., № 146 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 01.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 17. В МВД подвели итоги “Нелегала” [Электронный ресурс] / Управление информации и общественных связей МВД Республики Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=239763>. – Дата доступа: 17.01.2019.
 18. Подведены итоги “Нелегала” [Электронный ресурс] / Управление информации и общественных связей МВД Республики Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=157883>. – Дата доступа: 17.01.2019.

Поступила в редакцию 01.02.2019 г.

Контакты: vnuchenkova@list.ru (Внученкова Анастасия Юрьевна)

Vnuchenkova A. LAWS REGULATING FOREIGNERS' AND STATELESS PERSONS' VISITS TO THE REPUBLIC OF BELARUS.

Legal acts regulating entry and exit of foreign citizens and stateless persons in the Republic of Belarus, their transit through the territory of the Republic of Belarus and movement within the country, administrative liability for the violation of terms of their stay are analyzed. Despite the fact that serious work has been done to improve the legislation concerning legal status of foreigners and stateless persons in the Republic of Belarus, current tendencies in the sphere of international relations urge reformatations of the Belarusian legislation.

Keywords: foreign citizens, stateless persons, legal regime, deportation, transit.

УДК 343.35

ИСТОКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХАЛАТНОСТЬ НА ЗЕМЛЯХ БЕЛАРУСИ В XI–XVI вв.

А. Ю. Рыжанков

преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье проводится историко-правовой анализ памятников средневекового белорусского права в целях выявления истоков и тенденций установления ответственности за халатность по службе на территории Беларуси в XI–XVI вв. Определены характерные черты исторического пути закрепления ответственности средневековых служащих за должностные проступки, обоснован казуальный характер правовых норм, определяющих наказуемость неосторожных деяний, повлекших общественно-опасные последствия, а также выделены нормы-предтечи действующей ст. 428 “Служебная халатность” Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: преступление, служащий, должностное лицо, неосторожность, служебная халатность.

Введение

С течением времени общественные отношения изменяют свою природу, потому и правовые нормы не остаются неизменными, а приобретают новые формулировки и содержание в целях эффективного регулирования возникающих новых и изменяющихся старых правоотношений. Историко-правовой анализ памятников белорусского права направлен на определение истоков и тенденции развития правовой мысли об ответственности должностных лиц за халатность по службе в отечественном законодательстве. Предметом исследования стали нормы средневекового писаного права, отраженные в таких памятниках, как Русская Правда (Краткая и Пространная редакции), Общеземские привилеи 1447 г. и 1492 г., Судебник Казимира 1468 г., а также в вершине кодификации средневекового белорусского права – Статутах Великого княжества Литовского (далее ВКЛ).

Основная часть

Начало установлению юридической ответственности за халатное отношение к службе было положено в X–XII вв. в Русской правде, в которой были закреплены нормы-предтечи категории “должностные лица”.

Краткая редакция Русской правды (состоящая из Правды Ярослава (ар. 1–18), Правды Ярославичей (ар. 19–41), Покона вирного (ар. 42) и Урока мостников (ар. 43)) содержала указание на определенную категорию служащих, княжеских тивунов. Это свободные люди, которых князь назначал для выполнения обязанностей в качестве подчиненных ему судей [1, с. 95]. За убийство тивуна устанавливалась повышенная ответственность: убийца княжеского тивуна должен был заплатить князю денежное взыскание – виру в размере 80 гривен, что существенно больше виры за убийство княжеского работника (5 гривен) [2, ар. 21, 22].

В Пространной редакции Русской правды, состоящей из Суда Ярослава (ст. 1–52) и Устава Владимира Мономаха (ст. 53–121), упоминаются такие категории служащих,

как отрок и детский [3, ар. 11, 86]. Отрок упоминается в различных смыслах – как просто участник княжеской дружины и как служащий суда, помощник тивуна [3]. Детский – это служащий, непосредственно подчиненный тивуну. Его посылали исполнять приговор суда, а также разыскивать преступников и имущество [1, с. 97]. Таким образом, раньше остальных категорий служащих на территории Беларуси в правовых актах появляется упоминание о служащих суда.

Также в Пространной редакции Русской правды прослеживается разделение невиновного причинения вреда и наказуемого ненадлежащего исполнения своих обязательств: если купец, взявший товары или деньги в заем, утратил их из-за кораблекрушения, пожара или ограбления неприятелем, то доверители не могли продать его в рабство или применять к нему насилие. Если же купец вверенный ему товар пропил, проиграл или испортил по глупости, то доверители могли отдать такого купца в рабство [3, ар. 54].

В Средневековье основным источником права на белорусских землях (Витебском, Пинском, Полоцком, Смоленском и иных княжествах) оставалось местное обычное право. На некоторых землях обычай сохранял свое ведущее значение как источника права вплоть до конца XVI в. [4, с. 30].

К одной из первых попыток систематизации правовых норм на территории ВКЛ относятся общеземские привилеи (1547, 1492, 1506 г.), а также Судебник Казимира 1468 г., являющийся первым систематизированным сборником норм уголовного и уголовно-процессуального права [4, с. 30].

Привилей Великого князя Литовского Казимира 1447 г. вновь упоминает детских – служителей суда, что свидетельствует о сохранении этой службы со времен Киевской Руси [5, с. 46].

Судебником Казимира 1468 г. был сделан необходимый шаг на пути установления уголовной ответственности за халатность: преступление стало определяться как противоправное деяние, а не только причинение вреда. Тот преступник, кто “ис права выступил” (6, ар. 12). Это позволит в дальнейшем установить ответственность за невыполнение обязанностей. Например, Судебник Казимира 1468 г. обязывал жителей своевременно чинить мосты и дороги. Лиц, уклоняющихся от выполнения этой обязанности, признавали преступниками и наказывали десятью рублями штрафа [6, ар. 25].

Привилей-грамота Великого князя Литовского Александра 1492 г. стала закреплять общегосударственный статус служащих административного и судебного аппаратов ВКЛ: “Ваяводы, старасты, дзяржаўцы, урадоўцы і ўсе намеснікі ў нашым вялікім княстве застаюцца з поўнай пашанай і правамі на сваіх дзяржавах ... няхай іх трымаюць і захоўваюць, няхай судзяць і ўпраўляюць, спаганяюць падаткі і свае даходы, як з даўна, і няхай іх службоўцы выконваюць свае абавязкі або прыезды з мэтай разбору спраў, згодна звычая правінцы” [7, с. 223].

Этим же правовым актом законодатель совершил следующий значимый шаг, установив ответственность специального субъекта права – служащих. Впервые провозглашался суд над служащими, обвиненными в расхищении и расточительстве. Виновный служащий “павінен быць пакараны па заслугах” [7, с. 223]. В наказание виновные лишались своих должностей и имений, что аналогично применяемому сейчас наказанию в виде лишения права занимать определенные должности.

Также провозглашались требования вынесения судом справедливых решений, запрета взяток и судебной необъективности [8, с. 262].

Вершиной систематизации и кодификации средневекового права на территории Беларуси стала разработка и принятие законов ВКЛ – Статутов 1529, 1566 и 1588 гг. Статуты представляли собой обширные правовые акты, содержащие нормы различных отраслей права [9].

Подготовка первого Статута ВКЛ велась в первой четверти XVI ст. Уже в 1522 г. был подготовлен его проект, однако только 29 сентября 1529 г. он вступил в силу. Его готовили ученые и юристы-практики на основе кодификации норм обычного права, решений судебных и административных учреждений, а также привилеев. Статут ВКЛ 1529 г. состоял из 13 разделов и 244 статей, позже в связи с дополнениями количество статей увеличилось до 283 [10, с. 43].

В Статуте ВКЛ 1529 г. законодатель, регулируя деятельность служащих, не только перечисляет их должности, но и вводит нормы, регулирующие деятельность общей категории – “врядников”, под которыми понимались служащие управленческого и судебного аппарата ВКЛ [11, с. 539]. Категория “княжеских врядников” близка к категории “службовых особ”, поскольку, как и последние, являлись “представником власти або особою, яка виконує організаційно-розпорядчі обов’язки, або здійснювала адміністративно-господарські функції” [12, с. 73].

Кроме общих обязанностей врядников (судить, управлять и т. п.), артикулами Статута ВКЛ 1529 г. предписываются также иные различные обязанности для отдельных категорий врядников: хоружих, маршалков, воевод, старост, державцев, судий, вижов, детских и т. д. За невыполнение или ненадлежащее выполнение этих обязанностей служащий мог быть признан виновным в должностном преступлении.

Раздел “Об обороне земской” содержит описание одного из таких проступков: “прикажем хоружим, абы не смел... землянина дома осадити... А естли бы который з них землянина дома осадил..., и перед гетманом втаил або ... отпустил землянина ..., тогда таковой хоружий врад и имение тратить” [13, р. 2 ар. [10] 9].

При этом Статут ВКЛ 1529 г. предусматривал наряду с утратой должности и иные меры взыскания, применяемые к служащим. Например, старшина гарнизона, отпуская людей по окончании ими службы, не имел право ничего с них взимать, иначе обязан был заплатить штраф двенадцать рублей грошей [13, р. 2 ар. [9] 8].

Целый раздел Статута ВКЛ 1529 г. посвящен деятельности судей: требованиям к судьям; порядку судебного процесса; основаниям апелляции судебных решений; обязанностям детских и оплаты их труда и т. д.

Средневековый законодатель понимал важность не только наказания, но и восстановления нарушенных прав. Об этом свидетельствует установление обязанности возмещать ущерб и издержки судей, который постановил незаконный приговор. Однако при этом иных санкций к судье за вынесение неправосудного приговора этим артикулом не устанавливалось [13, р. 6 ар. 1].

Статут ВКЛ 1529 г. предусматривал иные основания привлечения судей к ответственности. Например, за нежелание судьи выдать стороне мотивировочный лист приговора он мог быть оштрафован на двенадцать рублей грошей с возложением обязанности возместить ущерб стороне [13, р. 6 ар. [2] 1].

Появляются требования этики в судебном процессе: “судья, на праве седечы, не мает никого соромити. А пак ли судья на когого рукой гянул и вдарил, тогда маеть тому безчестье платити ... А естли бы кого неучтивыми словы зсоромитил ... ему з судьею справедливости стати водгул писанных прав” [13, р. 6 ар. 18].

Воеводам, старостам, державцам и судьям запрещалось под угрозой штрафа в двенадцать рублей грошей взимать со стороны судебных пошлин больше положенных по закону [13, р. 6 [22] 21]. А кто взимал незаконно, был обязан возместить взысканное. Это положение получит свое отражение и в последующих Статутах ВКЛ [15, р. 4 ар. 5].

По Статуту ВКЛ 1529 г. имение, которое являлось предметом судебного спора, могло быть передано княжескому вряднику в держание, пока не будет вынесено судебное решение. Врядник обязан был следить, чтобы имению, пока оно находилось у

него в держании, “школа и спустошенье не сталося”. В случае ненадлежащего выполнения обязанности должен был стороне, понесшей убыток, возместить весь ущерб и потери [13, р. 8 ар. 18]. Этот артикул также получит развитие в последующих Статутах ВКЛ [15, р. 9 ар. 25; 13, р. 9, ар. 16].

В вышесказанных артикулах форма вины не определялась: умысел и неосторожность еще не получили разделения применительно к халатному отношению к обязанностям. В иных артикулах форма вины уже отражалась в содержании: “умыслене сокола под гнездом поймал... тогда маеть тому заплатити, чие гнездо, двенадцать рублей грошей” [13, р. 9 ар. 8].

В Статуте ВКЛ 1529 г. появилось указание на нерадение, недобросовестность и небрежность как признаки должностного проступка. Например, за небрежную службу несет ответственность лицо, обязанное следить за нахождением виновных лиц под стражей, если бы по “неопатрности” выпустило виновного из тюрьмы. В этом случае служащий должен снова доставить его в суд, иначе был обязан возместить ущерб, за который был посажен виновный [13, р. 1 ст. 13].

Также с опекуна, который по своему нерадению или оплошности что-либо утратил из имущества подопечных, последние могли взыскать понесенный ущерб [13, р. 5 ар. [1].

Лицо, направленное в гарнизон, обязано прибыть туда к установленному сроку, а если оно “сплошенством своим на тот рок положенный таки и не приехал, а в тот час неприятели наши тот замок обогнали, а бы добре и шкоды не вчинили, тогда таковой, иж на рок не приехал, все имене тратить”. В случае же нанесения ущерба опоздавший и теряет имение, и карается смертью [13, р. 5 ар. [14] 12].

Кроме упоминания оплошности, со служебной халатностью указанную норму также сближает и то, что тяжесть наказания определяется степенью общественной опасности наступивших последствий.

Подобное встречается также в другом артикуле раздела “Об обороне земской”: “Если бы хто с подданных наших... послан был на сторожу..., а тот посланный кого не досмотрел недбалостью своею..., а в том нам школа стала... таковой кожны имене и шию тратить” [13, р. 2 ст. 11].

Достижениями Статута 1529 г. на пути установления ответственности должностных лиц стали закрепление широкого спектра обязанностей служащих и установление мер ответственности за их неисполнение, вплоть до уголовных наказаний, что можно признать появлением категории преступлений должностных лиц. Однако ответственность за должностные проступки носила казуальный характер, а перечень казусов еще был незначителен.

Изменения, которые происходили в середине XVI в. в социально-экономической жизни ВКЛ, требовали дальнейшего совершенствования права. Поэтому в 1551 г. была создана комиссия из 10 человек для подготовки проекта нового Статута, основными источниками которого стали общеземские и местные привилеи, Судебник 1468 г., Статут ВКЛ 1529 г., а также некоторые нормы обычного права, нормы римско-католического и греко-православного церковного права. Подготовленный комиссией проект Статута был направлен сойму для предварительного рассмотрения в 1561 г., в силу он вступил только в 1566 г. [10, с. 45].

Часть артикулов Статута ВКЛ 1566 г., касающихся деятельности врядников, была прямо перенесена из предыдущего Статута и ранее принятых актов. Например, запрет лишения врядников своих должностей по заочному обвинению в растрате и вредительстве без проведения судебного разбирательства [14, р. 3 ар. 11].

Другие же артикулы подверглись изменениям. Хоружий, умышленно оставивший дома землянина, военнообязанного шляхтича, и утаивший это, в отличие от более стро-

гой нормы Статута ВКЛ 1529 г., имение уже не утрачивал, а наказывался лишь лишением должности [14, р. 2 ар. 18]. При этом появилось указание на умышленную форму вины при невыполнении хоружим обязанностей.

По сравнению с предыдущим Статутом ВКЛ 1529 г. (р. 6, ар. 1) существенно ужесточились санкции за нарушение этики судом: “сѣдечы на судѣ, кого словы неучтивыми зсоромотилъ... тогды маеть на замку нашомъ шесть недѣль сѣдѣти. А естли бы судья подсудокъ и писарь самъ квалтъ мѣстцу нашему и суду учинилъ, а кого ранилъ або забилъ, тогды маеть быти каранъ горломъ, а близкимъ зъ имѣнья его головщызна плачона быти маеть” [14, р. 4 ар. 41]. Ранее действовавшие имущественные взыскания были заменены на лишение свободы и смертную казнь.

Статут ВКЛ 1566 г. не только изменил ранее установленные нормы, но и в большом количестве закрепил новые артикулы, определяющие правовой статус и порядок деятельности служащих. Например, устанавливался порядок избрания судей, подсудков (помощников судей, обеспечивавших досудебную подготовку дела) и писарей земских судов. Регламентировались их полномочия и компетенция, размер платы за судебные действия, закреплялись процедура принесения ими присяги и ее текст [14, р. 4 ар. 1-3]. Появилась ответственность этих судей за бездействие: судья и подсудок, не явившиеся для суда по причине болезни, обязаны были приносить присягу о действительности болезни. А если судья или подсудок без действительной и затажной болезни сроки судебные задержал, то лишался должности [14, р. 4 ар. 7].

Статут ВКЛ 1566 г. также устанавливал систему поветовых подкоморских судов, рассматривающих земельные споры между шляхтой, и определял правовой статус судей – подкоморных. Определялся процессуальный порядок рассмотрения спора, устанавливались принципы справедливого суда, а также порядок обжалования судебных решений [14, р. 4 ар. 70].

Воеводы, старосты, державцы замков или дворов, а также назначаемые ими судьи замковые, должны были осуществлять правосудия по уголовным делам (о нападениях на поместья шляхты; о поджогах и разбоях на дорогах; о воровстве и т. д.). Если эти врядники были обвинены в том, что “справедливости учинити не хотѣлъ, або сами суду своего справедливости его на правѣ уближенъ чынили”, то есть в предвзятости или бездействии, то спор передавался на рассмотрение князю [14, р. 4 ар. 21].

Статут ВКЛ 1529 г. лишь упоминал категорию “прокураторов” (13, р. 6 ар. [10] 9), которыми в ВКЛ именовались адвокаты, профессиональные юристы и поверенные. Статут же 1566 г. закрепил их правовой статус, установил права и обязанности, в том числе определил случаи обязательного участия прокуратора в суде. Прокураторами не могли являться судьи, подсудки и писари, а также по общему правилу чужеземцы и неоседлые [11, с. 340].

Статутом ВКЛ 1566 г. устанавливалось наказание для “фальшывыхъ и подступныхъ” прокураторов, которые взявшись выступать в интересах одной стороны спора, предавали ее или во вред переходили к противной стороне. Виновный, будучи шляхтичем, утрачивал честь, а если был нешляхтичем, то приговаривался к смертной казни [14, р. 4 ар. 35].

Также и тот прокуратор, который подделал доверительный лист от поверенного, и вред своими действиями причинил, карался смертью [14, р. 4 ар. 36].

Статут ВКЛ 1566 г. вводил службу возных, устанавливал их права и обязанности [14, с. 286]. Возным называли врядника, который обеспечивал порядок в суде и по поручению судьи или заинтересованных сторон осматривал места преступления, выявлял их следы, искал свидетелей, определял размеры ущерба и оказывал иную помощь суду [11, с. 471].

Если возный ненадлежащим образом выполнял свои обязанности, а именно что-либо непристойное совершил, несправедливо свидетельствовал либо своими действиями причинил вред стороне спора, то “только горломъ маеть быти каранъ” [14, р. 4 ар. 5]. Смертная казнь в качестве меры наказания для служащих свидетельствовала о высоких требованиях средневекового законодателя к государственным служащим.

Действовали отдельные уголовно-правовые запреты в отношении врядников. Например, “старостове державцы або мытники” не могли устанавливать сами новые налоги, а иначе тем лицам, с которых эти налоги были взысканы, все должны будут возместить [14, р. 1 ар. 25].

Также в случае невыплаты судьей средств, присужденных стороне по суду, в установленный срок он был обязан возместить все расходы и ущербы потерпевшей стороне [14, р. 4 ар. 67].

Статутом ВКЛ 1566 г. закреплялось исключительное право Великого князя судить княжеских врядников (“воеводъ старость державецъ замковъ и дворовъ нашихъ и тивуновъ”) за нанесенные ими обиды [14, р. 4 ар. 45]. Артикулом не устанавливалась санкция для виновного врядника. Исходя из содержания артикула 11 раздела 3 Статута 1566 г., можно предположить, что основным наказанием за должностные преступления выступало лишение должности.

Расширяется количество норм, в диспозиции которых четко определялась субъективная сторона деяния. Например, “хто бы смыслне недбалствомъ своимъ у пуши ... пожаръ пустиль, ... таковой, маеть горломъ каранъ быти, а шкоду зъ маетности его платити” [14, р. 10 ар. 17]. Небрежность, повлекшая тяжкие последствия, наказывалась так же строго, как и умышленные преступления.

При этом Статут ВКЛ 1566 г. различал небрежность и отсутствие умысла: “хто бы кого съ пригоды забиль, а повѣдилъ, жемъ то не умыслнѣ учиниль”. За неумышленное убийство или ранение шляхтича полагалось денежное взыскание и арест сроком шесть недель [14, р. 11 ар. 27].

Статут ВКЛ 1588 г. закончил кодификацию права в Великом княжестве Литовском. Источниками его стали: Статуты ВКЛ 1529 и 1566 гг., сеймовые постановления 1573, 1578, 1580, 1584 гг., королевские привилеи, постановления поветовых сеймиков.

Положения Статута ВКЛ 1588 г. на более высоком уровне отражают борьбу средневекового законодателя с халатным, небрежным и злонамеренным отношением врядников к своим обязанностям: наряду с казуальными основаниями привлечения к ответственности получают распространение общие положения об ответственности служащих.

Появляется общее требование к хоружему надлежаще выполнять свои обязанности “не засажываючи местца своего иншым под страченьем вряду” [15, р. 2 ар. 5].

Изменяется характер ответственности за земских врядников за неявку на судебные действия без веской причины. По Статуту ВКЛ 1588 г. такой служащий утрачивал должность, если три и более раз опоздал на судебные действия, кроме как по причине болезни или выполнения поручения [15, р. 4 ар. 4]. Судья стал наказываться за систематическое невыполнение служебных обязанностей, а не за однократный проступок, как по Статуту 1566 г. [14, р. 4 ар. 7].

Такое же наказание предусматривалось по отношению к вряднику замковому, который “не маючи рочков судовых, омешкал ... до трех разов..., таковой вряд свой тратить” [15, р. 4 ар. 38].

При этом отдельно указывалась обязанность воеводы, старосты вместо “непильного и недбалого” врядника назначить на должность иного [15, р. 4 ар. 38]. Ответственность замковых врядников носила черты как уголовной, так и дисциплинарной

ответственности, поскольку применялась вышестоящим лицом в отношении подчиненного.

Статутом ВКЛ 1588 г. введена обязанность подкомория возместить ущерб, причиненный ненадлежащим выполнением своих служебных обязанностей. Если последний, будучи здоров, по должности нерадел и не прибыл для рассмотрения дела в установленный срок, то обязан был “стороне поводовой за кождый омешкалый рок шесть рублей грошей заплатить” [15, р. 9 ар. 6]. А если подкоморий пропускал три срока, им же и установленные, то утрачивал должность.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность за нарушения права истца на своевременное рассмотрение спора в виде уплаты ему возмещения за пропущенный срок соседствовала с уголовно-правовой ответственностью подкомория за систематическое невыполнение своих обязанностей.

Отсутствие единой нормы об ответственности служащих различных категорий судов при ее одинаковых основаниях свидетельствует о преобладании казуального характера в регулировании деятельности служащих.

Расширяется и ранее установленная ответственность замковых и земских служащих суда за насилие на судебных действиях. Если такой служащий в результате насилия убил кого-либо, то не только карался смертью, но и утрачивал честь, а с его имени штраф и возмещение должно было уплачиваться в двойном размере. Судебное решение о наказании виновного принималось великим князем [15, р. 4 ар. 63].

Дифференцируются наказания возных в зависимости от тяжести совершенного деяния: за лжесвидетельство возный карался смертью, а за менее тяжкие преступления (причинения своими действиями ущерба стороне, пропуски сроков, уклонение от обязанностей и т. д.) должен был сидеть в тюрьме и возместить ущерб потерпевшей стороне [15, р. 4 ар. 9].

Статут 1588 г., как и предыдущий, предусматривал ответственность за нарушение прокураторами своих обязанностей по защите интересов стороны спора, но предусматривал более широкий перечень оснований привлечения к ответственности. Устанавливалась смертная казнь за уклонение прокуратора от явки в суд под предлогом болезни, если о ее действительности он отказался присягнуть. Также сторона имела право привлечь прокуратора за то, что тот “што у права недбальством своим упустил”. За такую халатность лицо приговаривалось к аресту на четыре недели, а также обязано было возместить стороне убыток [15, р. 4 ст. 59].

Статут ВКЛ 1588 г., однако, не всегда предусматривал конкретные санкции за ненадлежащее выполнение обязанностей. Например, устанавливалась ответственность возного за бездействие при доставлении листов с вызовом на сейм под угрозой “каранием их за то” [15, р. 3 ар. 6].

Впервые прописанная еще в Судебнике Казимира обязанность своевременно ремонтировать дороги и мосты приобрела характер служебной обязанности. Надлежаще содержать пути сообщения были обязаны “старостове, державцы або мытники”. Они также должны были возмещать ущерб, наступивший из-за некачественных дорог и мостов [15, р. 1, ар. 29].

Кроме ранее установленной обязанности врядников возместить ущерб за незаконные поборы, Статутом ВКЛ 1588 г. дополнительно закреплялось наказание в виде штрафа [15, р. 1, ар. 29].

Статутом ВКЛ 1566 г. под угрозой штрафа запрещалось использовать неэталонные меры товаров: “А хто бы иншіе мѣры уставлял и ихъ уживалъ, ... маєть заплатити ... вины” [15, р. 3 ар. 30]. Последующим Статутом 1588 г. на вряд возлагается обязанность контролировать соблюдение этих мер под угрозой наказания. В случае

недосмотра недобросовестный врядник уплачивал такой же штраф, как виновное в несоблюдении мер лицо [15, р. 3 ар. 30].

Развивая положения предыдущих Статутов о запрете держать незаконные (питьевые дома), на замковые суды и врядников была возложена обязанность закрывать эти заведения. В случае нерадения вряда последний штрафовался [11, с. 561].

Кроме вышеизложенных артикулов, о распространении имущественных взысканий в качестве наказаний за нарушение обязанностей по службе свидетельствуют следующие положения Статута ВКЛ 1588 г.

Денежные взыскания применялись к служащему, который: попустительствовал стороне, обвинившей человека в проступке или причинении вреда, или который “справедливости и отправки укривжоному там же заразом не вчинил” [15, р. 4 ар. 29]; нарушал сроки исполнения взыскания суммы денег, присужденных стороне спора, или введения во владение недвижимым имуществом [15, р. 4 ар. 94]; был привлечен к суду по жалобе на незаконные постановление и наложение взыскания на имущество [15, р. 4 ар. 40], а также для “воевод, старост судовых або их врядников” за послабления режима содержания заключенного [15, р. 4 ар. 32].

Достижением Статута 1588 г. является установление общего состава, определяющего обязанность “воевод, старост, державец, и тивунов, лесничых, и мостовничых” нести ответственность за нанесенные ими обиды по службе: “каждый врядник наш естли бы што сам учинил албо бы з урядников... маеть быти ... позван на рок” [15, р. 4 ар. 67]. Если вряд “справедливости жалобнику не вчинил”, тогда обязан стороне выплатить возмещение [15, р. 4 ар. 67]. Это норму, по мнению автора, следует считать, наряду с положением об ответственности служащих из Привилея 1492 г, предтечей состава служебной халатности.

Отдельно предусматривался порядок рассмотрения обид от “воевод, старосте судовых албо з их врядников судовых гродских” за бездействие в рассмотрении дел, подсудных замковому суду [11, с. 552].

Дела об обидах, нанесенных княжескими врядниками, относились к категориям дел, которые в целях оперативности могли быть рассмотрены и в случае неявки обвиняемой стороны [15, р. 4 ар. 42]. Акцент средневекового законодателя на скорейшем разрешении этих жалоб свидетельствует о распространенности споров о должностных проступках.

Наложенные на врядников по результатам суда взыскания не могли исполняться с государственной собственности, а лишь с личных имений виновных [15, р. 4 ар. 67].

Неоднократно Статутом ВКЛ 1588 г. упоминается “небрежность”, но уже как признак ненадлежащего выполнения именно служебных обязанностей. Каждый замковый суд обязан был иметь при суде палача, но “естли бы который вряд гродский в том недбалый был”, то в случае надобности палача за его услуги обязан был платить из собственных средств [15, р. 11 ар. 5].

В случае побега осужденного к смертной казни лицо, которому оно было передано под охрану, должно присягнуть, что тот побег произошел без ведома и послабления, не из-за “неопатрностью або недбалостью”, а также возместить вред, причиненный этим преступником [15, р. 4 ар. 31].

Требование назначать на вряд людей оседлых и достойных получило развитие в виде положения об ответственности воевод и старост за назначение ими ненадлежащих подстарост, судей замковых или писарей, если от этого “кому проволока або якое уближение праву стало”. В этом случае воеводы и старосты должны были сами потерпевшему ущерб и издержки возместить [15, р. 4 ар. 37].

Появляется разграничение ответственности должностных лиц за причиненный ущерб при выполнении ими своих служебных обязанностей. За вынесенное врядом

замковым или земским незаконное решение об исполнении судебного постановления, которое причинило ущерб стороне, “судовом писар ... позываны быти не мають и за суд отказывати не будуть повинни” [15, р. 4 ар. 40]., потому как не они выносят судебные постановления, а судья, который и будет возмещать ущерб. При этом писарь может быть привлечен к суду за ошибку или пропуски в судебных документах [15, р. 4 ар. 40].

Впервые устанавливается отдельная норма о “неумышленном а пригодном мужо-бойстве”, представленная кругом казусов. Среди казусов неумышленного, случайного убийства указывается “если бы ремесник будуючы дом або муруючы, а дерево або цеглу камень необачне упустил и кого тым забил”. Виновный должен был выплатить возмещение за убийство, “головщину”, а не приговаривался к смертной казни или заключении в тюрьме, как при умышленном убийстве [15, р. 11 ар. 23]. Исходя из аналогии с современным законодательством, можно заключить, что эта норма устанавливала ответственность за причинение смерти по неосторожности, а с учетом вышеуказанного казуса – невыполнения обязанностей по обеспечению безопасности строительства, повлекшее по неосторожности смерть человека.

Заключение

Средневековое белорусское право прошло длительный путь развития в установлении ответственности служащих за должностные проступки, начиная от единичных упоминаний служащих в Русской Правде и заканчивая целыми системами артикулов Статутов ВКЛ, которыми были закреплены основные положения об ответственности должностных лиц, впоследствии позволившие установить ответственность за служебную халатность в современном белорусском уголовном законе.

В законодательстве ВКЛ появилась категория “врядников”, которая по содержанию близка категории “должностных лиц”. Однако содержание этой категории устанавливалось не через совокупность признаков, позволяющих относить то или иное лицо к этой категории, а через перечисление должностей.

На высоком для средневекового законодателя уровне проработано содержание артикулов, регулирующих деятельность служащих: закреплён правовой статус служащих; определен порядок их избрания или назначения; указаны их служебные обязанности.

Статутами ВКЛ устанавливалась ответственность служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Эта ответственность могла носить черты уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности в зависимости от характера деяния и порядка привлечения виновного к ответственности.

Основания для привлечения к ответственности служащих закреплялись в нормах, которые, как правило, имели казуальный характер: противоправные действия были закреплены как нарушения конкретных служебных обязанностей, а не как категории преступного бездействия, халатности или злоупотребления полномочиями. Предусматривалось наказание за неявку, пропуск процессуальных сроков, нанесение ущерба правам и интересам лиц, бездействие на суде, незаконные поборы и т. д.

Общий характер носили нормы, определяющие возможность обжалования незаконных действий служащих, а также обязанность последних возмещать ущерб, причиненный их незаконными деяниями.

Взыскания в отношении служащих были как общеприменимыми (имущественные взыскания, заключение в тюрьме, смертная казнь), так и специальными – это лишение должности, применяемое только к служащим.

Изложенное позволяет отнести средневековый этап развития законодательства к первому из череды исторических этапов на пути установления ответственности за служебную халатность в законодательстве Республике Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Попов, А. Н.** Русская Правда в отношении к уголовному праву / А. Н. Попов. – М. : Императорский Московский университет, 1841. – 125 с.
2. Краткая редакция Русской правды [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы РАН. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4946>. – Дата доступа: 07.03.2019.
3. Пространная редакция Русской правды [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы РАН. – Режим доступа: http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947#_ednref38. – Дата доступа: 09.03.2019.
4. **Доўнар, Т. І.** Праблема прававых крыніц Беларусі перыяду Вялікага княства Літоўскага / Т. І. Доўнар // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. – Серыя 4. Правазнаўства. – 2008. – № 1. – С. 29–32.
5. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапаможнік / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юха ; пад агульн. рэд. праф. А. Ф. Вішнеўскага. – Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – 320 с.
6. Судебник Казимира 1468 года / Ю. Юргинис [и др.] ; под ред. А. Тиля. – Вильнюс : Институт истории АН ЛатвССР, 1967 г. – 36 с.
7. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах (IX–XVIII ст.) / В. К. Шчарбакоў, К. І. Кернажыцкі, Д. І. Даўгяла. – Менск : Выдавецтва АН БССР, 1936. – 678 с.
8. **Голубева, Л. Л.** Привилей 1492 года / Л. Л. Голубева // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С. А. Балащенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – Т. 3. – С. 262–263.
9. **Сажина, В. В.** Статут Великого княжества Литовского 1529 г. и общее право: доктринальные отличия [Электронный ресурс] / В. В. Сажина // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29538/1/23_%d0%a1%d0%b0%d0%b6%d0%b8%d0%bd%d0%b0.pdf. – Дата доступа: 07.02.2019.
10. **Вішнеўскі, А. Ф.** Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск : ТетраСистемс, 2005. – 192 с.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты, Давед., Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 573 с. : ил.
12. **Лосев, В. В.** Службова особа як спеціальний суб'єкт злочину в кримінальному праві Республіки Білорусь / В. В. Лосев // Південноукраїнський правничий часопис. – 2013. – № 3. – С. 72–76.
13. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / К. И. Яблонскис [и др.]. – Минск : Изд. Акад. наук БССР, 1960 – 253 с.
14. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юха ; рэдкал.: Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с. : ил.
15. Статут Вялікага княства Літоўскага, 1588 : юбілейнае выданне / [Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Юрыдычны факультэт ; транскрыпцыя тэксту падрыхтавана С. А. Балашэнка, Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубевай]. – Мінск : [б. в.], 2010. – 612, [296] с.

Дата поступления 23.05.2019 г.

Контакты: gyzhankov@msu.by (Рыжанков Арнольд Юрьевич)

Ryzhankov A. ORIGINS OF RESPONSIBILITY FOR NEGLIGENCE IN BELARUSIAN LANDS IN THE XI–XVI CENTURIES.

The article provides a historical and legal analysis of the monuments of medieval Belarusian laws in order to identify the sources and tendencies of establishing responsibility for professional negligence in the territory of Belarus in the XI–XVI centuries. The author defines the characteristic features of the historical way of securing the responsibility of medieval servants for official misconduct, substantiates the casual nature of the legal norms determining the punishability of unwary acts entailing socially dangerous consequences, and also identifies the norms of the forerunner of the current art. 428 “Official negligence” of the Criminal Code of the Republic of Belarus.

Keywords: crime, employee, official, negligence, official negligence.

УДК 347.441.12

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРУЗОВ

А. А. Бусел

старший преподаватель

ЧУО “БІП – Інститут правоведения” (Могилев)

Целью диссертационного исследования автора статьи на тему “Правовое регулирование договора транспортного страхования грузов по законодательству Республики Беларусь” является создание комплексной нормативной базы по правовому регулированию страхования грузов. Поэтому отправной точкой является создание категориального аппарата данного правового института. Так, автор в статье остановился на изучении субъектного состава договора транспортного страхования грузов. Проанализировав законодательную базу в отношении предъявляемых требований к субъектному составу договора страхования, а также дискуссионные вопросы правоприменения, автор статьи выявил, кто может быть страховщиком, страхователем и выгодоприобретателем в договоре страхования грузов с учетом специфических особенностей этого вида страхования. Также автор выделил основные требования, которым эти субъекты правоотношений должны соответствовать и, в итоге, сформировал понятия вышеуказанных элементов категориального аппарата транспортного страхования грузов.

Ключевые слова: договор транспортного страхования грузов, субъектный состав договора транспортного страхования грузов, страховщик, страхователь, выгодоприобретатель.

Введение

Защита прав страхователей и выгодоприобретателей является одной из важных целей, на достижение которой должно быть направлено правовое регулирование страхования. При страховании грузов это проблема весьма актуальна ввиду сложности и вариативности этого вида страхования, требующего от пользователя услуги высокой доли профессионализма и компетентности. Правильный выбор страховщика, возможность замены выгодоприобретателя в период действия договора страхования грузов, последствия так называемой “ограниченной рациональности” страхователя, когда заключенный договор страхования грузов не отвечает конечным требованиям страхователя – вот те немногие острые вопросы, касающиеся субъектного состава договора, возникающие у страхователя при заключении договора страхования грузов. А для страховщика грузов вопрос правильного категориального трактования понятия “страхователь” – это также вопрос защиты его интересов и основа для создания условий страхования, удобных для всех категорий страхователей. Поэтому защита интересов страховщика отражается в принятии в качестве страхователя лица, интерес которого по договору страхования грузов состоит в сохранении груза, а не в получении выплаты по договору.

Основная часть

Сторонами по договору транспортного страхования грузов выступают страховщик и страхователь. Договор может быть заключен в пользу третьих лиц (выгодоприобретателей).

Согласно ст. 828 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) страховщики – это коммерческие организации, созданные для осуществления страховой

деятельности и имеющие специальные разрешения (лицензии) на осуществление страховой деятельности.

Соответственно п. 2 ст. 828 ГК установлены требования, которым должны отвечать страховщики, порядок лицензирования их деятельности, согласования правил страхования и осуществления государственного надзора за их деятельностью, которые должны определяться дополнительным законодательством.

Государство требует наделения страховой организации значительными средствами, которые являются гарантией исполнения страховщиком обязательств о страховых выплатах по договорам страхования. Проверка финансовой состоятельности будущей страховой организации, а также другие обязательные условия осуществления страховой деятельности являются предметом финансового и административного контроля со стороны государства. Общие требования к возникновению специальной правоспособности на проведение страховой деятельности составляют основы лицензирования страховых организаций. В дальнейшем государство контролирует соблюдение страховщиками требований финансовой устойчивости и платежеспособности, которые основаны на регулировании государством порядка формирования и инвестирования страховщиками средств страховых резервов, оценки резерва платежеспособности страховщика и другие параметры финансового благополучия страховой организации.

Анализ Реестра лицензий на осуществление страховой деятельности по состоянию на март 2019 г. показал, что страховую деятельность в Республике Беларусь осуществляют 16 страховых организаций. Страховщиками по договору страхования грузов могут выступать практически все страховые организации, за исключением РУП “Белорусская национальная перестраховочная организация” (напрямую со страхователями страхованием не занимается, однако в портфеле перестрахованных рисков имеет такой вид, как страхование грузов) и организации, занимающиеся накопительным страхованием жизни – Стравита и ПриорЛайф. Оценив пропорциональное присутствие страховых организаций по итогам работы за 2018 год на рынке по этому виду страхования, можно отметить, что страхованием грузов преимущественно занимаются ЗАСО “Промтрансинвест” (19,59%), ЗАСО “ТАСК” (16,51%), БРУПЭИС “Белэксим-гарант” (12,80%) и БРУСП “Белгосстрах” (11,41%). Страховой портфель по страхованию грузов у остальных компаний незначительный [1].

При выборе страховой компании важно учитывать не только предлагаемые страховые тарифы, опыт в предоставлении услуг по страхованию грузов, репутацию на рынке, но и требования законодательства.

По общему правилу, субъекты хозяйствования, осуществляющие деятельность на территории Республики Беларусь, должны страховать свои имущественные интересы в Беларуси только у коммерческих организаций, имеющих лицензии на осуществление страховой деятельности в республике (ч. 1 пп. 1.1 Указа № 530 от 25.08.2006 (в ред. от 20.01.2017) (далее по тексту – Указ № 530)).

Ряд субъектов хозяйствования, подпадающих под действие Декрета № 6 “О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности” от 07.05.2012 (в ред. от 20.06.2018) вправе страховать свои имущественные интересы у страховых организаций, страховых брокеров, созданных за пределами Республики Беларусь.

Государственные органы, государственные юридические лица, а также юридические лица, на решения которых может влиять государство, вправе страховать свои имущественные интересы в Беларуси только у страховых организаций – государственных юридических лиц либо юридических лиц, в уставных фондах которых более 50% долей находятся в госсобственности (ч. 2 пп. 1.1 Указа № 530).

Таким образом, страховщиками по договору транспортного страхования грузов выступают коммерческие организации, созданные для осуществления страховой деятельности и имеющие специальные разрешения (лицензии) на осуществление страховой деятельности, а также имеющие в своем страховом портфеле соответствующий вид страхования.

А защите прав страхователя от нарушений со стороны страховщика в механизме правового регулирования страхования способствует законодательное предъявление требований к страховым организациям в части размера уставного фонда, обеспечения параметров финансовой устойчивости, утверждения правил видов страхования и возложенные обязательства по формированию страховых резервов для обеспечения выполнения принятых на себя страховых обязательств. Кроме того, п. 26 главы 3 Указа № 530 предусматривает обязательства страховых организаций в случае ликвидации и прекращения действия специального разрешения (лицензии) на осуществление страховой деятельности.

Другой стороной договора страхования грузов является страхователь.

Статья 817 ГК устанавливает, что страхователями являются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, лица без гражданства, организации, в том числе иностранные и международные, а также Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы, иностранные государства, заключившие со страховщиками договоры страхования либо являющиеся таковыми в силу закона или акта Президента Республики Беларусь.

Правила страхования грузов белорусских страховщиков, согласованные с Министерством финансов, определяют страхователем грузов физическое и юридическое лицо любой организационно-правовой формы, а также индивидуального предпринимателя, имеющего основанный на законодательстве или договоре интерес в сохранении застрахованного груза [2–6].

В страховых правоотношениях заинтересованность (интерес) в сохранении грузов может иметь различный субъектный состав. То есть различные субъекты страховых правоотношений могут иметь заинтересованность в сохранении груза, а это значит, могут выступить стороной в договоре страхования.

Но, прежде чем перейти к выделению этих субъектов, определимся, что означает формулировка “основанный на законодательстве или договоре интерес в сохранении застрахованного груза” и на основании этого выделим носителей этого интереса.

Правила страхования грузов, которые применяются к перевозкам всеми видами транспорта, по-разному определяют понятие интерес. В большинстве Правил под страховыми интересами страхователя (выгодоприобретателя), понимают интересы, связанные с владением, пользованием, распоряжением грузами, транспортируемыми вследствие их повреждения или уничтожения (пропажи). Встречается также понимание страхового интереса, связанного с возмещением убытков, понесенных страхователем при перевозке имущества, принадлежащего ему на правах собственности или которым страхователь правомерен распоряжаться на основании соответствующих документов, подтверждающих это право, независимо от способа его транспортировки с обеспечением сохранности груза при железнодорожной перевозке.

С.С. Осадець также рассматривает понятие страхового интереса с точки зрения заинтересованных лиц и их прав на объект страхования: “страховой интерес – это материальная заинтересованность в страховании объектов, к которым страхователь имеет отношение как владелец, арендатор, перевозчик и т. д., включая имущество и все то, что может быть предметом причинения материального ущерба (вреда) страхователю,

или в связи с чем может возникнуть ответственность страховщика перед третьими лицами” [7, с. 571].

Данной позиции придерживается и Г.А. Вакулина. Она пишет, что “для наличия страхового интереса недостаточно одной только субъективной заинтересованности, необходимо также, чтобы лицо, в пользу которого осуществляется страхование, имело какие-то права, в отношении застрахованного имущества или несло связанные с ним обязанности” [8, с. 104].

Рассмотрение страхового интереса при страховании груза в ключе правовой зависимости выявляет в качестве носителей этого интереса, в первую очередь, грузовладельцев, то есть лиц, имеющих право собственности на груз, либо покупателей, право собственности к которым перейдет в будущем. Ими выступают грузоотправители и грузополучатели по договору купли-продажи груза.

Кроме того, поскольку ответственность за гибель груза возлагается на перевозчика, экспедитора или логистическую компанию (объединим их в общую группу – перевозчики), то заинтересованность в страховании груза может быть и у этих лиц, которые могут выступить страхователями груза и быть носителями страхового интереса. Есть два основания, по которым перевозчик сам страхует груз:

1) когда грузовладелец доверяет застраховать свой груз перевозчику и перевозчик выступает как бы посредником между грузовладельцем и страховой компанией и, являясь в этом случае страхователем по договору страхования грузов, он может быть частично освобожден страховщиком от случаев суброгации в результате повреждения или гибели груза и не тратится на страхование своей ответственности. Для грузовладельца в этой схеме есть плюсы и минусы: экономия времени на прямое страхование, экономия средств на страховых взносах, льготируемых за счет большого грузооборота перевозчика, против рисков, которые могут перекрыть полученную выгоду: в случае недобросовестности перевозчика полис страхования груза может не сработать из-за нарушения страхователем (в данном случае – это перевозчик) условий договора страхования или его прямой вины в причиненном ущербе;

2) когда перевозится груз, размер ущерба, в случае причинения вреда которому, превысит размер страхового возмещения по полису страхования ответственности, и этот ущерб перевозчику придется довозмещать до полного размера, т. к. в соответствии с белорусским законодательством отсутствуют лимиты ответственности перевозчиков. Поэтому перевозчику выгоднее застраховать груз самому.

Кроме того, груз могут застраховать, например, банки или другие субъекты, имеющее право удержания или залоговое право на груз, выступающий в данном случае как обеспечение исполнения обязательств перед этими лицами. Объединим их в общую группу – кредиторы.

Как отмечает С.А. Мальцев, “при страховании грузов в странах общего права носителями страхового интереса могут признаваться: собственник груза; лицо, несущее риск случайного ухудшения или гибели груза; лицо, имеющее право удержания или залоговое право на груз. А особенность права США в этом вопросе проявляется в том, что к таким носителям причисляется также покупатель в договоре поставки, который, не будучи собственником и не неся рисков, считается приобретшим страховой интерес с момента индивидуализации поставляемого товара [9].

Таким образом, выведем понятие страхового интереса при страховании грузов – это материальная заинтересованность лица, имеющего право собственности на груз (либо право собственности к которому перейдет по договору купли-продажи), либо имеющего залоговое право или право удержания на груз, либо несущее риск случайного ухудшения или гибели груза, в страховании своего имущественного интереса в

отношении этого груза, связанного с риском его утраты (гибели) или повреждения и с риском несения убытков, возникающих в процессе его транспортировки, с целью возмещения возможного ущерба.

На основании изложенного, можно определить, что страхователями груза выступают лица, обладающие правом собственности на груз (либо право собственности к которым перейдет по договору купли-продажи) – грузовладельцы, либо обладающие правом удержания или залоговым правом на груз – кредиторы, либо несущее риск случайного ухудшения или гибели груза – перевозчики, которые имеют в отношении груза страховой интерес.

Немаловажным при изучении субъектного состава договора страхования грузов является выбор лица, в пользу которого заключается договор страхования, – выгодоприобретателя.

Согласно законодательству, им должно быть лицо, имеющее основанный на законодательстве или договоре интерес в сохранении этого груза. Ряд лиц, имеющих страховой интерес в сохранении груза, мы уже выявили, определяя возможных страхователей по договору. В качестве выгодоприобретателя можно выбрать как самого страхователя, так и иное лицо. Согласно п. 3. ст. 821 ГК договор страхования имущества в пользу выгодоприобретателя может быть заключен без указания имени или наименования выгодоприобретателя. При заключении такого договора страхователю выдается страховой полис на предъявителя. При осуществлении страхователем или выгодоприобретателем прав по такому договору необходимо представление этого полиса страховщику. Однако стоит отметить, что возможность заключения договора страхования грузов на предъявителя есть в правилах страхования не у всех белорусских страховщиков и этот момент всегда необходимо учитывать при выборе страховщика.

Кроме того, важным вопросом при страховании грузов является возможность замены выгодоприобретателя в период действия договора страхования. Некоторые правила страхования грузов белорусских страховщиков дают право замены выгодоприобретателя, а некоторые правила этого права не предоставляют. Поэтому, если страхователь при заключении договора не обратил внимания на этот вопрос и указал, например, в качестве выгодоприобретателя себя, то в ходе страхования он может столкнуться с проблемой невозможности корректного выполнения ряда обязательств страхователя (выгодоприобретателя) по договору страхования после того, как ответственность за груз перешла уже к другому заинтересованному лицу. Это может привести как к отказу в выплате страхового возмещения, так и к задержке сроков выплаты.

Заключение

На основании выявленных предъявляемых требований к сторонам договора страхования грузов и имеющихся у них оснований для заключения договора сформируем категориальные понятия субъектного состава:

страховщики – коммерческие организации, созданные для осуществления страховой деятельности и имеющие специальные разрешения (лицензии) на осуществление страховой деятельности, а также имеющие в своем страховом портфеле соответствующий вид страхования;

страхователи – лица, обладающие правом собственности на груз (либо право собственности к которым перейдет по договору купли-продажи) – грузовладельцы, либо обладающие правом удержания или залоговым правом на груз – кредиторы, либо несущее риск случайного ухудшения или гибели груза – перевозчики, которые имеют в отношении груза страховой интерес;

выгодоприобретатели по договору страхования грузов могут быть из того же круга лиц, что и страхователи. При этом актуален и требует внимательного подхода при заключении договора страхования грузов вопрос мобильности замены выгодоприобретателя, либо возможность выписки полиса на предъявителя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основные показатели деятельности страховых организаций Республики Беларусь за 2018 год // Официальный сайт Министерства финансов Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/supervision/stat/2017/stat/1255f80217c14c28.html>. – Дата доступа: 18.03.2019.
2. Правила № 6 добровольного страхования грузов БРУПЭИС “Белэксимгарант” [Электронный ресурс] // Белэксимгарант. – Режим доступа: <http://www.eximgarant.by/>. – Дата доступа: 17.04.2019.
3. Правила добровольного страхования грузов ЗАО “Страховая Компания “Белросстрах” [Электронный ресурс] // Белросстрах. – Режим доступа: <https://brs.by/>. – Дата доступа: 17.04.2019.
4. Правила № 2 добровольного страхования грузов ЗАО “Промтрансинвест” [Электронный ресурс] // Промтрансинвест. – Режим доступа: <https://www.promtransinvest.by/>. – Дата доступа: 17.04.2019.
5. Правила № 2 добровольного страхования грузов ЗАО «ТАСК» [Электронный ресурс] // ТАСК. – Режим доступа: <https://task.by/>. – Дата доступа: 17.04.2019.
6. Правила № 25 добровольного страхования грузов БРУСП “Белгосстрах” [Электронный ресурс] // Белгосстрах. – Режим доступа: <http://bgs.by/>. – Дата доступа: 17.04.2019.
7. **Осадець, С. С.** Страхування : підруч. / кер. авт. кол. і наук. ред. С. С. Осадець. – [Вид. 3-тє, без змін.] – К. : КНЕУ, 2006. – 599 с.
8. **Вакулина, Г. А.** Страховой интерес как категория страхового права / Г. А. Вкулина // Известия ИГЭА. – 2012. – № 6(86). – С. 102–106.
9. **Мальцев, С. А.** Правовое регулирование отношений, возникающих из договора морского страхования грузов, в России и странах общего права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. А. Мальцев. – Москва, 2003. – 171 с. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-otnoshenii-voznikayushchikh-iz-dogovora-morskogo-strakhovaniya-gruzov#ixzz5ihpuVTmM>. – Дата доступа: 17.04.2019.

Поступила в редакцию 18.04.2019 г.

Контакты: albusw@mail.ru (Бусел Александр Александрович)

Busel A. PARTIES OF CARGO TRANSPORTATION INSURANCE CONTRACT.

The aim of the author's research “Legal regulation of cargo transportation insurance contract according to the legislation of the Republic of Belarus” is the creation of the multiple regulatory system of the legal regulation of cargo insurance. The starting point of the research is the definition of the key categories. Thus the author of the article pays special attention to the study of the parties of cargo transportation insurance contract. Having analyzed the regulatory system according to the specified requirements to the parties of the insurance contract and the debatable issues of its application the author shows who can be an insurer, the insured and a beneficiary in cargo insurance contracts taking into account specific features of this type of insurance. The author distinguishes basic requirements the subjects of legal relations must correspond and, as a result, he formulates the key notions of the categories of cargo transportation insurance.

Keywords: cargo transportation insurance contract, parties of cargo transportation insurance contract, insurer, insured, beneficiary.

УДК 349.2

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСФЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СПОРТА

А. Ф. Свиб

кандидат юридических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Н. В. Кабзова

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются общественные отношения в области переходов (трансферов) профессиональных спортсменов. Проводится сравнительно-правовая оценка подходов к определению предмета и правовой природы трансферного договора (контракта) в юридической литературе. Целью настоящей статьи является попытка определить правовые основы, регулирующие трансферы в белорусском спорте, а также установить способы совершенствования этих отношений.

Ключевые слова: спортивное право, спорт, трансфер, трансферный договор (контракт), правовое регулирование, профессиональный спортсмен.

Введение

В настоящее время вместе с ростом значимости физической культуры и спорта в жизни общества возрастает и необходимость четкого урегулирования общественных отношений в спортивной сфере. Совершенствование правового регулирования трансферных отношений остается по-прежнему актуальной проблемой для национального и международного спорта. Трансферная спортивная система прошла большой путь с момента своего создания, однако, во всем мире трансферные отношения в спорте все еще остаются недостаточно урегулированными в правовом аспекте и являются одной из сложных и до конца не решенных проблем.

Основная часть

Трансферные отношения зародились одновременно с профессиональным спортом, в частности, с возникновением профессиональной бейсбольной лиги 1876 г. США и английской футбольной ассоциации конца XIX в. В поисках более высокой зарплаты игроки в любое время сезона могли покинуть свой прежний клуб и перейти в новый, что приводило к появлению разноуровневых клубов, простой предсказуемости результатов и разрушению системы соревнований [1, с. 126].

Для регулирования таких переходов и ограничения возможностей игроков по свободному переходу из клуба в клуб, уже в 80-е гг. XIX в. были разработаны особые правила перехода игроков, которые существенно отличались от правил расторжения контракта и изменения места работы. Новая система прежде всего предусматривала передачу права на регистрацию игрока в новом клубе только при выплате им компенсации прежнему клубу.

Однако со временем в усовершенствовании стала нуждаться и новая система. Так, в 1995 г. Европейский суд Справедливости по делу бельгийского футболиста Босмана установил, что трансферная система покупки игрока у прежнего клуба по истечении срока контракта является незаконной. Трансферные суммы, выплачиваемые во время действия контракта, стали считаться правомерными. С тех пор в мировом сообществе закрепилось правило по которому профессиональный тренер или спортсмен может свободно переходить в любую спортивную организацию только после окончания срока контракта. В случае же если срок контракта не истек, то должны быть соблюдены интересы трех сторон: бывшего клуба, нового клуба и самого игрока или тренера [1, с. 126].

В настоящее время переходы спортсменов на международном уровне регулирует прежде всего Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 31 мая 2007 г. № 28-8 О модельном законе “О профессиональном спорте” (далее – Постановление Ассамблеи).

Так, статья 1 Постановления Ассамблеи дает определение трудового договора в области профессионального спорта (контракта о спортивной деятельности), из которого следует, что данное письменное соглашение (договор) заключается между сторонами, а именно: профессиональный спортсмен, профессиональный тренер или иной спортивный работник и профессиональный спортивный клуб [2].

Статья 16 указанного Постановления Ассамблеи регламентирует переходы профессионального спортсмена из одного профессионального спортивного клуба в другой и устанавливает, в частности, что переход профессионального спортсмена возможен также в случае, если спортсмен имеет действующий трудовой договор с профессиональным спортивным клубом, при наличии которого с клубом в письменной форме составляется договор об условиях и порядке перехода профессионального спортсмена [2].

Из положений статьи 1 и статьи 16 Постановления Ассамблеи можно сделать следующие выводы:

- трудовой договор в области профессионального спорта (контракта о спортивной деятельности) заключается только между двумя сторонами;
- временный переход профессионального спортсмена в другой клуб возможен только, если со спортсменом заключен трудовой, а не гражданско-правовой договор;
- договор об условиях и порядке перехода профессионального спортсмена заключается между тремя сторонами;
- вопросы перехода, в том числе размеры компенсации, регулируются правовыми актами спортивной федерации.

Наряду с Конституцией Республики Беларусь основным законодательным актом Республики Беларусь по вопросу регулирования труда спортсменов является Закон Республики Беларусь “О физической культуре и спорте” от 4 января 2014 г. № 125-З (далее – Закон).

Из статьи 58 указанного Закона следует, что порядок перехода (трансфера) регулируется следующим законодательством: Законом Республики Беларусь “О физической культуре и спорте”, Трудовым кодексом Республики Беларусь, Гражданским кодексом Республики Беларусь, актами федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта.

Так, ч. 1 статьи 38 и ч. 1 статьи 39 Закона устанавливают, что спортсмены и тренеры имеют право на заключение трудовых и (или) гражданско-правовых договоров, в том числе трансферных договоров (контрактов), в порядке, установленном законодательством [3].

Часть 3 статьи 21 Закона устанавливает, что Федерации (союзы, ассоциации) по виду (видам) спорта имеют право разрабатывать и принимать свои акты (регламенты, правила, инструкции и другое) в пределах своей компетенции и с учетом актов Международного олимпийского комитета, международных спортивных организаций. Причем акты, направленные на регулирование вопросов перехода (трансфера) профессиональных спортсменов или тренеров из одной организации физической культуры и спорта в другую, согласовываются с Министерством спорта и туризма Республики Беларусь [3].

Из положений данных статей следует отметить, что профессиональные спортсмены и тренеры могут заключать как трудовые, так и гражданско-правовые договоры, причем такой вид договора, как трансферный неопределенно включается в понятие “трудовых и (или) гражданско-правовых договоров”, а разработка федерациями (союзами, ассоциациями) по видам спорта актов, регламентирующих вопросы перехода (трансфера) спортсменов является не обязанностью, а правом.

Более детально порядок (трансфер) перехода профессионального спортсмена или тренера регламентируется статьей 58 Закона, которая устанавливает:

- право на переход (трансфер) профессионального спортсмена, профессионального тренера из одной организации физической культуры и спорта в другую во время действия трудового или гражданско-правового договора;
- основания для перехода (трансфера) профессионального спортсмена или тренера;
- форму трансферного договора (контракта);
- стороны договора и их обязанности;
- момент исполнения договора;
- право одностороннего расторжения трансферного договора (контракта) с письменным уведомлением других сторон;
- существенные условия договора;
- возможность же иных условий трансферного договора (контракта), которые определяются в соответствии с актами федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта [3].

Большое значение имеет также Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 131-З “О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь”, который затронул почти 200 статей Трудового кодекса Республики Беларусь. В том числе на путь совершенствования стал вопрос регулирования трудовых отношений в сфере профессионального спорта.

Так, Трудовой кодекс был дополнен главой 26 “Особенности регулирования труда работников, осуществляющих деятельность в профессиональном спорте”, которая наряду с другими дополнениями стала регулировать вопросы перевода спортсменов от одного нанимателя к другому.

Ст. 314⁴ Трудового кодекса устанавливает единственное основание для временного перевода к другому нанимателю – отсутствие у нанимателя возможности обеспечения участия спортсмена, тренера в спортивных мероприятиях [4].

Гражданский же кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 № 218-З не содержит каких-либо особых положений, регламентирующих договоры, заключаемые с профессиональными спортсменами, например, рекомендуемый Постановлением Ассамблеи договор об условиях и порядке перехода профессионального спортсмена.

Налоговый кодекс Республики Беларусь (особенная часть) от 29 декабря 2009 г. № 71-З также не содержит особенностей налогообложения, связанного с выплатами по трансферным договорам (контрактам).

Полемика относительно правовой природы трансферного договора (контракта) уже долгое время ведется во многих странах. Такая дискуссия вполне обоснована, так как данные вопросы оказывают непосредственное влияние на отношения, урегулированные иными отраслями права.

Так, налоговые органы Российской Федерации первоначально высказывали мнение, что денежные средства спортивного клуба, полученные в результате трансфера спортсменов должны считаться выручкой от реализации продукции (работ, услуг). Однако чуть позже такое мнение поменялось, и налоговыми и финансовыми органами было решено, что выплаты по трансферному договору не могут являться выручкой, так как операции по продаже товара (спортсмена) не осуществляются, и спортсмен, или его профессиональные способности в сфере спорта не являются товаром. В результате чего, переход игрока больше не рассматривался как передача прав на него [5].

Бухгалтерский учет нематериальных активов в Республике Беларусь регулируется стандартом “Положения по бухгалтерскому учету нематериальных активов” [6]. Нормы, прямо устанавливающие особенности по трансферу спортсменов отсутствуют, однако, согласно данному стандарту в составе нематериальных активов выделяют лицензии на использование опыта специалистов, в результате чего человеческий капитал признается в качестве объекта бухгалтерского учета, которые классифицируются как нематериальные активы и обособленно отражаются в бухгалтерском балансе [5]. Так, в Республике Беларусь, Великобритании, Испании, Италии и Украине затраты на приобретение футбольных игроков капитализируются в качестве нематериальных активов и находят свое отражение в бухгалтерском балансе футбольных клубов.

Таким образом, мы можем отметить наличие следующих проблемных аспектов в регулировании процедуры перехода профессионального спортсмена или тренера в другую спортивную организацию (клуб):

Использование в международном и национальном спортивном праве различных терминов. В международном праве – “переход профессионального спортсмена” и “договор об условиях и порядке перехода профессионального спортсмена”, в национальном – “Переход (трансфер) профессионального спортсмена” и “Трансферный договор (контракт)”.

Непризнание в общих положениях международного и национального права данных понятий в качестве основных терминов и отсутствие регламентации их определения и толкования, свидетельствует о нечеткой правовой регламентации перехода спортсмена из одного профессионального клуба в другой.

Отсутствие регламентации сложившейся на практике классификации трансферных договоров: трансферный договор (трансфер), международный трансфер, трансфер на условиях аренды с правом выкупа трансферных прав [7] и др.

Более того, Трудовой кодекс Республики Беларусь закрепляет возможность перевода работника, что не является трансферным переходом спортсмена с заключением трансферного договора (контракта). Так, осуществляемый перевод, а не переход спортсмена, регулируется исключительно трудовым законодательством, то есть у спортсмена обязательно должен быть заключен трудовой договор, а не гражданско-правовой.

Единственным же разграничением трудового перевода от трансферного перехода является отсутствие у нанимателя возможности обеспечения участия спортсмена или тренера в спортивных мероприятиях, которое таким образом исключается из возможного основания для трансферного перехода спортсмена. В следствие чего вопрос о признании Трудового кодекса Республики Беларусь источником регулирования трансферного перехода является, по нашему мнению, спорным.

Однако следует также обратить внимание, что по сути, при отсутствии у нанимателя возможности обеспечения участия спортсмена или тренера в спортивных мероприятиях, стороны трудового договора могут прекратить трудовые отношения по соглашению сторон. Спортсмен или тренер в таком случае сможет заключить новый трудовой или гражданско-правовой договор с новым клубом, в том числе путем перехода, то есть заключения трансферного договора на основании прекращения или расторжения договора с первоначальной организацией, без уплаты ей компенсации, что предусмотрено Постановлением Ассамблеи.

Толкование Постановлением Ассамблеи и Трудовым кодексом трудового договора в области профессионального спорта (контракта о спортивной деятельности) как соглашения между двумя сторонами, исключает правовую природу трансферного договора (контракта) в трудовом праве.

П. 4 статьи 16 Постановления Ассамблеи устанавливает, что переход спортсмена возможен в случае действующего у спортсмена или тренера трудового договора. П. 1 статьи 58 Закона устанавливает, что переход спортсмена или тренера возможен во время действия как трудового, так и гражданско-правового договора в сфере профессионального спорта, что, по нашему мнению, является необходимым и верным.

Действительно, трансферный договор (контракт) по национальному законодательству может осуществляться и при наличии гражданско-правового договора и данное положение не соответствует в полной мере Постановлению Ассамблеи. Однако следует отметить, конечно, что Постановление Ассамблеи носит для стран-участниц СНГ рекомендательный характер, однако полное расхождение законодательств, начиная с используемой терминологии и заканчивая применением норм разных отраслей права для регламентации одинаковых отношений, влечет за собой сомнения в выборе применяемого законодательства и еще раз свидетельствует об отсутствии четкой регламентации.

П. 7 статьи 16 Постановления Ассамблеи устанавливает, что регулирование вопросов, касающихся порядка оформления перехода профессионального спортсмена, в том числе размера компенсации за переход, осуществляется правовыми актами спортивной федерации. Следовательно, вопрос о предоставлении федерациям (союзам, ассоциациям) права, а не обязанности на издание актов, направленных на регулирование вопросов перехода (трансфера) спортсменов является по крайней мере неоднозначным.

Отсутствие правовых норм, всесторонне регламентирующих особенности процесса перехода профессионального спортсмена в национальном законодательстве о бухгалтерском учете, налоговом, страховом и другом законодательстве. Следует учитывать, что в договоре должен быть предусмотрен размер, порядок и условия расчета компенсации первоначальному клубу. Вопрос о возможном страховании риска неуплаты компенсации, к сожалению, не поднимался в научной сфере.

Обозначенные выше проблемные аспекты основаны на анализе норм действующего международного законодательства, а также национального законодательства разных стран.

Несмотря на полувековое существование трансферных отношений в мире спорта, многие практически значимые вопросы, к сожалению, даже сегодня не нашли отражения в нормах законодательства. Наиболее неурегулированным по вопросам переходов спортсменов из одного клуба в другой остается гражданское право, которое требует тщательной проработки.

Дополнения Трудового кодекса Республики Беларусь безусловно повысили роль трудового права в оформлении отношений с участием профессиональных спортсменов. Конечно, трудовое законодательство прежде всего защищает интересы спортсме-

на-работника, однако, в некоторых случаях гражданско-правовой договор выгоден и самому спортсмену, например, для не оформления совместительства в третьей организации.

Так, по мнению Е.С. Мигуновой, если главное не выигрыш, а участие в соревнованиях, что наиболее приемлемо в командных видах спорта, то приоритет надо отдавать трудовому договору. Если же целью договора является прежде всего обеспечение выигрыша соревнований, а спортсмен в основном сам определяет характер тренировок и распорядок дня, то логичнее использовать конструкцию гражданско-правового договора [8].

Нельзя в свою очередь не отметить, что давно высказана точка зрения, что отношения в области спорта настолько уникальны, что не могут быть только предметом трудового права. Существование смешанной правовой природы не подвергается сомнению. Причем, действительно, подобное воссоединение позволило бы объединить гарантии трудового и гражданского права. М.Ю. Чельшев и В.П. Васкевич также не исключают, что между спортсменом и спортивной организацией может заключаться полиотраслевой смешанный договор [9].

Несомненно, по нашему мнению, правовой комплекс в сфере профессионального спорта должен носить межотраслевой характер, однако, законодателю необходимо дифференцированно подходить к решению вопроса об источниках правового регулирования отношений в определенных обозначенных сферах профессионального спорта. Оформлять же отношения с профессиональными спортсменами прежде всего необходимо с помощью средств, которые в любом случае четко регламентированы и определены в законодательстве, в гражданском или в трудовом.

Заключение

Для совершенствования исторически сложившихся, но детально не урегулированных норм процедуры перехода профессионального спортсмена или тренера в другую спортивную организацию (клуб), по нашему мнению, эффективными могут оказаться следующие пути решения обозначенных проблемных аспектов:

В целях единообразного применения норм международного и национального законодательства установить в национальном законодательстве определенный для использования термин “Переход” или “Трансфер”, а также “Трансферный договор (контракт)” или “Договор об условиях и порядке перехода профессионального спортсмена”. По нашему мнению, понятие “Договор об условиях и порядке перехода профессионального спортсмена”, данное в Постановлении Ассамблеи, слишком детально раскрывает содержание договора, поэтому для обозначения названия более целесообразным считаем остановиться на понятии “Трансферный договор”. В таком случае, следовательно, и термин “Трансфер профессионального спортсмена” будет более логичным по сравнению с “Переходом профессионального спортсмена”.

Дать в национальном законодательстве определения терминам “Трансферный договор” и “Трансфер профессионального спортсмена”.

Внести в Гражданский кодекс Республики Беларусь дополнения, устанавливающие регламентацию Трансферного договора. В том числе определить виды данного договора и особенности их заключения (трансфер, международный трансфер, трансфер на условиях аренды с правом выкупа трансферных прав или др.).

В следствии регулирования Трудовым кодексом Республики Беларусь перевода профессионального спортсмена или тренера, а не их трансфера (перехода), а также в силу трехсторонности трансферного договора, что не соответствует определению двухстороннему трудовому договору, разграничить сферу действия трудового зако-

нодательства для перевода и гражданско-правового законодательства для трансфера и исключить Трудовой кодекс Республики Беларусь из источника регулирования трансфера профессионального спортсмена.

Так как вопросы, касающиеся трансфера профессионального спортсмена, в соответствии с п. 7 статьи 16 Постановления Ассамблеи регулируются нормативными правовыми актами спортивной федерации, установить в Законе Республики Беларусь “О физической культуре и спорте”, что издание актов, направленных на регулирование вопросов трансфера спортсменов (правила республиканских и международных переходов спортсменов из одного клуба в другой) является обязанностью, а не правом.

Регламентировать и отразить все вопросы, затрагивающие трансфер спортсменов по сферам действия в нормах действующего законодательства. Так, например, установить особенности налогообложения компенсационных выплат в Налоговом кодексе Республики Беларусь, а также определить и отразить в законодательстве порядок учета операций в данных бухгалтерской отчетности. Также, по нашему мнению, трансферная система может затронуть страховое законодательство путем предоставления возможности страхования риска неуплаты по определенным причинам сумм компенсационных выплат.

Отмеченный сложный характер отношений по переходу спортсменов свидетельствует о необходимости комплексного регулирования. Не исключаем возможность, что наряду с изменениями в действующем законодательстве, такое регулирование можно осуществить и в рамках действующего Закона, или путем принятия нового нормативного правового акта, который более подробно регламентирует детали трансферной системы. Такие варианты, по нашему мнению, приемлемы, так как рассматриваемый трансфер спортсменов представляет собой самостоятельное правовое явление, которое регулируется нормами разной отраслевой принадлежностью.

Сделанные теоретико-практические выводы основаны на нормах действующего законодательства, которые, по нашему мнению, станут действенным механизмом прежде всего для формирования условий создания эффективной нормативной базы, только при наличии которой возможно решение вопросов развития спорта и высоких в нем достижений.

Таким образом, указанные положения, по нашему мнению, будут способствовать использованию эффективных возможностей государства для результативного регулирования общественных отношений в сфере профессионального спорта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Магденко, А. Д.* Философия права: регулирование трансферных отношений в российском спорте / А. Д. Магденко, Л. А. Еремеева // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 17(346). – С. 126–129.
2. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 31 мая 2007 г. № 28-8 О модельном законе “О профессиональном спорте” // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 : в ред. Закона Республики Беларусь от 9 января 2018 г. № 92-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 № 124-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. **Гошунова, А. В.** Возможности применения зарубежного опыта бухгалтерского учета человеческого капитала в российских профессиональных футбольных клубах / А. В. Гошунова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 3. – С. 106–116.
6. Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 12 декабря 2001 г. № 118 “Об утверждении Положений по бухгалтерскому учету основных средств и нематериальных активов” // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. **Кабзова, Н. В.** Спортивное право : учебно-методический комплекс / Н. В. Кабзова // УО “МГУ имени А. А. Кулешова”, 2018. – С. 96–111.
8. **Мигунова, Е. С.** О применении гражданско-правовых средств при регулировании отношений с участием спортсменов / Е. С. Мигунова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 2. – С. 231–233.
9. **Челышев, М. Ю.** О правовом регулировании переходов спортсменов / М. Ю. Челышев, В. П. Васильевич // ВЭПС. – 2010. – № 3. – С. 118–120.

Поступила в редакцию 03.05.2019 г.

Контакты: svib@msu.by (Свиб Анжелика Феликсовна)

Svib A., Kabzova N. PROBLEMATIC ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF TRANSFER RELATIONS IN SPORTS.

The article discusses public relations in the sphere of transitions (transfers) of professional athletes. A comparative legal assessment of the approaches to the definition of the object and legal nature of transfer agreement (contract) in legal literature is provided. The purpose of the article is to define the legal framework regulating transfers in Belarusian sport as well as to establish the ways to improve these relations.

Keywords: sports law, sports, transfers, transfer agreement (contract), legal regulation, professional athlete.